

Вадим Розанов

ПЛАТОЧКИ ОТ СГЛАЗА

**Повесть
о приключениях бископа
в Новой Киевской Руси**

Москва

2018

УДК 55,79
ББК 371

Р?? Розанов В. Платочки от сглаза. Повесть о приключениях бископа в Новой Киевской Руси – М.: 2018. – ????? – 160 с.

Об авторе:
?????

О книге:

МИР НОВОЙ КИЕВСКОЙ РУСИ

(авторское пояснение)

Как любому человеку, изучавшему научный коммунизм в институте, мне долго внушали мысль о закономерности исторического процесса. А фантазия рисовала совсем иные картины. Помню в 70-е на фортах Свеаборга рассматривал пушки с клеймами русских заводов и думал, а если бы в 1918 году события приняли иной оборот? И таких встреч с уже состоявшейся историей было много. Позднее к этому — уже на собственном опыте — добавилось понимание, что последующее описание того или иного исторического события, как правило, не имеет никакого отношения к случившемуся в действительности. Историю пишут победители, и пишут так, как им это выгодно. А позднее новые победители ее заново переписывают. Так и живем.

Мир Новой Киевской Руси родился из фантастически богатой идеи очень творческого человека, моей давней коллеги и друга Т.Д. Валовой. Именно она однажды, когда я рассказывал ей об очередной книге из жанра АИ¹, подкинула мысль: «А что бы было, если бы в 1918 году советское правительство переехало не в Москву, а в Киев»? Прошло, наверное, лет шесть и жизненные обстоятельства как бы подтолкнули меня к этой теме.

Итак, почему такое могло бы случиться и что бы произошло потом. Пока это только схема, к которой прилагается нечто похожее на повесть, объединенную одним главным героем. Но идей много, думаю, что мы с Татьяной Дмитриевной все же найдем алгоритм совместной работы.

¹Альтернативная история (АИ) — жанр фантастики, посвященный изображению реальности, которая могла бы быть, если бы история в один из своих переломных моментов (точек бифуркации, или точек развилки) пошла по другому пути

* * * * *

Развилка произошла в конце 1916 года. Одновременно наложился друг на друга несколько событий, которые в РИ¹ не имели фатальных последствий. Скончался престарелый император Австро-Венгерской империи Франц-Иосиф, на русско-австрийском фронте в ходе достаточно локальных боев Чешская стрелковая бригада, действовавшая в составе русской армии, разгромила один из гонведских (венгерских) полков, и этот факт получил не просто широкую огласку в Австро-Венгрии, а стал основной темой разговоров в казармах и окопах. И до этого-то не отличавшиеся особой любовью к товарищам по оружию из славянских областей империи венгры — как и другие, впрочем, ее безумно уставшие от войны солдаты — восприняли эту новость особенно болезненно. И, последнее, несколько германских частей, игравших роль корсета, поддерживающего устойчивость австрийско-русского фронта после страшного поражения в результате брусиловского прорыва летом того же 1916 года, оказались переброшенными на западный фронт в преддверии ожидавшегося там наступления армии кайзера. С оперативной точки зрения концентрация всех резервов на Западе была оправдана, поскольку никто не ждал новых наступательных порывов от русских раньше весны 1917 года, а к этому моменту германцы предполагали опрокинуть западный фронт и вывести Францию из войны.

Все это сложилось вместе, и двуединая империя рухнула. События предсказуемо начались в Будапеште. Провозглашение независимости, формирование временного правительства с перспективой последующих выборов взорвали фронт австро-венгерской армии. И если на Венгерской равнине гонведские части сразу не бросили окопы — все же родина за спиной, то на других участках они просто оставляли позиции и достаточно организованно двигались в сторону Венгрии. На итальянском и сербском фронтах это движение было не столь стремительно, там венгры сначала скорее обособились, перестали выполнять приказы из имперских штабов и взаимодействовать с соседними невенгерскими частями. Сил и инструментов противодействовать этому у империи не было. Более того, вслед за венгерскими частями на родину потянулись полки и бата-

1. По аналогии, соответственно, Реальная История, то есть, наш с вами мир

льоны, сформированные собственно в Австрии. Чешские части преимущественно митинговали, братались с русскими, росло число дезертиров. Все это происходило настолько быстро, что противники Австро-Венгрии даже не успевали реагировать, не вели решительных действий, занимая лишь откровенно опустевшие позиции противника.

Два месяца и южная часть общего фронта центральных держав на Востоке оказалась разрушенной. Германцы спешили спасти хотя бы то, что еще можно было спасти — эвакуировали свои отдельные части, материальные запасы, оружие и, особенно, продовольствие. Сил занять зияющие дыры в линии фронта или заставить воевать оказавшегося таким ненадежным союзника у них явно не было, тем более, что в кипении политических страстей в Будапеште, Вене и Праге все чаще звучала тема «справедливых границ», и было ясно, что очень скоро главным мерилom справедливости станет количество штыков. Котел в виде двуединой империи взорвался, и германцам предстояло продолжать борьбу в одиночку. Падение других союзников — турок и болгар — было лишь вопросом времени и, скорее всего, достаточно короткого. Так оно вскоре и произошло.

Последствия этих событий для другой стороны были тоже далеко не однозначны. Совершенно неожиданная фактическая победа над одним из противников сыграла дурную службу русской армии. Почти половина фронта оказалась в странных условиях — ни войны, ни мира. Первый радостный пропагандистский всплеск: «Ура, мы победили!» был воспринят всеми как предвестник скорого окончания войны и демобилизации. 90% личного состава девятимиллионной армии военного времени были готовы немедленно отправиться по домам. Так что антивоенный настрой РИ оказался еще и усилен неожиданной победой. Совершенно безумно с точки зрения дисциплины и армейской морали было различие в положении частей на собственно германском фронте и линии соприкосновения с бывшей Австро-Венгрией. Так что февральские события в Петрограде если чем и отличались от РИ, то немногим. Более того, именно на таком резком повороте истории особенно очевидны были неспособность Ставки и правительства адекватно реагировать на меняющуюся ситуацию — Николай просто не

знал, что делать: то ли спасти Австро-Венгрию исходя из принципа монархической солидарности, то ли добивать врага, с которым уже два с лишним года шла война. Так что империя рухнула.

В промежутке от февраля до октября вектор развития ушел еще дальше от РИ. Наследники Австро-Венгерской империи делили имущество и территории, что позволило России демобилизовать часть призванных запасных. Но напряжения в армии и в тылу это не сняло: германский фронт приходилось держать, союзники стали еще требовательней в отношении новых наступлений русской армии, ни один из ключевых для страны внутренних вопросов решен в этой ситуации быть не мог. Так что октябрь состоялся. В стратегическом плане отличался, пожалуй, масштаб возможной германской угрозы. Немцам в последние полгода было уже не до наступлений, поэтому ситуация на Балтике было явно спокойнее, а Украина вообще воспринималась как глубокий тыл. Да и триумфальное шествие советской власти было не таким очевидным. Особенно отличилась в этом отношении Москва, где бои красной гвардии с юнкерами продолжались вдвое дольше и завершились с минимальным преимуществом красных.

Россия ведет переговоры о мире с Германией. Позиция левых — «ни войны, ни мира» — еще более усиливается, т.к. размер германской угрозы представляется незначительным. Срыв переговоров, немцы переходят в наступление на узком участке фронта, рвутся к Питеру (почти как в РИ) и направляют несколько линкоров в Финский залив. К Питеру их флот не проходит (лед и мины), но обстреляли Ригу и Хельсинки и напугали реально. Балтийский флот в революционном состоянии, митингует и воевать просто не способен. На сухопутном фронте немцев с колоссальным трудом останавливают. Впрочем, резервы у них исчерпаны. Подписывается сепаратный мир без больших территориальных потерь (в основном Германии переходят польские районы), но с обязательством поставок продовольствия и сырья. Для Германии это важно, иначе ей не продолжить войну. Нет положений о флоте на Балтике и Финляндии. Про Украину и Черноморский флот в договоре вообще нет ни слова. И, вообще, самым главным своим достижением германская сторона считает обязательство Совет-

ской России не вмешиваться в дела бывшей Австро-Венгрии. В Питере при подписании этой статьи ехидно смеялись: мы-то не будем вмешиваться, но за Коминтерн мы не отвечаем! Впоследствии обязательства о поставках продовольствия фактически не выполняются, но немцам уже не до этого — в начале 1918 года под ударами союзников на Западном фронте Германия быстро рухнет.

Но еще до этого правительство большевиков все же решает переехать из Петрограда, поскольку город слишком уязвим с моря. Но куда ехать? Москва ненадежна, там у большевиков вообще нет очевидного большинства. К моменту переворота в городе было много военных училищ. Юнкера распущены, но они никуда не делись, а в городе сильно влияние правых эсеров. К тому же, Москва — традиционная монархическая столица России, там венчались цари. Возникает вариант Киева. Прямой угрозы с запада и моря (германские линкоры оставили по себе сильную память) нет, с северо-запада от Германии Киев прикрыт Припятскими болотами, ситуация с продовольствием там намного легче, чем в Москве и Питере. На Украине много демобилизованных, на которых предполагают опираться большевики, да и Черноморский флот вроде бы вполне боеспособен (морякам Балтфлота после истории с германскими кораблями доверия нет).

Совнарком и другие советские учреждения приезжают в Киев. В результате большевистское правительство сразу же оказывается отрезано от большей части страны, т.к. главный узел ж.д. коммуникаций в России — Москва, где возникает даже не заговор, а собственная, локальная власть (правые эсеры, опирающиеся на крестьян средней полосы, мещанство в городах и земские структуры). Под видом милиции создаются воинские формирования из бывших юнкеров и офицеров. Погон они пока не носят, но одеть их недолго. Жесткой конфронтации с Киевом у Москвы нет, но указания (особенно военные) саботируются. Военный конфликт у Совнаркома возникает с Доном, казаками, отчасти он носит национальный характер, Совнарком вынужден опираться на украинцев, казаки в ответ проводят частичную мобилизацию и держат границы Войска Донского. К формированию полноценной Красной армии Совнарком так и не приступает, опираясь на отдельные

рабочие отряды и части Красной гвардии. Национальное движение на Украине не приобретает характера самостоятельной политической и военной силы — зачем стремиться к независимости, если власть над всей страной формально и так осуществляется из Киева, а, в основном, «украинизирует» Совнарком изнутри.

** * * * **

Декрет о земле работает по всей стране, становится данностью, но выгоду из него извлекает не только беднота. В деревне происходит консолидация «крепких хозяев». Поволжье и Урал ориентируются на Москву. Особого голода нет, земля возделывается, урожай в 1918 году был неплохим. Города и село налаживают товарообменные операции. Наиболее сложная ситуация с продовольствием на северо-западе и в Питере, но это остается локальной проблемой и не определяет линию политического развития всей страны.

Здесь возникает естественный вопрос, а как же лидеры революции? Те самые легендарные титаны мысли и действия, о которых моему поколению рассказывали в детстве, и те, кому не посчастливилось в силу различных причин войти в советские учебники истории? Люди-то, действительно, были незаурядные. И здесь украду цитату у А.Гайдара: «обыкновенная биография в необыкновенное время». Титаны революции в мире Новой Киевской Руси просто не состоялись, поскольку время оказалось недостаточно необыкновенным. Да, в октябре они совершили переворот — это событие и в РИ называли переворотом, а не революцией, еще лет 10. Но именно переворот, а не революцию! Поскольку и в РИ революция как слом прежней системы общественных отношений и замена ее новой системой продолжалась не одну ночь, а фактически пару десятилетий и завершилась только к концу 30-х, когда строй более-менее устаканился. Так вот, в мире НКР у этих титанов не оказалось площадки приложения усилий. Не состоялась гражданская война — и нет легендарного ПредРевВоенСовета. Нет красного террора — нет ее инструмента и Дзержинский не становится именем нарицательным. И так далее. А вождь революции... Массы людей, общественные процессы, текущая жизнь огромной страны не подконтрольны его воле.

Основными нервными центрами России все же были Москва и Питер, но никак не провинциальный Киев. В отрыве от этих центров можно было теоретизировать о текущих задачах, но не управлять процессами.

** * * * **

И вот постепенно происходит коллапс центральной власти. В принципе, она не очень-то и нужна в этой ситуации. Главный вопрос — о земле — решен, а дальше все устраиваются кто как может. Сильно просела промышленность, большинство крупных предприятий закрыты. Военная продукция не нужна, для перехода на мирные рельсы нет средств. На этом фоне вопрос о национализации промышленности не особенно актуален. Наоборот, если что-то и продолжает «крутиться», то в результате частной инициативы. Начинается эпоха кустарей. На Украине возникает национальное движение, большевики с ним то воюют, то пытаются договариваться. Так проходит примерно весь 1918 год, серьезной гражданской войны нет.

В этих условиях яркие лидеры революции просто не находят сферы применения своим силам. Гражданской войны нет — нет и взлета Троцкого как военного руководителя, без борьбы с внутренней контрреволюцией не поднимается Дзержинский. Работы Ленина носят в основном теоретический характер и не связаны с повседневной практикой управления. Перед властью большевиков просто не стоит острых и ярких задач и в отсутствии поражений и побед она как бы хиреет.

На Западе наступает поражение Германии. При заключении мира солируют французы (американцы не успели всерьез встрять в войну). В результате Германия разделена на 6-8 государств, образована независимая Польша, распад Австро-Венгрии тоже оформлен. Колонии Германии поделены. «Обида» союзников на Россию существенно меньше, они заняты оформлением распада Германии.

Изменения к весне 1919 года.

На Северо-Западе — симбиоз выживания: русские губернии, прибалты и Финляндия. Главная проблема — снабжение про-

довольствием, политические и национальные вопросы уходят на второй план. Поскольку немцам было не до Финляндии, они в 1918 году не направляли туда подготовленных в Германии финнов-егерей и дивизию фон дер Гольца. Гражданская война не состоялась. В Питере по-прежнему живет 50 тыс финнов, в Финляндии стоят русские войска, которые постепенно демобилизуются. И далеко не все вчерашние солдаты уезжают из Финляндии. И финны, и эстонцы по-прежнему сильно завязаны на работу в Питере. Регион пытается делать упор на свой промышленный потенциал и транзитное положение. Предприятия слегка «дышат», обслуживая местные интересы. Дешевизна производства привлекает шведов и они размещают небольшие заказы на простую технологическую продукцию. Петросовет уже давно потерял связь с центральным правительством в Киеве, существенно обновился и погружен, главным образом, в вопросы выживания города.

Большевики в Киеве окончательно «сдулись». Людские резервы в основном у националистов, собственно Россия живет «своей жизнью». Очень сильное сокращение населения Москвы и губернских городов — все, кто могут, уходят «на землю» или, по крайней мере, ближе к ней. Резкий промышленный спад, развал финансовой системы. Появление «местных денег», переход к натуральному хозяйству. Самоуправление. Престиж центральной власти крайне низок, за нее никто не борется.

Лето 1919 года — первая польская война. Только что обрванная волей победившей Антанты Польша пытается максимально раздвинуть свои границы. Момент для этого Варшаве показался подходящим. Соблазнившись кажущимся безвластием и слабостью России, поляки легко оккупируют западные области Украины и Белоруссии, Литву. В ответ русское общество как будто взрывается. Народ за 1918 год «отошел» от военных тягот. Фактически армии в России нет. Есть отдельные территориальные формирования различной политической направленности. Но внешняя, тем более польская, угроза повсеместно воспринимается как национальное унижение. Возникают добровольческие формирования. Оружия и людей, которые умеют им пользоваться, более, чем достаточно. Есть немало известных генералов, которые формируют из отдельных отрядов целые корпуса. В одном строю

оказываются киевская Красная гвардия, донские казацки полки, сводные дружины отдельных городов и губерний под командованием офицеров. Одна лишь Москва выставляет более 20 тыс человек с артиллерией, бронепоездами и авиаотрядами. Хотя единого командования создать не удастся, командующие корпусами налаживают взаимодействие, и русские формирования легко выдавливают поляков примерно до «линии Керзона». Здесь вмешиваются союзники, которые видят в происходящем угрозу своему «польскому проекту». Совнарком легко идет на мирное соглашение с Варшавой, видя в этом возможность укрепить свою власть.

Активная часть населения и командование армейских формирований реагируют на это крайне негативно. Происходит всплеск общественной жизни в Европейской России и на Украине. Вспоминают про Учредительное собрание и, опираясь на военную силу, проводят в него новые выборы в Европейской части России, на Украине и в Беларуси. Урал и Сибирь польская война не затронула и там на выборы не раскачались. В этих регионах сохраняется власть губернских советов/дум. В Средней Азии — расцвет байства, в Закавказье — мелкобуржуазные националисты.

В России в губерниях власть массово переходит к правым эсерам и ряду новых мелкобуржуазных партий регионального значения. Большевики отказываются сдать власть. Учредительное собрание проводит свое первое заседание в Москве и провозглашает «поход на Киев». Город взят фактически без боя ополченческими отрядами, защищать Совнарком оказалась практически некому, поскольку Красная гвардия отказалась сражаться против вчерашних братьев по оружию. Осенью 1919 года в Киеве провозглашается новое государство — Новая Киевская Русь. Вопрос о переносе столицы не стоит. Питер ушел своим путем, Москва захирела. К тому же затевать новый переезд просто слишком затратно. Возникает Народная республика. Земля, поделенная по Декрету о земле, законодательно переводится в частную собственность. Принимается Конституция. Проводятся выборы в Государственную думу. Позднее, в течение 1920 года, оформились Балтийская федерация (три республики — Петроградская, Финляндия, Эстляндия), УралСиб как федерация местных губерний, ДВР.

Закавказье в результате ряда военных конфликтов окончательно распалось на 3 республики, а Средняя Азия в виде формально независимых государств вошла в зону влияния Урал-Сибя, южная граница которого проходила по линии Аральское море—Сыр-Дарья—Балхаш.

Подобная государственная конфигурация более чем устраивала союзников, открывая им большие возможности для влияния на новые образования, манипулирования ими, проникновения капиталов и захвата рынков, поэтому они легко пошли на дипломатическое признание новых государств. Одновременно была выдвинута геополитическая теория отмирания по мере развития человеческой цивилизации крупных империй и стран и формирования государственности на национальной основе. Британцы при этом даже пошли на некоторую модификацию своего традиционно имперского мышления, путем придания властям колоний и доминионов большей степени самостоятельности.

Постепенное восстановление экономики и общественной жизни в НКР. Умеренная рыночная экономика, формирование многопартийной системы. В деревне происходит расслоение, «справные хозяева» становятся оплотом власти. Города, особенно небольшие, возрождаются, а из села вымываются неэффективные производители. В результате заводы и фабрики получают рабочую силу, а сельское хозяйство становится преимущественно фермерским.

Из последующей истории можно выделить:

Переселение немцев в НКР и УралСиб в 20-е годы. Крайне тяжёлые экономические условия в Германии побудили до 3-х миллионов немцев, преимущественно из числа промышленных рабочих, перебраться в Россию. Расселяясь сравнительно компактно, они сформировали костяк многих трудовых коллективов предприятий металлопромышленности и машиностроения.

Украинизация власти в НКР — две волны, 30-е и 50-е годы. Одно из последствий — глава государства с 1934 года называется Верховным гетманом, а министры — гетманами с соответствующей зоной ответственности. Вообще в государ-

ственной бюрократии задержалось некоторое количество украинских терминов и многим это не нравится.

Вторая и третья польские войны, война с Турцией за свободу плавания в проливах.

Вторая польская война в 1935 году, отчасти, и была вызвана украинским креном в политике НКР. Тогдашний Верховный гетман практически сразу же после избрания заговорил об «исторической справедливости», необходимости воссоединения с «западно-украинскими братьями, томившимися под гнетом польского режима». Дальше — больше. Провокации на границе, взаимные обвинения, ноты протеста. Обстановка накалялась.

Решающую роль сыграло то, что доминировавшая в этот момент в Европейской политике Франция рассматривала Польшу как важный инструмент обеспечения собственной безопасности как в отношении германских государств — все же с окончания мировой войны прошло всего 15 лет, так и против возможного усиления русской политики, выразителем которой (вот парадокс!), французы видели в этот момент именно Киев. В результате Польшу накачивали современным оружием и техникой, французские инструкторы готовили польских офицеров и военно-технических специалистов.

Первый удар нанесли поляки. Раздув один из рядовых пограничных инцидентов, они бросили через границу мобильный корпус из пары кавалерийских дивизий и нескольких полков легкой бронетехники. Удар наносился в Белоруссии. Делалось это скорее по политическим соображениям — в Варшаве считали, что украинское руководство НКР не воспримет такой поворот событий так же остро, как это было бы в случае вторжения на собственно украинские территории. Вот и сошлись под Минском польские легкие танки французского и английского производства с аналогичными русскими бронемашинами, сделанными, правда, в Харькове но по тем же образцам.

Силы оказались все же неравными. Русский офицерский корпус имел в своем составе немало ветеранов Великой войны, и армия НКР сначала остановила поляков, а затем и отбросила к границе.

Дальше — по традиции: сначала переговоры при посредничестве Парижа, а затем и очередной мирный договор, в долговечность которого не верила ни одна из сторон. Славяне очередной спор между собой не закончили, а лишь прервали.

В Киеве из случившегося сделали серьезные выводы. К следующей войне готовились всерьез, развивали военное производство, накапливали оружие, учили войска. Ждали лишь благоприятного момента.

Он наступил в конце 43 года, когда Франция и Великобритания, наконец, сцепились между собой из-за влияния на Ближнем Востоке. Спор касался контроля над нефтяными месторождениями и маршрутами доставки нефти. Сначала в конфликтах участвовали туземные формирования подконтрольных обеим колониальным державам территорий, но градус напряженности между Парижем и Лондоном резко повысился. Велись реальные военные приготовления, стягивались флоты, командование авиации обеих стран всерьез изучало возможность нанесения бомбовых ударов через Ла-Манш. До Польши ли тут.

И Киев нанес удар. Основное направление наступления было с польско-украинской границы на северо-запад, вдоль течения основных польских рек с выходом на Варшаву и дальше к Балтике. Вспомогательный удар — от Минска строго на запад. Сначала пал Люблин, за ним и Варшава. На этом пришлось остановиться. Британцы и французы как-то очень быстро забыли о своих противоречиях и совместно надавили на Киев. Тут и корабли пригодились. В Черное море вошел совместный «миротворческий» флот. Вскоре силам «миротворцев» пришлось передать и контроль над польской столицей. Впрочем, вести с поляками натуральную анти-партизанскую войну не очень и хотелось. По условиям окончательного мирного договора НКР перешли территории примерно с 12 млн населения, приобрела независимость Литва, а на Польшу были наложены серьезные военные ограничения. На этом «польский вопрос» в военном плане для НКР был закрыт.

Вместо Второй мировой войны произошел ряд региональных конфликтов. В отсутствии глобального военного противостояния техническое, экономическое и социальное развитие

происходили намного более медленно, чем в РИ. В первую очередь это касается транспорта, электроники, средств связи. Вообще, все в мире происходит как бы медленнее и ровнее, а отношения между людьми и странами сохранили налет патриархальности.

К началу XXI-го века НКР — государство среднего уровня развития в мире, где практически отсутствует понятие «великие державы». Экономика — рыночная, власть — централизованная, вера — по большей части православная, народ — недовольный, как всегда. В обществе довольно велико число приверженцев имперских традиций. Что-то должно измениться, а что — никто не знает.

Киев — столица, но не мегаполис. За ним следуют Харьков, Москва, Ростов и Одесса (за счет своего порта). Сильно развит речной транспорт, построено много железных дорог в меридиональном направлении.

УралСиб — формально намного более демократическое и свободное государство. Фактически же там царит власть промышленников и купцов. Размах сибирский.

Балтийская Федерация — сильно европеизированное общество, прагматики и немного занудные буквоеды.

Ситуация на Дальнем Востоке всегда какая-то немного непонятная. Русская Дальне-Восточная Республика вобрала в себя целый ряд как азиатских, так и американских черт. Люди там живут какой-то своей жизнью, и живут неплохо.

Закавказье — глубокая провинция. Грузия и Армения держатся только за счет военных договоров с НКР, заключенных более полувека назад в период жесткого противостояния с Турцией.

А вот беды России остаются прежними, вне зависимости от политического строя и границ государства...

Рассказ первый

ПЛАТОЧКИ ОТ СГЛАЗА

Дверь за очередным просителем закрылась. Бископ¹ убрал с лица улыбку, откинулся на спинку кресла и вздохнул. Прием посетителей — тяжелая, но необходимая обязанность в его положении бископа-ключника Киевской патриархии. Достичь этого поста в сравнительно молодые годы было непросто, даже несмотря на прекрасные стартовые позиции: бископ происходил из хорошей одесской семьи, получил прекрасное образование, сумел быстро подняться в церковной иерархии, имел в высшей степени благообразный вид — злые языки уверяли: не во всякую дверь войдет! — ум изощренный, а контакты в высших органах власти Новой Киевской Руси преобширные.

Так кто там следующий? Некто господин Берг. Фамилия эта бископу ничего не говорила, но уж если просителю удалось попасть в список на прием, значит, за ним кто-то или что-то стояло.

Звонок секретарю и в дверь с приятной улыбкой зашел человек, внешний вид которого никак не соответствовал фамилии. «Ему бы подошло что-нибудь наше, истинно украинское», — подумал про себя бископ и приготовился слушать.

Посетитель был краток. Взяв со стола листок бумаги он просто и ясно написал на нем: 100 миллионов карбованцев, и подвинул этот листок бископу. Другого на месте хозяина кабинета эта цифра, возможно, и воодушевила бы, но бископ не зря уже два года возглавлял отдел по общим вопросам Киевской патриархии. Видывал он число нулей и побо-

1. Бископ — епископ, естественно. Прозвище это наш герой получил, однако, еще обучаясь в семинарии, задолго до возведения в сан. Что-то в нем было такое, с одной стороны, несколько иноземно-аристократичное, а, с другой, истинно малороссийское. Одессит, одним словом.

лее. Но в целом разговор начинал складываться любопытно, и он с ожиданием поднял глаза от листка на гостя.

— Видите ли, — пояснил тот, — я — человек дела и довольно далек от Вашей духовной деятельности. Но у меня есть друзья, которые были бы готовы пожертвовать эту сумму для того, чтобы патриархия приняла в свое лоно и возвела бы в достойный сан господина Дьяконова.

Бископ почувствовал подвох. Он сам заплатил за свой сан лишь немногим меньше, но этому предшествовало почти 10-летие усердных трудов в Одесской епархии, включая и наместничество в монастыре. Сейчас он был фигурой, известной всему Киевскому патриархату, а фамилия Дьяконов никаких ассоциаций у него не вызвала.

— Хотелось бы узнать несколько больше о Вашем кандидате, — осторожно ответил он, на всякий раз еще раз подсчитав число нулей на листочке.

Услышанное в ответ его не порадовало. Он уже слышал ранее об этом человеке, но ему даже не могло прийти в голову, что кто-то будет просить за него в этом кабинете, да еще предлагать такие деньги.

Дьяконов, теперь он вспомнил в деталях. Классический юродивый с претензией на младостарчество. Возомнил себя невесть кем. Собрал вокруг себя пару дюжин экзальгированных дам, проповедует им что-то, чуть ли не собственное Евангелие сочинил, деньги на что-то там собирает. Таких в принципе в последнее время становится все больше. Тех, кто побезвреднее патриархат старался под себя подбирать, но этот, скорее всего, относится к категории малоуправляемых. С такими сложно, а лучше вообще не связываться. Но что-то с ним было такое особенное...

Нахмутив брови, бископ повернулся к монитору компьютера — не чужд он был прогрессу, не чужд — и выбрал нужную папку. Уж с чем-чем, а с учетом в патриархии дела были на высоте. «Дьяконов»... Да, он же полуглухой и музыку сочиняет! И еще эти, «платочки от сглаза». «Надо же придумали», — позавидовал бископ. Время от времени на улицах города и особенно у храмов появлялись сторонни-

цы Дьяконова, продававшие за небольшие деньги платочки от сглаза. Народ посмеивался, но брал. Копеечное дело, а вдруг поможет. Многие при этом затем заходили в церковь поставить свечку. Чтобы уж наверняка.

«Жаль, — подумал бископ, — не пройдет. В последнее время благостный владыка (так в церкви называли патриарха) несколько раз пускался в рассуждения на тему конкуренции и обличал всех, кто пытается урвать свой кусочек от религиозного пирога. Но уж больно деньги легкие, жаль отказывать».

— Скажите, — вместо этого спросил он, сразу показывая, что предмет разговора стал понятен — неужели на этих своих платочках они собрали такую сумму?

— Я, собственно, их финансами не командую, — ответил гость, причем чувствовалось, что он проглотил в начале «к сожалению» — но на самом деле денег у них намного больше. Как ни странно, этот Дьяконов действительно увлек немало людей, в том числе и состоятельных. Жертвуют. Причем жертвуют с прицелом на то, что будет у него со временем и сан, и свой храм.

И пожал плечами, показывая тем самым, что сам бы жертвовать не стал.

Бископ невольно повторил этот жест. Вписываться было довольно опасно, недругов у него хватало, а фигура уж больно одиозная. Он, конечно, знал среди священников и не таких деятелей, да и сумма, но... опасно.

И тут его осенило.

Он еще раз окинул взглядом посетителя, оценил его проницательную полуулыбку и осторожно спросил:

— А какой, как Вы предполагаете, суммой они располагают?

— Так о миллиарде вроде бы шел разговор, — ответил Берг.

Оба помолчали.

— Жаль, — задумчиво проговорил бископ, внимательно глядя на собеседника, — искренне жаль, что такие сум-

мы лежат без движения. А ведь могли бы послужить и делу церкви, и бизнесу нашему громадянскому.

— Причем в чулане лежат, владыка, в старых чемоданах, как еще мыши не съели...

— В чулане!!? — это было уже выше понимания бископа и он решился окончательно.

— Знаете что голубчик, оставьте-ка Вы мне свой телефон, посмотрим может быть что-то и удастся сделать.

— Буду с нетерпением ждать, — вежливо ответил Берг, положил на стол визитку, достойно склонил голову в знак прощания и вышел.

Бископ встал, прошелся по кабинету, постоял у окна. Затем снял трубку телефона и набрал номер генерала варты.

* * * * *

Последующие несколько дней у бископа выдались довольно напряженными. Договориться с вартовыми было несложно. После того, как бископ назвал сумму, речь уже скорее шла только о том, чтобы удержать их от немедленных действий. Не то, чтобы бископ вообще исключил вариант непосредственной «экспроприации казны сектантов» — про себя он назвал именно так всю операцию — но рисковать не хотелось. Кто знает, насколько аккуратно проведут вартовые изъятие денег, где и как потом засветятся со своей долей добычи. Бископ был сторонником более изящных решений, а именно такое здесь и напрашивалось.

К тому же чисто материальный интерес подкреплялся и политическими соображениями. В последние год-два Киевская патриархия, вернее узкая группа архиереев в ее руководстве, настойчиво укрепляла свои позиции в органах государственной власти. В первую очередь этому способствовало личное влияние ряда иерархов на Верховного гетмана. Что поделаешь, с возрастом Верховный все чаще задумывался о бренности всего земного. Ряд не слишком удачных внешнеполитических акций, особенно в отношениях с вечными недругами Новой Киевской Руси на западе, умножил и без того немалый список прямых потерь. Спецподразделения,

замаскированные под различные добровольческие формирования, приходилось все время пополнять новыми сердюками. Да и во внутренних делах трудно было оставаться безгрешным. Духовным пастырям Верховного приходилось все чаще бросать все дела и мчаться по вызову его канцелярии со словами увещевания и молитвы. Пока эта схема работала и освободив свое духовное чадо от очередного бремени грехов, пастыри отправлялись в Лавру готовить новые предложения об укреплении роли патриархии в повседневной жизни страны. Достижений было уже немало. Кандидаты патриархии получили посты гетманов образования и культуры, все ее финансы были выведены из-под любого государственного контроля, а варта начала потихонечку заводить уголовные дела на различные мелкие религиозные секты, которые в последние годы множились на просторах Новой Киевской Руси. Вартовым это нравилось. Бороться с явными и мнимыми сектантами было намного безопаснее, чем гоняться за реальными террористами в предгорьях Большого Кавказа.

Вечные оппозиционеры, особенно из числа традиционно далеких от православия одесситов, пытались представить эту симфонию государственных и церковных властей как примитивную попытку мобилизовать дополнительный ресурс православных выборщиков на предстоящих через пару лет выборах Верховного гетмана, не понимая глубинный смысл происходивших в стране изменений.

У Бископа в этих делах была своя важная роль. Контакты патриархии с вартой не афишировались, но имели глубокие исторические корни. Слишком много полезной и не всегда безвредной информации оседало в архивах патриархии, слишком велико было ее влияние на самых неожиданных персонажей и общество в целом, чтобы варта могла пройти мимо такого института. И не проходила. К сожалению, многое здесь зависело от личности первосвященника, некоторые из них категорически отказывали светской власти в использовании церкви как инструмента формирования общественного самосознания. Сейчас в этом отношении все было в порядке. И бископ легко договорился со своим добрым другом-генералом о том, что следующим объектом разработки из числа сектантов станет Дьяконов.

Оставалась чисто формальная сторона дела. Устную договоренность было бы неплохо подкрепить письменным обращением благостного к гетману варты. Текст был быстро приготовлен, но явно не хватало мотивации. И тогда бископ вспомнил о платочках от сглаза. Трудно было бы предположить, что Дьяконов и его сподвижницы платили налоги с продажи этого специфического товара. Да и не принято было как-то в НКР всерьез разбираться с доходами и финансами религиозных организаций — слишком уязвима была в этом отношении сама Киевская патриархия. Но сейчас, почему бы нет, надо хотя бы за что-то зацепиться, а там, глядишь, дело само пойдет.

Строчки легко легли на бумагу. По традиции, бископ поймал благостного на выходе из его кабинета, коротко доложил, что «секта Дьяконова» растет на глазах и набирает силу и попросил подписать письмо гетману варты.

Реакция первосвященника превзошла его ожидания. В последнее время при упоминании сектантов и язычников он буквально терял самообладание и рвался громить их и словом, и делом. Некоторые злые языки связывали это с тем, что вопреки торжественным декларациям о принадлежности к православию чуть ли не 100% населения НКР, церковь с каждым годом теряла все больше прихожан из числа тех, кто приходил в нее не ради соблюдения обрядов, а в поисках ответов на вечные вопросы бытия.

— Письма мало! — горячо провозгласил он, — я лично позвоню Верховному! Пусть даст команду!

«И слава Богу! — подумал про себя бископ, — теперь не откроются!» Рассказывать благостному про миллиард карбованцев он не собирался.

* * * * *

Если бы кому-то из близко знавших Дьяконова рассказали о том, какое внимание и главное — каких людей! — неожиданно вызвала его скромная фигура, недоуменный взгляд в ответ был бы гарантирован. Не то, чтобы этот уроженец поселка Бровары под Киевом отличался какой-то необычайной скромностью, скорее наоборот, мысли о собствен-

ной значимости ему были явно не чужды, но вот выбранная им сфера деятельности явно не обещала скорого и громкого успеха. Получив неплохое светское образование — исторический факультет Киевского университета в НКР котировался довольно высоко — он в силу очевидного нездоровья не смог сделать ученую или бюрократическую карьеру. Крайне ослабленный слух в этом плане был серьезным препятствием. Однако, как это часто бывает, невозможность добиться того, что доступно для других, побудило Дьяконова всерьез задуматься о причинах подобной несправедливости, найти ответ в божественном промысле, лишившем его простого и общедоступного ради какого-то иного служения и возможно, великой миссии... В результате после нескольких лет, проведенных в углубленных изучениях различных религиозных практик и учений, он почувствовал в себе силы и призвание учить и вести за собой других, опираясь на открывшуюся ему божественную силу и некие откровения, поступившие непосредственно от Создателя.

Кто мы такие, чтобы судить или оценивать таких проповедников. Да и страшно это делать. Скорее всего у любого обличителя младостарцев и сектантов где-то на самом краю сознания временами пробивается крамольная мысль: «А вдруг? И что тогда? Войдешь в историю как новый Понтий Пилат? Сомнительная честь».

Но это на краю сознания. А в повседневной жизни Киевская патриархия таких провидцев и праведников решительно осуждала, призывая всех сограждан искать ответы на вопросы духовного плана в стройных рядах своих верующих.

Проблема состояла только в том, что европейская ориентация НКР требовала публичной терпимости в делах веры и декларирования светскости. Так, собственно, и было записано в конституции республики. Так что морально осуждать новые религиозные учения Лавра могла, а вот прижать их к ногтю, как они того давно в ее глазах заслуживали, было трудно. Ситуацию осложняло и то, что за этим вечным боем Лавры с сектами пристально наблюдали представители иных конфессий, представленных в НКР, справедливо полагая, что следующими в очереди на публичное аутодафе могут оказаться они.

Но это все высокая религиозная политика. А Дьяконов тем временем читал лекции в каких-то библиотеках и музеях на окраинах Киева, издавал дешевые брошюры с изложением своих идей, а для души начал сочинять музыку — очень далекую от классической, из категории на любителя. С материальной точки зрения все это были сущие копейки, но деньги мало интересовали Дьяконова. Получая истинное удовлетворение от уважительного внимания своих поклонников, он все больше убеждался в том, что нашел свой путь. Постепенно вокруг него собралось несколько десятков человек, состав этой группы менялся, но в любой момент в ней преобладали одинокие женщины с трудной или неустроенной судьбой. Неудивительно, что со временем главным содержанием их встреч стал именно разбор обстоятельств их личной жизни, причем в результате рассуждений Дьяконова обычно оказывалось, что во всех своих бедах женщины виноваты сами. Так и жили они все с этим комплексом вины — очень присущая для русского человека ситуация.

Отношения с церковью у Дьяконова складывались не просто. Считая себя абсолютно православным человеком, он решительно не понимал, почему с амвона вещают часто очень малограмотные попы, а он, просветленный высшим знанием и знающий ответы на ключевые вопросы бытия, лишен такого права. Дело усугублялось еще и тем, что после окончания университета он провел пару лет в одном из монастырей — правда, никто так до конца и не понял в каком качестве — и иногда намекал особо доверенным своим последователям, что был рукоположен одним из епископов. Поскольку при недавней смене руководства Киевского патриархата в церкви случилось крупное нестроение и как бы даже ни раскол, имя этого епископа поминать сейчас было уже не принято. Да был ли он вообще... Но тем не менее Дьяконов вдруг иногда появлялся перед своими последователями в полу-священническом облачении и тогда разговоры заходили то ли о своем храме, то ли о монастыре. И сподвижницы Дьяконова уже видели себя в монашеских одеждах в стенах своего храма на службе, которую вел Дьяконов.

Разговор на эту тему возникал не часто, но регулярно, и во время одного из первых таких разговоров кто-то упомянул о небольшом храме, построенном одной из подобных групп. Кто-то другой слышал и о сумме, в которую вылилось все это мероприятие. Сумма была не запредельной. Тем более, что в «копилке» группы уже лежали какие-то деньги, собранные на лекциях. Позднее никто уже не мог вспомнить, кто произнес фразу: «А давайте попробуем!», но слово было сказано и пытливые женские умы задумались о возможных источниках доходов.

Здесь кое-что надо пояснить. Среди последовательниц Дьяконова — сестриц, как он их называл — нищих в общем-то не было. Более того, большинство сестриц имели высшее образование и неплохую работу. Вот только принадлежали они к той категории людей, которые не могли ограничиться традиционным набором материальных ценностей, да и не особенно ими дорожили. Наверное, потому и задерживались они вокруг него, что и он в своем учении делал упор на духовное, не очень понимая и зная, как научить людей материальному благополучию. Так что, было у них чем пожертвовать. Теперь появилась и цель.

Но новая идея захватила и Дьяконова. Он ощутил невероятный прилив сил, ощущение того, что правильный путь наконец найден. Пришедшая сила была чем-то новым и необычным в его жизни, и он почувствовал, что может и имеет право обращаться непосредственно к Богу с молитвами и просьбами не только за себя, но и других людей. Так обозначился еще один источник доходов.

Так уж случилось, что в один из ближайших дней к нему обратилась одна из женщин с просьбой помочь подруге — снять порчу. Дьяконов согласился, не очень задумываясь о соответствии самой постановке вопроса канонам православия. Ему было интересно проверить пределы своей новой силы. Посмотрев в глаза страдальце и подержав руку над ее головой, он ощутил, что женщину явно оставляет мучавшее ее беспокойство, и захотел дать ей что-то на память. Сунул руку в карман и вытащил странный платочек, попавшийся ему утром в шкафу. Это была память о тех временах, когда

еще в начальной школе детей учили делать матерям подарки на день матери. Брался небольшой квадрат белого полотна, по краям делалась бахрома — по одной выдергивались перпендикулярные нитки, а затем в середине вышивалось поздравление. Почему-то именно такие платки любили делать почти во всех школах.

— Возьми, защитит от сглаза, — сказал Дьяконов, почему-то пребывая в полной уверенности, что этот кусочек ткани с разлохматившимися краями действительно может помочь этой женщине.

Что уж там случилось дальше в ее жизни история умалчивает, но телеграф джунглей сработал, история обросла легендами, народ пошел потоком, и на поток же пришлось ставить производство платков. Было решено, что с каждой стороны платка надо выдергивать по 10 ниток, а вышитое пожелание может варьироваться по тексту. Сколько глаз испортили последовательницы Дьяконова выдергивая эти нитки, и что говорили про себя некоторые из них за этим интеллектуальным занятием — знать нам не дано. Но платки расходились хорошо, иногда их покупали сразу по несколько штук — в подарок, на случай утери, да просто носить в карманах разной одежды. Была ли от них кому помощь — сказать тоже сложно, но и вреда явного не было. А так, мы же всегда понимаем, что в жизни может быть и хуже. Мягкий, по-детски наивный платочек вероятно немного отпускал и согревал душу.

Постепенно в группе наладилось своего рода разделение труда. Кто-то дергал нитки, кто-то вышивал пожелания. Были мастерицы проникновенно рассказать о волшебной силе платочка с пожеланием затворника и молитвенника Дьяконова, а кто-то, не жалея себя, в любую погоду предлагал платочки прохожим на улицах Киева. Так и называлось это у них: «стоять на платочках».

Власти и церковь сначала были этого вообще не замечали, а потом оказались в недоумении. Строго говоря, такая торговля была не совсем законной, но уж слишком трогательно выглядел и сам товар, и те, кто его предлагали. Так и махнули рукой.

Худо-бедно денежные ручейки — платочки, частные пожертвования, продажа брошюр и дискет с музыкой Дьяконова — наполняли емкости в его квартире. Ему с самого начала казалось правильным собирать эти деньги в натуральной форме, не помещая их на счета в банках. Поскольку номинал киевской валюты был невелик, так, постепенно, собрался миллиард карбованцев. Впрочем, и в пересчете на сибирские рубли или английские фунты сумма выглядела вполне достойно.

Открытым оставался вопрос как превратить эти деньги — а их физический объем уже составлял несколько чемоданов — во что-то осязаемое и конкретное. В группе на этот счет существовало несколько мнений. Кому-то виделся храм в центре Киева из числа старых, кто-то отстаивал идею собственного строительства в одном из спальных районов, а некоторые вообще предлагали найти участок в паре сотен километров от Киева и строиться там. В их мечтах возникала то ли новая Лавра, то ли пещерный монастырь на крутом берегу Днепра, то ли большое монастырское хозяйство среди богатых и людных сел. Однако все разговоры на этот счет просто физически не могли перейти в практическую плоскость до тех пор, пока группа не располагала главным — письменным благословением одного из архиереев. Без этой красивой и важной бумаги вся их будущая храмостроительная деятельность автоматически делала из них сектантов-раскольников, не имеющих никакого отношения к патриархии. А к этому ни сам Дьяконов, ни многие из них не были готовы. Как преодолеть это препятствие и получить заветную бумагу не знал никто. Им просто казалось, что в один прекрасный день она как бы сама материализуется божьим промыслом, и все дальше будет складываться нормально: к ним приедут доброжелательные и мудрые священники, похвалят за труды и стойкость в вере, освятят участок и заложат будущий храм. А дальше это будет уже только вопрос времени и усердия строителей. Пока же никто не приезжал, годы шли и, более того, представители патриархии время от времени как-то лениво осуждали дьяконовцев за суеверие.

Наблюдавший все это г-н Берг, брат одной из самых активных дам в окружении Дьяконова, уже давно отчаялся

урезонить свою сестру и просто с усмешкой следил за терзаниями сестриц. Правда, мысль о чемоданах с карбованцами раз за разом возвращалась к нему в голову. И вот однажды, решая один из многочисленных вопросов своего бизнеса у головы районной управы, он задумался, а почему бы ни применить тот же подход и в патриархии. Найти подходы к бископу было только делом техники, так он и очутился в его кабинете. Дьяконов и сестрицы о его походе знали и ради святого дела были готовы поделиться.

* * * * *

Тот судьбоносный в жизни Дьяконова день начался как обычно. Он уже давно перебрался из своих Броваров в маленькую двухкомнатную квартиру на Подоле. Хозяйкой квартиры была та самая сестра г-на Берга, женщина достаточно состоятельная. Во всяком случае, передать одну из своих квартир в бесплатное пользование своему кумиру ей было несложно. Дом был старый, четырехэтажный еще дореволюционной постройки. И дом, и квартира требовали серьезного капитального ремонта, но владельцы квартир никак не могли договорится о совместном финансировании ремонта, а недостатки жилья, старая потерянная мебель, древний компьютер мало беспокоили Дьяконова. Напротив, поскольку практически ежедневно к нему заходили одна — две и более сестриц такая подчеркнутая скромность хорошо дополняла образ молитвенника-праведника. Да и не нужны ему были, честно говоря, те зримые признаки успеха, которыми окружали себя киевляне из разряда людей богатых. Исключение составляла только входная дверь. Стальная, с современными надежными замками. Все же крупная сумма наличными в чулане требовала хотя бы минимальных мер безопасности.

Однако против лома, а в качестве лома выступал домкрат специальной службы полиции по охране порядка (в просторечии Попы, с ударением на первый слог), и стальная дверь не помогла. На глазах изумленного Дьяконова, как раз только что умывшегося и проходившего по коридору в трусах и майке с первой утренней чашкой чая в руке, дверь вместе с коробом вдруг рухнула, и через нее в квартиру хлынул по-

ток людей. Одетые во все зеленое Попы, люди в обычной форме городских, вартовые в штатском, съемочная группа телевидения — всего человек 15 — ворвались в квартиру, промчались по ней, добывая и без того дышащую на ладан мебель и вернулись в коридор, остановившись перед дверью в чулан.

— Здесь! — провозгласил один из них, явно преисполненный охотничьего азарта.

Обычная фанерная дверь в чулан вообще никого не остановила и в коридор выволокла хранившиеся в нем чемоданы. Группа захвата отхлынула в стороны, непонятным образом освободив почти полностью крохотный коридор, и один из Попов быстро открыл чемоданы. Вид пачек с наличностью вызвал у присутствующих глубокий вздох — то ли облегчения, то ли восхищения, то ли зависти.

Прозвучала команда: «Считаем!»

Последующие несколько часов запомнились Дьяконову как нечто весьма занудное и плохо организованное. Все от него чего-то хотели. То машинку для подсчета купюр, то тару для их перевозки (чемоданы всего этого не пережили), то объяснения на тему, кто он такой и почему здесь находится, чьи это деньги и так далее. Довольно скоро спрашивающие поняли, что достучаться до Дьяконова можно только крича ему свои вопросы прямо в ухо. Порядка процессу это тоже не прибавило. Наконец деньги подсчитали и старший над вартовыми предложил Дьяконову проехать вместе с ними в участок, предъявив ему официальную бумагу — его обвиняли в мошенничестве в форме организации торговли фальшивыми платочками от глаза.

Здесь надо сделать небольшое отступление и вернуться к тому этапу этой истории, который наступил сразу же после получения гетманом варты письма от первосвященника и команды от Верховного гетмана, прозвучавшей в довольно неопределенной форме: там звонили из Лавры, разберитесь!

Спустившись на этаж ниже все эти указания достигли того самого вартового генерала, которому и звонил бископ.

Ситуация была понятна, надо брать! Вопрос только в том, как и за что. Брать-то в общем было не за что. Поломав пару дней голову, генерал напряг своих подчиненных, и в условиях полного дефицита конструктивных идей один из них предложил совсем идиотский вариант, который, тем не менее, был признан реальным именно в силу своей «идиотской объективности», по выражению вартового генерала.

— А давайте докажем, что его платочки — фальшивые, так как от сглаза не помогают! — именно эта линия обвинения и была выбрана вартовым следствием.

К чести службы криминальной экспертизы надо сказать, что она сразу отказалась от сомнительного удовольствия исследовать и давать заключение о наличии или отсутствии у платочков целительной силы против загадочного сглаза именно под тем предлогом, что в криминальных справочниках отсутствовало какое бы то ни было описание этого явления.

Пришлось строить всю доказательную базу на показаниях свидетелей и потерпевших. В дни проведения следствия продажи платочков на улицах города резко возросли, но если это и радовало Дьяконова и сестриц, то совершенно напрасно. Закупки платочков проводили сотрудники варты, их родственники, лица, выбранные в потенциальные потерпевшие. Всех просили тщательно описать, что они ощущали до, во время и после покупки платочка, пытаясь выявить какие-то закономерности. Научность этого метода была поставлена под сомнение руководителем службы криминальной экспертизы, который на совещании у генерала не выдержал и сорвался: Бред это все! Вы бы лучше взяточников из мэрии ловили!

Ему это потом припомнили. В первую очередь в мэрии, когда решался вопрос о закупке нового оборудования для криминальной лаборатории. А ловить мэринов, как их называли в варте, было совсем не с руки. Люди и делом заняты, и делиться не забывают.

В конце концов пришлось пойти по пути подбора группы потерпевших. Смысл их показаний состоял в том, что пла-

точки они купили, а от сглаза защиты не получили. В чем конкретно заключался сглаз и как измерялся ущерб от него решили не уточнять из-за саботажа экспертов. Как удалось подвинуть на такое потерпевших история умалчивает. Как показывает практика, желающих выглядеть идиотами найти можно всегда. Главное — правильная мотивация. На основе их заявлений было открыто дело, оформлены претензии и получена санкция на обыск. Вартовый генерал доложил своему гетману об успешном ходе дела. О миллиарде карбованцев, который предстояло изъять на квартире у Дьяконова он пока докладывать не стал. Это тянуло на отдельное поощрение.

* * * * *

Уже в день обыска по всем киевским телеканалам в прайм-тайм показывался репортаж о разгроме доблестной вартой очередной зловредной группы сектантов. Плакали перед микрофонами пострадавшие от покупки недействующих платочков, изумленно смотрел в телекамеру полуголый Дьяконов, потрясали воображение зрителей пачки купюр. Удача была несомненной и крупной. Такой крупной, что мало кто задумывался, в каких физических единицах можно оценить действенность что дьяконовских платочков, что треб в храмах, и почему надо верить первосвященнику, а не Дьяконову. А уж такая мелочь как участие телегруппы в процедуре обыска... О чем вы! Если уж люди готовы обманываться, то вопрос только в том, чтобы правильно скорректировать им обман.

Но был среди миллионов просто потрясенных телезрителей один потрясенный особенно. И это был Берг. К счастью, потрясение его продолжалось недолго. Очень скоро дома у него зазвонил телефон и в трубке раздался голос бископа.

— Ну что, поняли? — спросил он.

Берг не понял, и не постеснялся в этом сознаться. Пока ему еще удавалось сдерживать себя в рамках парламентских выражений, но он чувствовал, что надолго его не хватит.

— А жаль, — продолжил бископ, — Вы показались мне довольно понятливым человеком. Неужели Вам не против-

но смотреть, как у них деньги прокисают в чемоданах? В общем так. Я делаю Вам контрпредложение. Вы уговариваете свою сестру написать заявление о том, что эти деньги Вы ей дали на временное хранение. Суд принимает решение об их возврате Вам. Четверть суммы — Ваша. И можете меня не благодарить.

* * * * *

Дальнейшие события развивались стремительно. Суд арестовал Дьяконова и двух сестриц, попавших под горячую руку. Этот акт получил широкое освещение в прессе и поддержку общественности. Улицы Киева были наконец очищены от зловредных платочков.

Вскоре уже без всякой публичности другим судом было принято решение о возврате изъятой суммы ее владельцу, господину Бергу, в соответствии с его заявлением и показаниями его сестры.

Говорят, что бископ до сих пор как-то странно дергается, когда кто-нибудь в его присутствии вынимает из кармана носовой платок. Его можно понять. Господин Берг пропал на просторах Новой Киевской Руси на следующий день после того, как судебные приставы перевели на его счет причитавшиеся ему по решению суда деньги. Всю сумму. Миллиард карбованцев. Можно только догадываться, что пришлось выслушать бископу от вартового генерала и судейских, которые получили на руки абсолютно дохлое дело, контролируемое на самом верху, и, как говорится, ни копейки удовольствия.

А Дьяконов и сестрицы сидят под стражей и чего-то ждут. Кто-то их видно все же сглазил, и платочки не помогли.

Рассказ второй

САДИК

Здесь было бы, наверное, правильно немного рассказать о бископе. Если его церковная жизнь и карьера проходили на глазах большого количества людей, были широко известны, у кого-то вызывали зависть, у других — восхищение (везет же некоторым!), то его частная жизнь была мало кому известна. Да и не задумывались об этом большинство его знакомых — монахи, о какой частной жизни может идти речь, ни семьи, ни детей, да и живет, наверное, где-нибудь при монастыре, поскольку сам — не киевский. Но все было не так просто.

Выросший в весьма и весьма процветающей семье одесских коммерсантов, бископ представление о комфорте имел и жизненные удобства ценил. Его выбор церковной карьеры безумно удивил семью, никто из членов которой как минимум в трех последних поколениях излишней религиозностью не страдал. Впрочем, как и излишним национализмом. Да и не могло быть иначе, поскольку в жилах этих людей смешался не поддающийся анализу коктейль из русской, украинской, еврейской, немецкой и греческой крови. В многочисленных семейных ветвях одна из этих составляющих иногда брала верх и члены ее вдруг причисляли себя к какой-нибудь из малых религиозных конфессий. Получалось забавно: на семейном празднике встречались две очень похожие двоюродные сестры: одна — лютеранка, другая — правоверная иудейка. Впрочем, это никому не мешало, а, по мнению старшего поколения, лишь укрепляло способность семьи к выживанию даже в самые трудные моменты, на которые так богата история России. А большинство, особо не напрягаясь, считали себя православными. Так что вырос бископ в классической одесской семье, где о боге, ко-

нечно, тоже помнили, но преимущественно в двенадцатые праздники.

Что привело его в семинарию, бископ потом и сам толком не мог понять. Но одно он знал точно — чистая коммерция его совершенно не прельщала. Его скорее, интересовала сфера человеческих отношений, возможность управлять эмоциями и действиями людей. Из него получился бы очень неплохой политик, но в семейной среде к этой сфере деятельности относились с откровенным презрением, полагая всех политиков, в первую очередь, городского масштаба, абсолютно продажными и бессовестными типами. Среди коммерсантов альтруистов, конечно, тоже не было, но уж слово свое они предпочитали держать крепко. А вот в ненадежности местных политиков шансов убедиться у них было достаточно.

Духовная карьера задалась, как говорится, с самого начала. Живой гибкий ум бископа легко справлялся с учебной программой семинарии и оставлял ему еще время и возможности для выполнения дополнительных поручений руководства семинарии. Он очень быстро разобрался во всех хитросплетениях внутрицерковной жизни, понял, как и кто делает в церкви карьеру. В откровенный минус ему шло полное отсутствие семейных связей внутри церкви, в плюс — не стандартное для большинства семинаристов—детей священников «коммерческое» мышление и умение в любом деле сразу видеть наиболее выгодный для себя сценарий развития событий.

В результате еще в семинарии он стал помощником секретаря епархиального архиерея, а через год после окончания — и секретарем. Это уже была карьера. Поскольку дело происходило в родном для него городе, заработали и старые семейные связи. Архиерей это сразу же отметил и через некоторое время завел со своим секретарем разговор о пострижении. Дальше все пошло по накатанной: иеромонах, игумен, дополнительные ответственные обязанности в епархиальном управлении.

Десять лет пролетели довольно быстро, и молодой архимандрит возглавил один из небольших монастырей все

в той же одесской епархии. Это была уже серьезная заявка на большую церковную карьеру. Все понимали, что это была временная командировка с целью приобрести не столько опыт управления монастырем, сколько нужную запись в послужной список. На семейном совете было принято решение вложиться в будущее многообещающего монаха. Как ни странно, сыграл свою роль именно выбранный им совершенно необычный жизненный путь. В конце концов еще один семейный бизнес ничего принципиально не менял, а этот маршрут уходил в такие сферы, за вход в которые уплатить было не грех.

Монахи еще долго потом вспоминали те два года, которые бископ провел у них настоятелем, как «время чудес». Монастырь процветал. Ну а подавать свои успехи своевременно и правильным образом бископ уже давно умел. Так что к сожалению насельников он вскоре опять оказался в Одессе, но теперь уже викарным епископом.

Старый и опытный митрополит, глава епархии, видел это молодое дарование насквозь и долго держать его при себе не собирался. Свой человек в Киеве никому не помешает, да и зуд в одном месте у этого парня такой, что рано или поздно обязательно подсиживать начнет. Пусть уж лучше свои таланты в Киеве реализует — вдруг получится. А мы поможем.

Тут очень кстати пришелся визит благостного в епархию. Митрополит, конечно, все время визита был рядом с главой церкви, но на глаза ему удивительным образом все время попадался чрезвычайно распорядительный и деятельный молодой викарный епископ. И настолько он благостному понравился, что, прощаясь на вокзале, он с некоторой неловкостью спросил хозяина:

— Не будете возражать, Владыка, если викарного Вашего со временем заберем в Киев? Свежая кровь нужна, современные, энергичные епископы. А уж Ваша школа дорогого стоит.

— От сердца отрываете, Святейший, но ради процветания Матери-Церкви всем готовы пожертвовать. Что делать —

забирайте. Я бы и тянуть не стал. Сейчас самое время. Созрел для самостоятельной работы, пора ему дальше идти. Да и у меня пока силы есть, глядишь, успею смену подготовить. А этого передаю в Ваши руки, не сомневаясь, что выведете в люди. Он того стоит.

Митрополит после этого провел на своей кафедре еще 15 лет, но это к делу не относится.

Так и попал бископ в Киев. Семья была в восторге. По написанному табелю о рангах церкви он вышел в генеральскую категорию, да к тому же попал в самое сосредоточение церковной политики. Фигура! Родным есть, чем гордиться.

Понимая, что на первых порах, да и на новом месте в придачу, с доходами у бископа может быть пока не очень, поддержали. На обзаведение денегат подкинули, а потом по очереди регулярно посылали. Между собой шутили: «На церковь жертвуем. За Богом не пропадет!» Все это было весьма уместно. Прежние одесские епархиальные ручейки доходов естественно с переездом в Киев иссякли, а новые надо было еще наработать. На это требовалось время.

В Патриархии все было не просто. Там и не таких, как бископ, видели. Здесь расторопностью и распорядительностью никого не удивишь. Голова нужна, понимание основных веяний и хорошие «горизонтальные» контакты: со свитскими Великого гетмана, чиновным людом, политиками, промышленниками, военными и юристами. Бископ вошел в этот мир как нож в масло, но работать приходилось действительно много. И даже в свои молодые годы он все чаще задумывался об уютном и покойном уголке, где можно было бы укрыться от круговерти ежедневных дел.

Первые месяцы в Киеве он провел на съемной квартире. Недостатка в такого рода жилье в городе не было, но дороговато получалось, да и не совсем удобно. Доходный дом. Консьерж на первом этаже, соседи, пусть их и немного, но все же. Все прекрасно знают, кто он такой и где служит.

А бископ, как бы правильно сказать, был не чужд понимания прекрасного. И опираясь на хорошо наработанный опыт иных коллег — не всех, конечно, далеко не всех! —

хотелось ему иметь свой, пусть и небольшой дом с минимальным набором прислуги. Настолько минимальным, что, возможно, хватило бы одной домоправительницы. В конце концов приемы он устраивать не собирался, да и про внимательный взгляд иных коллег забывать не стоило.

Подходящая кандидатура в домоправительницы у него еще из Одессы была. Эта дама переехала за ним в Киев, но приходилось снимать вторую квартиру и вообще терпеть массу неудобств. Вчера утром заметил, например, веселую улыбку соседа — действительного статского советника из министерства финансов — когда утром здоровались на лестнице. Бископ вообще не любил, когда люди про него знали лишнее. Он твердо верил в свою звезду и понимал, что в некоторых вопросах мелочей не бывает.

Так что надо было переезжать. На левом берегу Днепра в районах малоэтажной застройки подходящих домиков на продажу было в избытке. Все же столица, тут и власть сосредоточена, и банков изрядно, высшее офицерство, политики. Те, кто поближе к центру жить предпочитали, как правило пользовались съемными квартирами, но было и немало «садоводов». Это они так себя в шутку называли, поскольку в земле, конечно, сами не копались. Но жить предпочитали в своем доме в окружении какой-никакой, но все зелени. Вот туда-то бископ и собрался переехать. И не так, чтобы очень далеко от центра города. Авто от Патриархии есть, за полчаса от Лавры добраться можно.

Агентство продаж работало четко, и домик нашелся быстро. Посмотрели отдельно: сначала домоправительница, затем съездил и сам бископ. Два этажа, восемь комнат, отдельное крыло с хозяйственными помещениями и жильем для прислуги, даже два выхода на соседние улицы — чего еще желать. Вот только территория маловата. Чуть газона вокруг дома, полоска кустов вдоль забора, стоянка для машины — и все. Самое обидное, что сзади дома, за забором располагалась достаточно обширная площадка непонятого назначения. Какие-то кусты, лужайки, несколько деревьев. Но все какое-то брошенное, неухоженное — даже парком не назовешь. Подъезда к этому участку не было — спереди

участок, который присмотрел бископ, а сзади полукругом шел овраг — и строительство там было развернуть просто нереально. Гулять? Собак выгуливать? Да не те вокруг жители, чтобы лазить по оврагам и гулять на такой неухоженной площадке, а у многих на своих участках мини-парки есть. А собаки или сторожевые, или карманные болонки. Спускать их на такой площадке не стоит. Пустует место, пропадает.

Мимо такого бископ пройти не мог. В голове уже строились планы, как можно было бы использовать эту территорию. Не то, чтобы он был любителем сельской жизни, вовсе нет, но идея иметь свой садик в Киеве завораживала. Не где-нибудь! Почти напротив Владимирской горки! (С горкой, конечно, было преувеличение, но, все равно, в Киеве!) И пить, например, летом в беседке чай в окружении цветущих кустов жасмина и под сенью каштанов. Именно под сенью каштанов. От этого действительно кружилась голова. Это был статус.

Бископ повторно съездил посмотреть дом, затем вышел за ограду, обошел пустующую площадку.

— А это что такое? — задал он вопрос подчеркнуто внимательному служащему из агентства, — Тут, наверное, молодежь окрестная по вечерам собирается, шумят?

— Нет, что Вы, — услышал он в ответ желаемое, — молодежь из окрестных особняков совсем в других местах время проводит. А другой тут и нету. Этот участок совершенно случайно из общей планировки выпал, — то ли землемеры ошиблись, то ли ожидали, что овраг съест этот участок и не стали его застраивать. Он сейчас за городом числится, муниципалитетом. Они сами не знают, что тут можно устроить. Мы даже интересовались, нельзя ли выкупить и еще дом построить, но подъезда нет, не получится ничего.

— А продать могут?

— Вполне, почему бы не продать. Но это недешево будет. Надо проводить как оформление отдельного участка. Если только не через льготное оформление.

— А это что такое?

— Специальный киевский закон. Льгота освобождает от налогов и сборов на оформление участка по решению городского головы отдельные категории граждан. За особые заслуги. Это цену участка могло бы сбить наполовину.

Бископ попросил на неделю зарезервировать за ним понравившийся дом и начал выяснять, что это за льгота такая.

Оказалось, что льгота старая, введена после второй польской войны специально для ее ветеранов. Власти тогда задумали привлечь ею в город побольше ветеранов, рассчитывая на их лояльность. Времена были непростые — то забастовки, то стачки — и опора в лице ветеранов вполне могла пригодиться. Со временем проблема ушла, а закон остался. Долгое время он относился к числу «спящих», но по мере роста числа особняков на левобережье закон постепенно пробудился. Заслуженные люди в государстве всегда найдутся и почему бы ни поощрить их за счет города. Если, конечно, люди не просто заслуженные, но еще и правильные.

Но поощрение это традиционно сохранял в своих руках городской голова. Идти надо было непосредственно к нему.

К сожалению, на этом пути возникали деликатные обстоятельства. С городским головой из Патриархии имели дело люди много старше бископа. Особенно с ним дружил первый викарий благостного, митрополит суровый, уже очень пожилой и мало доступный для церковной молодежи. Говоря откровенно, просто мракобес. Остряки в Патриархии даже шутили, что руководство в этом органе церковной власти строилось по принципу: добрый и злой следовательно, где роль доброго взял себе благостный, а злого, соответственно, осталась митрополиту Антонию. Вероятно, они были недалеко от истины, поскольку любители подобных шуточек в Патриархии не задерживались — их ждали дальние монастыри и захудалые епархии. По принципу: умные? Так докажите, что не только языком болтать умеете!

Исключив заход через владыку Антония, бископ занялся поиском других подходов к городскому голове. Слава Богу, в детстве и юности дома много всякого разного слышал.

И тут как раз в ежедневных «Киевских ведомостях» появляется сообщение о том, что голова в третий раз стал де-душкой. Что-то такое забрезжило.

Здесь надо кое-что пояснить. Видные, статусные фигуры в руководстве НКР по большей части были православными и на основные церковные праздники, естественно, собирались в Соборе Св.Софии. Однако в повседневной жизни они и их семьи предпочитали посещать храмы по месту жительства, если у кого в резиденции, конечно, не было домового. Это считалось как бы более правильным, исконно христианским. Храм все же — не клуб. Следуя этой логике внука городского головы должны были крестить в небольшой церквушке в коттеджном поселке, как две капли воды похожем на тот, где собирался обосноваться бископ. В самом деле, не в спальном же районе жить дочери городского головы стольного града Киева!

Вот тут и решил подсуетиться бископ. По своему нынешнему статусу он был приписан к Лавре, в очередь служил там (прямо скажем, в основном не в самое удобное время), но мог, как говорили в Патриархии, выходить на свободную охоту, т.е. время от времени предлагать свои услуги одному из приходских храмов. Благодичные, как правило, охотно принимали «беспризорных» епископов из Патриархии. Правильно поставленная реклама поднимала престиж храма, привлекала верующий, увеличивала сборы и т.д. и т.п. Да и кто знает, как высоко потом взлетит этот молодой епископ. Не поощрялись только постоянные службы в одном и том же храме. Ну и народ церковный получал возможность посмотреть и послушать будущих руководителей церкви.

Настоятель храма охотно принял предложение бископа, тем более, что он ниже нижнего опустил границу традиционного пожертвования за свои услуги. Совсем отказываться от денег было уж слишком подозрительно. Помимо крещения пришлось, правда, взять на себя и воскресную литургию, и, конечно, проповедь, но это уже была как бы часть программы.

Молодые родители с младенцем и гостями, как и рассчитал бископ, подъехали к концу литургии, ему собственно

осталось только произнести проповедь. Пришлось постараться. Коротко и ярко — именно так вспоминали потом присутствующие услышанное от молодого, явно только недавно прибывшего в Киев и пока никому не известного епископа. Достоинно, с пониманием важности момента прошло и крещение. Все были довольны. По традиции епископа и настоятеля пригласили в соседний ресторан. Епископ легко вошел в компанию, нашлись и общие знакомые из Одессы. Вообще участники фуршета скоро поняли, что их новый церковный знакомый — человек вполне светский, с которым есть о чем приятно поговорить. Внимание к новому киевлянину проявил и городской голова, не забывший из вежливости поинтересоваться, как тот устроился и нет ли проблем, решению которых могли бы поспособствовать городские власти.

— Да, даже неудобно Вас и беспокоить, Ваше Превосходительство, сущая мелочь — не Ваш масштаб...

— Ну, масштабы у нас у всех разные, а нужды киевлян — моя забота. Вы загляните ко мне завтра с утра на службу, там и поговорим.

На следующий день разговор епископу понравился еще больше. Вникнув в его просьбу, городской голова попросил епископа прямо у него в кабинете написать прошение о продаже ему бесхозного участка на особых условиях и поставил на нем резолюцию префекту левобережной части Киева: «Прошу рассмотреть со вниманием. Поддерживаю».

Епископ, правда, несколько удивился, что прежде чем взяться за перо, голова перепробовал несколько ручек и выбрал в конце концов ту из них, которая была заправлена зелеными чернилами, ну да у какого человека во власти нет своих причуд. Это еще не самая странная.

Помня любимый девиз своего деда — бери, пока дают! — он уже на следующий день посетил префекта. Тут дело как-то странно забуксовало. Префект почему-то погрузился в детали, причем не в отношении участка — вовсе нет, тот похоже, его совсем не интересовал, а именно обстоятельств, при которых епископ получил резолюцию городского голо-

вы. И все время какие-то отговорки. Вроде бы и можно сделать, но есть нюансы...

Минут через 15 бископ понял, что у него банально вымогают взятку. Он удивился. Нет, про киевские городские власти много чего рассказывали, и сомнений в подлинности этих историй у него не было никаких, но уж больно странная ситуация. Он, как говорится, не с улицы зашел, от самого головы и такое.

Но определенность такого рода бископа совсем не пугала, и он прервал третий круг рассуждений префекта о том, что вообще-то можно, но...

— Послушайте, любезный друг, — бископ лучился доброжелательством, — я знаю, что в Одессе, например, в таких случаях принято поощрять безумно загруженных городских служащих, когда они оперативно решают подобные вопросы. Кто-то это осуждает, но я далек от этого, ибо сказано, что воздано будет каждому по трудам его. Не знаю, как с этим обстоят дела здесь, в Киеве. Я в этом замечательном городе все же еще новичок. Был бы очень признателен Вам за консультацию.

И так проникновенно-проникновенно посмотрел в глаза префекту.

Тот хоть и был киевлянином, но одесский дух и некоторые особенности этого славного города явно были и ему не чужды.

Префект рассмеялся и поведал бископу правду.

Резолюция на его прошении была наложена зелеными чернилами. Это означало, что прошение можно удовлетворить, но не бесплатно. Красные чернила означали безусловный отказ, черные — исполнение, причем без всяких поборов. И все это — вне зависимости от содержания резолюции.

— Голова у нас, — со смехом рассказал ему префект, — иногда любит пошутить. Однажды на прошении кота нарисовал вместо резолюции. И что Вы думаете? Исполнили, руководствуясь цветом! И не ошиблись! И еще у нас есть не-

сколько цветов на различные случаи, но это уже внутренняя кухня. Например, написано: «Наказать строго!» синим цветом, значит спустить на тормозах, а если красным — то под суд. — На этих словах префекту взгрустнулось. Тяжела ты доля городского чиновника!

Вместе посмеялись и после этого о размере mzды договорились быстро, бископ еще и поторговался. Или он не одессит? Все равно получилось дешевле, чем платить по полной за оформление отдельного участка. Префект же был настолько любезен, что предложил посетителю и овраг прирезать к его участку, но от оврага бископ скромно отказался.

Как всегда бывает, имеющейся наличности не хватало. Пришлось озадачить родных. Двоюродный дядя, которому как раз случилось посетить Киев по делам, обошел особняк, довольно поцокал языком, но глаза его широко раскрылись в изумлении, когда он увидел пустырь за забором. Собственно именно на обустройство этого участка денег и не хватало.

— И это тоже твоим будет? — возбужденно спросил он.

— Да, вот придется еще садоводством заняться.

— Каким еще садоводством? — возбудился дядя, — забор перенесем, часть пустыря тебе в порядок приведем — садик будет, ладно, а в конце твоего забора еще одни ворота с проездом сделаем и построю я на оставшейся части пустыря маленькое общежитие для своих ребят. Буду их сюда посылать вахтовым методом на стройках работать. А сначала они его сами и построят. Значит давай так, все расходы по переустройству заборов, ворот, подъезда, насаждения там и прочее — на мне. А ты мне только тот кусочек под общежитие сдай как бы по-родственному, и будем в расчете. И тебе хорошо, и мне выгодно. А ребята мои не сомневайся — беды с ними иметь не будешь. Они тихие, на заработки едут. Им не до баловства. А если тебе что когда сделать нужно будет, то они всегда под рукой.

Это была чистая правда. Дядя занимался строительным бизнесом. Не в том смысле, что строил, а подбирал и комплектовал бригады. Попастъ на жирный киевский рынок строительства ему хотелось давно, но уж больно кусалось

размещение приезжего персонала. Бископ не сомневался, что, заступив ногу на соседний участок и получив тем самым почти бесплатную базу, дядя двинется и дальше.

«Может я зря от оврага отказался?» — подумал он про себя. Вслух такое произносить не хотелось. А то живо выруют под тобой катакомбы. И кто его знает, что там спрячут. Одесситы народ предприимчивый. Как бы еще контрабанду сюда таскать не начали.

Пара месяцев и все встало на свои места. Дом меблировали, заборы передвинули, садик разбили и засадили молодыми саженцами. Домоправительница тоже была довольна. Иногда в ее взглядах, обращенных на бишопа, что-то такое появлялось, но он был абсолютно спокоен: жизненную стезю он менять не собирался и от всех ее матримониальных планов и покушений на свою личную свободу был надежно защищен церковными канонами. Как-то само собой оказалось, что для содержания дома требуется дворник-садовник и две сменные пары гостевых комнат и возможность принять у себя и разместить родственников из Одессы — не часто, отнюдь не часто! — привело к тому, что среди его родни зародились легенды о его феноменальных успехах в Киеве.

Да в церкви вся эта история укрепила его авторитет. Неожиданно для себя бископ стал родоначальником новой доброй традиции: иерархи церкви стали охотно предлагать свои услуги, когда возникала нужда в крещении детей, а чаще — внуков, лучших граждан государства. Даже конкуренция наметилась. Придумка бископа была сочтена полезной, в копилку его церковных достижений упала еще одна звонкая монетка.

А в садике летними вечерами было не просто хорошо, — божественно.

Рассказ третий

КАРАНТИН

Эта история случилась довольно давно. В те времена бископ уже ходил в епископах, но собственной кафедры или отдела не имел, был просто викарным. Как тогда шутили в церковной среде был «невысок», т.е. «преосвященством» уже стал, а до «высокопреосвященства» еще не дотянулся. Сам он себя считал вроде как генералом по особым поручениям при патриархии и очень стремился сделать что-то такое, что выделило бы его из числа других таких же как он викарных. Конкуренция там была жестокая. Именно она и была своеобразным «двигателем прогресса» в церковной среде.

Поручение, которое было дано бископу на этот раз, было несколько даже обидным. В паре сотен километров от Киева был монастырь. Дальше из «Мцыри»: «и ныне видит пешеход столбы разрушенных ворот...». Монастырь уже давно, мягко скажем, требовал ремонта, но к числу прославленных он не относился, никаких значимых исторических церковных событий там не происходило, традиционные паломнические маршруты проходили мимо, никто из святых не подвизался. Край исключительно аграрный, жителей немного, больших городов поблизости нет. Да и настоятели последние 20 лет как на подбор были какие-то неинициативные. Сосредоточились на монашеском служении и даже не думали о заведении выгодных промыслов. В принципе, его давно уже надо было бы закрыть за ненадобностью, но останавливала близость к Киеву. Как же так, почти рядом со столицей монастыри закрывают! Духовности не соответствует.

И начали монастырь ремонтировать за счет средств Патриархии. Первоначальный запал, однако, стал иссякать

по мере того, как средства уходили словно в бездонную бочку. Поговорка «Каков поп — таков и приход» в данном случае оправдывалась на сто процентов. Настоятель еще как-то мог поддерживать жизнь обители, но ремонт ему был явно не по силам. Его обманывали подрядчики по срокам, качеству работ и расценкам, строители работали спустя рукава, по откровенному долгострою уже даже пару раз прошла изначально очень лояльная к церкви пресса.

— Хватит позориться! Поезжай туда и добивай это стройку! И быстро! Да, и денег больше не дам — и так уже половину разворовали! Так что благословляю, — так напутствовал бископа архиепископ, возглавлявший в Патриархии отдел строительства. Очень, кстати, авторитетный архиепископ. Поважнее многих митрополитов будет. Такими делами рулит. Не из тех, с кем спорят.

Бископ, как водится, увидел в этом поручении происки конкурентов, но, делать нечего, надо ехать разбираться. До вечера ему еще не раз пришлось выслушать от викарных коллег неискренние поздравления с такой важной и ответственной самостоятельной миссией. Сомнений не оставалось. Народ искренне надеялся, что он благополучно сломаёт себе на этом деле шею.

«Не дождетесь!» — решил про себя бископ и поехал.

В монастыре было тихо. Окрестности дышали покоем. Вдали паслись стада, уборка еще всерьез не начиналась — пшеница только набирала силу, а сенокос окрестные фермеры уже закончили. И на дорогах, и в полях было как-то пусто. Сельская идиллия в регионе высокоразвитого земледелия. Настоятель сбивчиво рассказал о результатах строительных работ: что коммуникации к служебным зданиям переложены, внешние отделочные работы на храме в основном закончены, косметический ремонт внутри братских корпусов решили отложить, а уж про стену вокруг монастыря и говорить не приходится — не до нее сейчас. Хорошо хоть ворота восстановили. Главная проблема была связана с отоплением церкви. Монастырский храм отапливался как и двести лет назад. В подвале под зданием дровами топилась огромная печь и теплый воздух по сложной систе-

ме воздухопроводов нагревал внутренние стены храма. К традиционным церковным запахам зимой добавлялся и легкий дымок, делавший атмосферу в храме особенно приятной. Удовольствие колоть, таскать дрова и топить печь было еще то, но в монахи уходили не удовольствия ради. Послушание в котельной считалось одним из самых серьезных. Все бы ничего, но печь, естественно, требовала регулярного ремонта, кирпичи прогорали и крошились, для их замены обычно искали мастеров высочайшей квалификации.

В этот раз бригада печников приехала аж из Владимирской губернии. Завершив первый этап ремонта — были удалены кирпичи, требовавшие замены, почти весь свод, бригада пустилась во все тяжкие. В окрестных селах нашлось уж слишком много ценителей их нетрадиционной для северной Украины манеры класть печи. Печники были нарасхват, а настоятелю обещали завершить дело, как говорится, вот-вот.

Обойдя территорию монастыря и выслушав пояснения настоятеля, бископ задумался. В Киеве все выглядело как-то иначе. Там казалось, что надо приехать, грозно рыкнуть, построить всех причастных к этому ремонту, заставить их шевелиться, а потом регулярно повторять эту процедуру в промежутках между посещениями местных достопримечательностей и усадеб наиболее зажиточных фермеров. В финансовую отчетность бископ вникать не собирался, справедливо понимая, что ничем хорошим это все равно не кончится. А тут и строить некого, а давать накачку и так затюканному настоятелю было явно бесполезно.

«И что, собственно говоря, мы имеем? — подумал он про себя. — Ворота починили. Стены вокруг монастыря, конечно, здорово ободраны. Но стоят. Нигде не падают. Ну, наведут марафет, побелят. И что? Чистенько, но все равно бедненько, мощи нет — не крепость! Так, забор. У благостного вокруг официальной резиденции и то помощнее будет. Значит, что? Надо делать упор на другое. Историчность. Триста лет стоят. Еще шведов видели. Что тут было при шведах и какого цвета были флажки на пиках у местных казаков — другой вопрос, но Полтава! Петр! Имперские традиции! Главное, чтобы действительно не рухнули не вовремя.

Но, — он поглядел на настоятеля, — у этого не рухнет. Плечом подопрет, но удержит. Так что внешний облик сохраняем как дань и память о нашей славной истории.

А внутри... Что у них там в братских корпусах — никому не важно. Трапезную надо в порядок привести, если еще не сделали. Вдруг приедет кто. С коммуникациями это они молодцы — не дай Бог прорвет не во время. Снаружи храм выглядит достойно. Чувствуется пригляд. Тоже хорошо. Так что там с печью?»

— Ты вот что, отец настоятель, — строго нахмурившись произнес бископ, — ты бригадира этих печников ко мне приведи сегодня же. Скажи из самого Киева приехали, чтобы с ним поговорить!

— Постараюсь, владыко, — игумен старался звучать уверенно, но получалось у него плохо. — Искать его уже послал братьев, надеюсь найдут. Уж больно удачно они голландки кладут, народ в очереди стоит, да и оплата сразу — из рук в руки. А у нас, известно, по ведомости, да по завершении работ. Аванс, правда, мы им заплатили по приезде.

— Поспешил, отец, поспешил, с такими строго надо, — если уж денежная тема оказалась затронута, то бископу было что сказать. — А еще хорошо бы с них процентов тридцать гонорара как пожертвование получить. Вам же еще иконостас реставрировать наверняка предстоит.

— Как это? — удивился игумен. — Это уж кто сколько даст или требы закажет.

«Провинция!» — подумал про себя бископ, но от комментариев воздержался. Он сам не так давно приехал в Киев, но полагал, что провинциалов от киевлян отличает не место жительства, а способ мышления.

Келья, в которой его разместили, заставила еще раз вспомнить добрым тихим словом тех, кто сосватал ему эту поездочку. Судя по блюдам, подаваемых в трапезной, игумен монастырского устава придерживался всерьез, и бископу еще больше взгрустнулось. Пришлось переодеться в штатское, самому садиться за руль и ехать в ближайший городок. Как

говорится, частный визит. Инкогнито. Без всякой помпы и звона колоколов. Решение оказалось правильным. Все же украинская кухня в провинции была еще не слишком испорчена европейскими изысками. Полегчало. Заодно осмотрел окрестности. Душа отдыхала, но где печники?

Старший бригады печников появился в монастыре на пятый день, когда терпение бископа уже практически иссякло. В бурной киевской жизни он быстро отвык от монастырского устава, и если ежедневные поездки по окрестностям еще как-то мирили его со скудной монастырской кухней, то участвовать во всех службах было уже несколько обременительно. А иначе не получалось. Игумен был настолько любезен, что каждый раз перед службой заходил за ним сам или присылал кого-нибудь из уважаемых монахов. Так что душа просила встречи с бригадиром.

Печник явно вины за собой не чувствовал. И он, и его люди жили яркой, насыщенной жизнью. Набрав почти два десятка частных заказов эти шустрые ребята успевали везде: в одно место завозили материал, в другом — клали свои знаменитые голландки, в третьем под их присмотром печи сохли и выстаивались, а где-то делались уже и пробные топки. Бригадир умудрялся держать в голове весь график работ и как хороший дирижер умело руководил всеми перемещениями своих подчиненных. При этом негласно все вечера у них от бригадных дел были свободны. Кто проводил их с удочкой на берегу многочисленных местных речушек, ну а молодежь — те повеселее. Успеху всего этого предприятия в немалой степени способствовали два обстоятельства: печи бригады действительно были очень экономны и в них заранее монтировался котел, который можно было использовать для оборудования в доме водяного отопления, цены же были весьма привлекательны, поскольку бригада имела привычку большую часть своих отхожих доходов оставлять вне рамок внимания налоговой службы. Именно поэтому они и уехали так далеко от родной Владимирщины. Нет, на слободской Украине податные инспекторы тоже не дремали, но уж слишком неожиданным и быстротечным был этот налет печников. В том числе и по этой причине бригадиру было вовсе не выгодно надолго оседать в монастыре.

Игумен, по мнению бископа, этому штукарю укорота дать явно не мог. Он мямлил, что-то просил, вспоминал про осень и зиму, когда в храме без отопления и службу не проведешь, и роспись на сводах потеряешь. Нет, тут надо по-другому.

— И сколько нам еще ждать? — бископ придал своему тону строгости и значительности. — Я из самого Киева сюда приехал. И что вижу? Думаете у меня в Патриархии других дел нет как вас тут ждать? Мы вас зачем сюда пригласили: храм ремонтировать или шабашничать? Значит так, чтобы завтра бригада была в монастыре. Материалы завезены, приступайте. Каждый день сам к вам в котельную спускаться буду. За сколько дней своды печи выложите и когда можно будет пробную топку сделать?

Но не на того напал. Бригадир задумчиво обвел взглядом двор монастыря, уделив особое внимание паре огромных каштанов вблизи ворот. Их яркая зелень и желтые плоды выглядели как-то особенно по-летнему.

— Зима? — задумчиво произнес он. — Зимой, известно, холодно. У нас, правда, похолоднее будет, но и у вас тут без хорошей печи никак. В городах, конечно, по-другому. Мазутом топят. Сейчас, правда, кое-где начали на газовые котельные переходить, но где он этот газ? В Сибири? И когда его еще к нам проведут? Нет, печь — всему голова на Руси. А чем топить — найдем. И уголек, и дрова, и брикеты. Да мало ли. Сделаем к зиме. Не сомневайтесь.

— К какой зиме?! — буквально взвился бископ. — Завтра приступайте! И смотри мне!

— А то что? — печник был предельно вежлив. — Мы разве отказываемся? Прогоревшие кирпичи убрали уже. И аванс получили. Все путем. А работа сложная. Сколько лет печь простояла после прошлого ремонта? Года два небось? А все потому, что халтурщиков вы в тот раз подрядили. Тут делать надо всерьез. Нам не впервой. У нас дома таких храмов много, каждый год ремонтируем. И здесь сделаем.

Поговорили, одним словом. Бископу и самому было неловко, что он сорвался на крик, тем более бесполезный.

Бригадир не только не испугался, но, похоже, про себя даже посмеялся над молодым епископом: ты сначала научись людей строить, а потом и голос повышай. Так и уехал он спокойно на очередную пробную топку просохшей голландки.

Справившись с приступом холодной ярости, бископ задумался всерьез. Вариант «к зиме» его категорически не устраивал. Это фактически означало бы, что его миссия завершилась полным крахом, а недруги в Киеве получают против него убойный аргумент. Но был здесь и личный момент. Ему был брошен вызов, справиться с которым можно было только силой ума. Давить на бригадира было нечем. Апеллировать к Богу было совсем неуместно — уж слишком бытовым и житейским был вопрос.

Размышления его продолжались еще два дня. Игумен — надо отдать ему должное — вел себя максимально корректно и про неприятную сцену с печником не напомнил ему ни разу. А бископ был настолько поглощен задачей, что перестал обращать внимание и на скудость монастырской кухни. Он, может, и вообще забыл бы про еду, если бы его каждый раз не приглашали в трапезную.

На третий день за обедом он обратил внимание на отсутствие соседа по столу, веселого и богатого телом отца-эконома, разговоры с которым несколько скрашивали скромность трапез. Бископ не только ощущал в нем родственную душу, они и внешне были похожи и пару раз посидели вечером за чаем с местной наливкой. Она так понравилась бископу, что он даже просил отца-эконома собрать ему несколько бутылок с собой в Киев.

— Приболел отец-эконом наш. И сказать неловко чем. Детская болезнь совсем. Корь. — пояснил игумен. Три недели теперь ему у себя в келье находиться как в затворе. А к нему можно заходить только тем, кто в детстве корью точно переболел. А у нас половина монахов и не знает, болели или нет. Но Господь сохранит.

Бископ больного навещать и не собирался, хотя корью в детстве болел. Но идея забрезжила.

— А с печниками нашими он общался? — спросил он игумена.

— А как же. Они тут все время вместе по монастырю ходили. Да и посидели как-то вечером... Приходится отцу иной раз монашеский устав нарушать, никуда не денешься.

«Ага, и он от этого так страдает, что пудов шесть точно набрал»,— подумал про себя бископ и был не совсем прав, потому что и сам в последнее время... Мягко скажем, подобред. И заметно.

— А как у вас, отец, с уездной медициной дела обстоят? — вместо этого поинтересовался он. — Есть понимание с медиками?

— Полное, — с гордостью ответил игумен. — Уездный врач у нас хоть и из семьи выкрестов, но усердный прихожанин. Да и монахов наших пользуется практически задаром.

Разговор с уездным врачом даже несмотря на эти обстоятельства был долгим и сложным. Тот долго ссылался на какие-то свои санитарные правила, схему лечения кори, меры профилактики и прочие медицинские премудрости. Пришлось пообещать ему в случае успешного и своевременного завершения ремонта монастыря церковную награду. Конечно, невысокую — медальку какую-нибудь. Власти и авторитета бископа в Патриархии для такого вполне хватало, а в провинции у молодого уездного врача и медаль будет смотреться весьма достойно.

За бригадиром был срочно направлен гонец. Бископ даже не поленился снабдить его коротким приглашением на официальном бланке Патриархии для срочного разговора в установленное время. Расчет был точным. Люди простые официальных бумаг традиционно пугались, а официальная церковная бумага была вообще из разряда снега посреди лета. Не все такое в своей жизни и видели.

Посмеиваясь про себя: что они там опять придумали, бригадир прибыл на встречу и неожиданно предстал перед целым консилиумом, собравшимся в покоях настоятеля. Кроме бископа и отца-настоятеля за столом сидели уезд-

ный врач, полицмейстер и податный инспектор. Солировал бископ. Совершенно спокойно и даже как-то немного устало он объяснил бригадиру, что в условиях угрозы эпидемии кори его людей, как тесно общавшихся с заболевшим отцом-ключарем, надо срочно изолировать в карантин. Это было тем более необходимо, что печники по своим частным заказам общались с массой людей и могли таким образом разнести болезнь. И еще неизвестно, откуда она вдруг взялась. Раньше в этой местности кори у взрослых что-то не наблюдалось. Уездный врач при этом озабоченно покивал головой и обрадовал присутствующих: в уездном городке есть подозрение на корь еще у двух взрослых. Дело пахнет эпидемией. Надо думать, как остановить распространение болезни. Особое внимание — тем, кто общался с заболевшими. Как вариант решения вопроса бригадиру предложили на пару недель собрать всех печников в монастыре в отдельных кельях. По соседству с отцом-экономом. Ну, а чтобы не терять время даром, они, если, конечно, не заболеют сами, могут в это время закончить работы в котельной. Заодно и заработают. Кормежку и кров монастырь щедро брал на себя. Ну и помолиться, конечно, монахи обещали за здоровье труженников.

Кого другого печник бы в этой ситуации точно послал. Далеко и надолго. Но с этими ребятами связываться явно не стоило. Особенно его впечатлило присутствие податного инспектора. Намек был настолько очевиден, что яснее некуда. Тот самый случай, когда дешевле откупиться — сделать им печь, а затем уже достричь частных «баранов». А то иначе еще распугают клиентов слухами о том, что печники и привезли с собой корь с Владимирщины. В дом никто не пустит, какие уж тут заработки. А податный добьет налогами.

«Далеко пойдешь, — думал он про себя, кротко глядя на бископа. — Много всего видел, но с таким выдумщиком сталкиваюсь впервые».

Бригадир скупно поблагодарил за заботу и пообещал до вечера собрать своих в монастыре. А участники консилиума отправились в трапезную на обед, который благодаря стараниям бископа существенно отличался от принятых

в монастыре обычно. В таких случаях он считал правильным не скупиться. Посидели хорошо, выпили славно.

Через неделю ударного труда котельная была отремонтирована, пробная топка прошла успешно. Бригада получила заработанное и отбыла добывать голландки. Удивительным образом никто из печников не заболел, и про еще не закончившийся карантин им никто не напоминал.

Бископ, которому совсем не улыбалось каждый день сталкиваться с печниками во дворе монастыря, да и вообще был он сыт этой сельской идиллией по горло, провел эту неделю у родни в Одессе. На обратном пути еще из монастыря он направил в Лавру подробный отчет о результатах ремонта и перспективах дальнейшего развития монастыря. Упор был сделан на сохранение исторических традиций государственности российской. Историю с карантином он предусмотрительно включить в отчет не стал — это была та самая изюминка, которая должна была украсить его устный доклад благостному, а затем и рассказы коллегам об удачной командировке. Он упорно работал над своей репутацией человека, которого нельзя поставить в тупик никакими поручениями. И, похоже, пока справлялся.

Рассказ четвертый

ВЗЛЕТ СИЗАРЕНКА

«Да, вот это озадачил», — с такой мыслью бископ покинул очередное совещание «малого синедриона» — так в шутку называли в патриархии совещания у благостного в узком кругу. Собственно, основную задачу перед его участниками благостный поставил в течение первых пяти минут: нужны деньги! Сразу и много. На этот раз — на покупку дворца в Питере. Дворец был выставлен на продажу городскими властями столицы Балтийского Союза и благостному невероятно понравилась идея получить его под епархиальное управление, а на практике сделать своей резиденцией в этом городе. Он даже не поленился съездить в Питер — два дня в поезде туда и обратно не так легко в его возрасте, пусть и в салон-вагоне и поговорить с канцлером Балтийского Союза. Идея была в том, чтобы получить дворец бесплатно, но канцлер — крепкий пятидесятилетний мужик корнями из остзейских баронов — о значении православия как важнейшей государственной скрепы послушал с удовольствием, но даже уступить в цене отказался категорически. Что, в общем-то, и неудивительно. В Балтийском Союзе православные, в том числе и потенциальные, составляли всего лишь 40% населения, а доминирующие лютеране к нему за дворцами как-то обычно не приходили.

Так что надо было покупать. Зачем надо, участникам «малого синедриона» было не совсем понятно, гораздо больше в Питере их беспокоила судьба Исакиевского собора, который в церковном плане становился все больше и больше невостребованным. Русских в городе все еще было большинство, но вот православных среди них было уже немного. В этих условиях традиционно принадлежавший государству собор, требовавший все больших и больших средств на ре-

конструкцию, превращался скорее в обузу. Ну а туристический потенциал города, ставшего почти столетие назад из столицы великой империи всего лишь главным городом весьма разнородного в национальном отношении восточно-балтийского края, был по определению ограниченным. Не Вена все же. Так что городская дума средства на содержание собора выделяла, но все с большим скрипом.

Но, по словам благостного, приобретение дворца должно было чуть ли не изменить церковную ситуацию в Балтийском Союзе. Как это могло произойти, он толком не объяснял, а участники совещания и не спрашивали — не принято там это было. Гораздо больше их волновал вопрос, где взять сразу такую сумму. Ревниво поглядывая друг на друга, они пытались представить, кому первому придет в голову решение задачи. Тот и ухватит за хвост птицу-феникс.

Надо сказать, что с деньгами у патриархии в целом все было в порядке. Народ Новой Киевской Руси бога боялся и жертвовать не забывал. Перепадало и от Великого гетмана — недавно, например, патриархии отдали одно из мест в гетманском посольстве при Ватикане. В патриархии за него сразу развернулась нешуточная борьба, и победитель пока не определился. Но это все были мелочи, а здесь речь шла о совсем иной сумме, и обращаться в гетманскую администрацию за такими деньгами никто бы и не стал.

Да, на этот раз была озвучена цифра иного порядка. Конвертами от епархиальных архиереев тут не обойдешься, впроку чемодан готовить. А главное — благостного переключило, не успокоится пока денег не найдет.

В таких случаях кроме внутренней конкуренции в патриархии возникала опасность вмешательства со стороны — а вдруг за решение задачи возьмется один из наместников в митрополичьих округах, поднимет потребную сумму и порушит таким образом все уже сложившиеся в Лавре расклады. А за места свои там держались крепко. Теплые места, намоленные.

В принципе на примете у бископа уже давно был один ресурс. Не было, правда, идеи как к нему подойти. Ну, значит, надо искать идею. Не первый раз, и, Бог даст, не последний.

Ресурсом этим были религиозные ярмарки. Проводились они достаточно регулярно по очереди в крупных городах Новой Киевской Руси, участвовали в них основные монастыри и крупные приходские храмы, которые могли и свою группу на ярмарку послать, и товаром ее снабдить, да и придумать что-нибудь этакое, чтобы привлечь народ. Люди на ярмарки шли. Многие рассматривали посещение ярмарки как своеобразное мини-паломничество, возможность приобщиться за рамками повседневной духовной жизни в ближайшем храме к истинной благодати, которая, как известно, всегда находится где-то в иных местах, а не у нас под боком. Не то, чтобы это все собирало уж слишком большие деньги, но и организационные расходы, и проезд участников вполне оправдывало. Основные участники всегда были в плюсе. Да и мобилизационный момент был немаловажен. Участвовавшие в выставках храмы готовились к ним как правило месяцами, подбирали материалы для стендов, товары на продажу, формировали ярмарочные команды. За места в них даже конкуренция шла среди прихожан. Было и негласное соревнование за лучшую ярмарочную идею. Победитель, как правило определялся визуально. К кому больше народ идет — у того и духовности больше.

В организационном отношении ярмарки были отданы на откуп епархиальным архиереям. Главы соседних епархий даже проводили регулярно специальные встречи, договариваясь о сроках и местах провидения ярмарок. Здесь было важно не создавать внутреннюю конкуренцию во времени и пространстве.

Городские власти, как правило, освобождали ярмарки от местных налогов, а фирмы-операторы, тоже по доброй традиции, отчисляли в пользу епархии половину своих доходов. При этом брали они с участников и посетителей, естественно, везде, где только можно.

И, что самое главное, патриархия по традиции не претендовала на свою долю в доходах епархий от выставок. Чтобы понять значение этого обстоятельства, надо вспомнить, что доля оброка в пользу вышестоящих органов в доходах на уровне приходов достигала 70%, а на уровне епархий — 50%.

Так что епископы ярмарок ждали, предвкушали приятное и всячески побуждали участников к проявлению творческой мысли.

И вот на это-то святое и собирался покуситься бископ.

Что ждет его в случае примитивной «лобовой» атаки, понимал он прекрасно, и поэтому решил посмотреть на ярмарку своими глазами, подумать на месте, за что бы там можно было ухватиться. В свое чутье он привык верить, и оно его, как правило, не подводило. Помощник бископа — игумен Сизаренок (это прозвище прилепилось к нему еще в семинарии по аналогии с фамилией его отца, настоятеля одного из центральных киевских храмов) — быстро узнал, что в текущую неделю ярмарка проходит в Воронеже. Дело не терпело отлагательство, и потратив целый день на путешествие на перекладных через Харьков, к вечеру пятницы бископ с Сизаренком оказались в Воронеже. При других обстоятельствах бископа бы с почетом принимал местный митрополит, но нужна была абсолютная чистота эксперимента, возможность посмотреть все своими глазами, пообщаться с людьми, не опасаясь подставных «рыжих», побродить по ярмарке и подумать. Поэтому оба путешественника прибыли в город инкогнито. Они заранее обрядились в статское, немного подстригли бороды и в гостинице у вокзала их вполне приняли за первогильдейского купца с приказчиком. Скоромный обед в ресторане с графинчиком коньяка помог закрепить эти образы.

На следующее утро ярмарка бископа несколько разочаровала. Как-то не канонически это все выглядело. Крытое здание спортивной арены, разгороженное легкими павильонами, киосками и простыми прилавками, полное отсутствие благочестивых лозунгов и какого-либо церковно-иерархического порядка, суэта разносчиков еды и напитков. Шумно и как-то даже весело. Не очень по церковному. Но народу явно нравилось. Людей было много, ярмарка работала последний день — по традиции к воскресенью она закрывалась. Да и товары и услуги тут были, как говорится, на любой вкус. И все просто, без фанаберии и показной строгости, с которыми часто приходилось встречаться во многих

храмах. Хочешь заказать панихиду — год в любом монастыре поминать будем, сам чего опасаться — за тебя будем долго и усердно молиться. По таксе, конечно. Посетители явно уходили удовлетворенные, а в руках продавцов церковных услуг так и мелькали купюры — правда, в подавляющем большинстве, довольно мелкого достоинства. Вообще все это не походило на место, где гуляют большие деньги. Бископ отметил, что ни разу не видел в руках у людей купюры достоинством выше 500 карбованцев. Да и одета публика была... Провинция, одним словом. Олигархи тут не ходят.

Все же происходящее бископу очень понравилось — конкретная движуха, как говорил его племянник-подросток, но идеи, как все это подмять под себя, он пока не чувствовал.

И тут Сизаренок потянул его за рукав и показал куда-то в сторону. Они заранее договорились о неформальном общении. Бископ был все же довольно заметной в церкви фигурой, а его внешний вид и осанка спалили бы его при обращении «Ваше Преосвященство!», как говорится, на раз. Конспирация так конспирация, и фамильярность подчиненных приходилось терпеть.

Рядом с павильоном крупного монастыря, в котором лихо торговали иконами, медом, требами и монастырской наливкой, стоял скромный столик с невзрачными брошюрами, какими-то фотографиями, объявлением о регулярных встречах где-то на левобережной окраине. Какая-то нищета, одним словом. Глаз не радовало. На этот столик и указывал Сизаренок.

— И что ты мне хочешь этим сказать? — спросил бископ.

— Я про этого типа у нас в патриархии читал. Местный, то ли расстрига, то ли из младостарцев. Чего-то там проповедует. Отцом Романом себя называет. Говорит, что из наших, православных, но верит в реинкарнацию. Сектант, наверное.

— И что они тут делают?

— Да то же, что и другие. Правда, публики у них я что-то особенно не вижу. Но взносы за аренду все равно платят,

а организаторам и епархии хорошо: чем больше участников — тем лучше. Никого не гонят.

«С этим не поспоришь», — подумал про себя бископ, и тут его как бы обожгло. Он понял, что нашел то, ради чего сюда и приехал.

В Киев им удалось вернуться только к вечеру воскресенья, но бископ, не смотря на усталость после поездки, сразу же запросился на доклад к благостному. Удивленному помощнику благостного он объяснил, что просит передать дословно: кажется, нашелся источник средств для оплаты дворца.

В тот же вечер он сидел в кабинете благостного в его городской резиденции и рассказывал о своей поездке в Воронеж. Дело пришлось, конечно, немного приукрасить. Теперь эта поездка выглядела почти как разведывательный рейд в тыл врага для проверки донесения о почти полном захвате проклятыми сектантами наших ярмарок.

Благостный подвиг своего верного соратника оценил, возбудился, поручил проработать эту тему с вартовыми, и поинтересовался, а дворец-то здесь причем и где деньги?

И тогда бископ изложил свою давнюю задумку: полностью переформатировать порядок проведения выставок, прекратить в этом важном деле всякую местечковую анархию, взять этот ресурс под управление патриархии и поставить на выставки своего человека. У него и кандидат имелся — Сизаренок. И повод подходящий есть — как же можно терпеть на богоугодных ярмарках засилье сектантов. Не справляются, мол, наши епархиальные отцы, приходится самим за дело браться. Но обострить эту тему придется. Чтобы не рыпнулся даже никто. Конечно, деньги большие от ярмарок мы получим не сразу, но, если уж надо много и сразу — можно кому-то на откуп это дело отдать, как бы в лизинг. Очень популярная нынче схема. Ясное дело, что кандидат у него уже был. Из числа одесских родственников.

Благостный про себя еще раз подумал: «Да, умею я подбирать людей!» Идея ему более чем понравилась. Тут тебе

и на дворец деньги найдутся, и встрясочка обществу хорошая — враг рода человеческого не дремлет, и епархиальным хвосты прижмем. Только вот одно...

— Ты вот о чем подумай, — наставительно сдвинув брови и акцентируя каждое слово, сказал благостный, — не стоит нам самим первую скрипку играть в этом деле. Давай, иди к вартовым, проси их вписаться. А я позвоню.. И откупщика ко мне пришли. Торговаться самому придется, — и он тяжело вздохнул.

Бископ про себя тоже вздохнул. Хотелось бы, конечно, оставить решение денежного вопроса за собой. Но тут дело такое. Была поблизости от благостного матушка Глафира (в девичестве Юлия Борисовна), считать умела получше и бископа, и его родственников. Как бы еще ему самому им доплачивать не пришлось после переговоров с матушкой, чтобы не отказались от этого дела. Ну, да ладно. Утрясется как-нибудь.

И действительно утряслось. «Чемодан», необходимый для приобретения дворца, был получен моментально. Одновременно создавалось большое православное товарищество на паях, которое наделялось полномочиями от патриархии на проведение религиозных ярмарок. Символом товарищества стал голубь, поскольку основано оно было в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Игумен Василий (Сизаренок, правда, его семинарское прозвище было бесповоротно забыто и вскоре ожидалась его епископская хиротония) вошел в состав правления товарищества и одновременно возглавил в аппарате патриархии отдел ярмарок («отдел розничной торговли», — шутили остряки). Собственно он теперь и определял, кому на ярмарках быть и в каком количестве. Постепенно дело максимально оптимизировалось. Сизаренок, в частности, решил, что нечего отрывать монахов из дальних монастырей от их почетных и трудных послушаний, а на стендах на ярмарках могут вместо них и местные православные постоять. Например, активисты «Православного патруля» или какой-нибудь другой волонтерской организации. И им копеечка за это перепадет, и патриархия свое получит. И монастырь. Что-нибудь тоже

получит. Поначалу монахи удивились, но они — монахи, им грех роптать.

Епархиальные архиереи стиснули зубы и внесли дружно в свои тайные списки претензий к благостному еще один пункт. Причем многие поставили его на первое место. Пока приходилось терпеть. Многие надеялись, что терпеть осталось недолго.

Но этой идиллии предшествовал хороший такой громкий скандал. В центре внимания СМИ НКР вдруг оказалась подрывная деятельность, которую вели на религиозных ярмарках «проклятые сектанты». Неожиданно выяснилось, что именно они снимали все сливки с этого доброго начинания, обманывали и народ, и настоятелей храмов, для которых с их благословения собирали средства. Репортажи на эту тему строились по доброй старой журналистской традиции: кого интересует один труп, их должно быть много! Сектанты вдруг с удивлением узнали о своих многомиллионных доходах, десятках стендов на каждой выставке. Складывалось такое впечатление, что достаточно только встать у прилавка на ярмарке, а дальше деньги на тебя будут сыпаться мешками — успевай только уворачиваться. Удивительно, но люди верили. Даже те, кто бывал на этих ярмарках и больше сотни там сроду не оставлял. Поистине, велика сила искусства журналистики.

Вартовые, организовавшие по приказу сверху всю эту вакханалию, сначала восприняли сигнал о мошенничестве сектантов всерьез и планировали возбудить против них ряд уголовных дел. И надо же было одному из офицеров в припадке служебного усердия предложить провести контрольную закупку, поставив на очередной ярмарке свой стенд с джентлеменским набором причиндалов. Неделю отстояли, вызубрив заранее подготовленную легенду о старце-затворнике-промыслительном праведнике, который днем и ночью молится за души христианские. Откуда-то из своих архивов приволокли и разложили на стенде набор где-то изъятых мутных брошюр. К счастью, их никто предварительно не читал. Наборчик получился сногшибательным — от нетрадиционного православия до справочника юного сатаниста.

Результат тоже оказался неожиданным — сборы за неделю не покрыли стоимости аренды стенда!

После этого про уголовное дело забыли и больше к этой идее не возвращались. И миллионы искать перестали. Зато сосредоточились на накачке журналистов, аккуратно роняя им отдельные фразы о планах вот-вот вывести сектантов на суд.

Купленный в Питере дворец через пару лет никто и не называл иначе, как «Дворец Патриарха». На какое-то время в городе даже увеличилось количество православных, поскольку благостный предпочитал использовать при ремонте дворца рабочих из НКР. Дешевле получалось, чем нанимать на месте. Но все равно денег на его обустройство ушло немеряно. Но это уже совсем другая история.

Рассказ пятый

СТАТУЯ

Вторая половина ноября в северном Подмоскowie — время исключительно на любителя. Зима иногда цепляет своим краешком этот регион для того, чтобы отступить на следующий день, и заморозки сменяются мелким холодным дождем. Темно и мрачно. Без большой нужды на улицу не тянет.

Именно в такую славную погоду владыка Петр после утрени в монастырском соборе прошел через практически пустой двор Лавры в свою канцелярию. Некоторые по привычке называли это здание покоями настоятеля Лавры, но владыка, занимающий этот пост уже четыре года, превратил его действительно в канцелярию. За счет его личных помещений здесь удалось вполне комфортно разместить все административные и хозяйственные службы и Лавры, и находившихся при ней духовной академии и семинарии. Это вообще был стиль владыки Петра: максимально ограничивать собственные потребности и вкладываться в создание условий для работы церковных органов. Подчиненные были в восторге и души в нем не чаяли, несмотря на и внешнюю суровость и внутреннюю глубокую аскезу настоятеля. Другие архиереи смотрели на это по-разному. Кто-то глубоко задумывался и даже что-то менял в своей жизни, но многих происходящее в Лавре в последние четыре года раздражало, и давно бы ему не быть в настоятелях — отдаленных епархий в Русской православной церкви хватало, если бы не колоссальный авторитет среди верующих. Назначение в Лавру в свое время было своего рода ссылкой. Центром церковной жизни все же был Киев, откуда в подмосковный Сергиев и ехать-то надо было на перекладных, но за недолгое время пребывания на посту руководителя одного из от-

делов Патриархии владыка столько раз вызывал раздражение у благостного своим бескомпромиссным следованием заветам Священного Писания, что в конце концов он был назначен на первую освободившуюся кафедру. И это была Лавра. Знали бы, чем это кончится, пять раз бы подумали перед назначением.

Но теперь было уже поздно. Авторитет настоятеля был настолько высок, что двигать его можно было только вверх, на один из митрополичьих округов, а это автоматически делало бы владыку Петра одним из соискателей высшей церковной должности, случись что с благостным. Для большинства церковных иерархов худший кошмар было трудно придумать.

Роль Лавры как важнейшего центра духовной жизни росла, или правильнее сказать, восстанавливалась с каждым годом, и в обратной пропорции менялись церковные ассигнования на все, связанное с ней. Дошло до того, что на Лавру повесили и все расходы по содержанию академии и семинарии. Оброк же пользу Патриархии за это время вырос почти вдвое.

Так и рвался владыка Петр между ремонтом окружавших Лавру крепостных стен, подбором преподавателей в семинарию, службами, написанием богословских трудов и бесед со своими многочисленными духовными чадами. Да еще и народ шел со всей России. И хотя монахи в Лавре подобрались в основном под стать своему Владыке, но и он считал своим долгом выслушивать и давать благословение и совет любому паломнику, обратившемуся к нему во время его постоянных хождений по Лавре.

Сегодня его никто не побеспокоил, но это не радовало. Паломники обеспечивали скудный, особенно в это время года, ручеек поступлений в казну Лавры, да и города вокруг нее, жители которого жили достаточно скромно. Летний богатый паломническо-туристический сезон прошел, а потребностей меньше не стало.

От этих невеселых мыслей его оторвал секретарь:

— Владыка, к Вам преосвященный владыка из Киева!

И сразу вслед за этим в кабинет вошел бископ. По понятным причинам дружбы между ними в Киеве особой не было, но такого гостя надо было принимать как положено, и настоятель, встав из-за стола, встретил бископа посреди кабинета. Они трижды обнялись и затем оглядели друг друга. Со стороны это выглядело даже забавно, никогда не скажешь, что перед вами два епископа одной и той же церкви.

Настоятель — высокий и подчеркнута худой, с заострившимися чертами лица, глубоко запавшими глазами, взгляд которых казалось проникал в самую душу, в бороде и прически преобладает седина, одет в черный подрясник простой ткани, тяжелые осенние ботинки и со скромной панагией с изображением св. Сергия Радонежского. И бископ — тоже очень крупный, но излишне полный, подчеркнута ухоженный хотя и с дороги, в теплом фиолетовом облачении, с панагией, испускавшей блеск многочисленных драгоценных камней.

Внешние различия промыслительно отражали и глубокое внутреннее расхождение этих двух персонажей во взглядах на церковь и ее роль в жизни страны. Владыка Петр был твердо уверен, что храм — не место для занятий политикой и, тем более, политиканством и предпочел бы видеть в нем не высших чинов администрации и армии и обладателей толстых кошельков, а искренне верующих людей. Его очень мало занимало их количество, он никогда не гнался за массовостью, ставя на первое место именно веру.

Бископ же, как мы знаем, напротив, ставил знак равенства между верой и государственной идеологией и приписывал к православию все население страны. И если присутствие в стране иных мировых конфессий он еще как-то терпел, то отсутствие у значительной части граждан глубоких религиозных взглядов вообще — между нами, большинство православного населения принадлежало к категории КВО (крещение-венчание-отпевание) — воспринималось им почти как личное оскорбление. Насколько он был искренен в своих убеждениях — сказать трудно. В иной исторической реальности про него, скорее всего, сказали бы: колеблется вместе с линией партии.

— Рад видеть. Не ждали. Что привело Вас к нам? — настоятель пригласил жестом гостя в кресла с прямыми жесткими спинками, не располагавшими к длительному отдыху и попросил секретаря принести бископу чаю с дороги. Последнего не особенно удивило, что чай оказался действительно чашкой пустого, но горячего чая без сдобы и выпечки. Заварка, правда, была отменной.

— Был в Москве по поручению благостного и решил посетить Лавру, — туманно ответил он.

Настоятель не очень поверил. Слишком хорошо он знал своего гостя как абсолютного прагматика, чтобы представить себе, что он вот просто так взял и отправился в такое относительно комфортное паломничество. Все же пара часов от Москвы на автомобиле по ноябрьской погоде — удовольствие очень относительное. Однако, если ему что-то надо — расскажет сам. А если бы хотели собрать какой-то компромат, то действовали бы иначе. Да и не сомневался настоятель, что кое-кто из насельников регулярно информирует Киев о всех происходящих здесь делах.

— Отдохнете с дороги или сразу посмотрите монастырь и академию? Хотите сам все покажу, или сопровождающего дать?

— Да что там отдыхать, дела не ждут. Посмотрю, конечно, очень интересно, как Вы такое хозяйство здесь тянете. Но, откровенно говоря, хотелось бы сначала с Вами один деликатный вопрос обсудить. Если можно, с этого бы и начал. Если, конечно, не отрываю Вас от чего-то сверхважного.

После такого вступления настоятелю не оставалось ничего другого, как предложить гостю выполнить свою миссию, которая, как он полагал, состояла в том, чтобы подготовить его либо к переводу в какую-нибудь заштатную епархию — и хорошо еще если не викарием, либо вообще к предложению подать заявление об отчислении на покой и отправиться в какой-нибудь отдаленный монастырь. Трудно сказать, почему он смотрел на жизнь настолько пессимистично. Может погода навеяла.

Интуиция его, однако, тотально подвела.

Бископ начал издалека. Витиевато порассуждав о роли церкви в современном мире, посетовав на упадок духовности и нравственности в обществе, дав общую — кстати, как отметил про себя настоятель, оригинальную и довольно правильную — оценку положения в церкви со всеми внутренними нестроениями, сомнениями, борющимися между собой течениями, он перешел к главному. Церковь, по его мнению, находилась на грани глубокого кризиса.

С этим настоятель был готов согласиться с тем лишь уточнением, что грань эту церковь уже давно перешла.

Бископ же считал, что кризиса этого еще можно избежать, если правильно понять его природу и найти нужные инструменты. А вот с этим дело плохо, и в первую очередь потому, что в руководстве Патриархии слишком много людей, для которых на первом месте собственное благополучие, а не радение православное.

Чем дальше слушал его настоятель, тем меньше он понимал, что здесь вообще происходит. По всему его прежнему опыту, уж кем-кем а церковным реформатором бископ, как говорится, не был ни разу. Такого соглашателя и подхалима еще поискать. Что, совсем приперло или провинился в чем? И что он собственно говоря хочет здесь получить, отпущение грехов или план церковного переворота?

Как выяснилось вскоре, все было намного тривиальнее. Конечно, без очередной церковной чистки не обойтись. Виноватые найдутся и списать на них много чего можно. Но главное — другое. Здоровые силы должны консолидироваться вокруг конкретной личности, для всего народа нужна персона, абсолютный авторитет и глашатай слова Божьего. И нету у церкви другого кандидата на этот пост кроме... благодного!

Провозгласив имя нынешнего Патриарха бископ на минуту прервался и вопросительно посмотрел на настоятеля. И хотя у того было собственное, несколько отличное мнение по этому вопросу он предпочел промолчать, справедливо ожидая, что это длинное вступление человека, приехавшего к нему специально за тридевять земель, должно

бы иметь своей целью какое-то конкретное предложение. Ему в общем-то стало даже любопытно, о чем идет речь, поскольку ни отдаленными епархиями, ни монастырским покоем все это пока ему не грозило.

— Благостного надо поддержать! — торжественно провозгласил бископ, вызвав тем самым у настоятеля опасение, что все сведется к банальному финансовому вымогательству.

«Нет, — подумал про себя он, — не та фигура, чтобы ездить побираться. Этому что-нибудь идеологическое подавай».

И он опять недооценил собеседника. Высказанная тем идея носила смешанный — финансово-идеологический характер — и звучала примерно следующим образом.

В традициях русского народа связывать важные события в своей жизни с именами правителей страны или добавлять к именам правителей определения, характеризующие их основные качества или наиболее славные деяния.

Если переложить это на церковную практику, то наиболее значимым личностям из числа глав церкви было бы логично отметить и войти в историю своими деяниями на уровне служения Богу. И лучше всего если такие деяния приобретают материальное, зримое выражение в виде каких-либо значимых и почитаемых объектов церковного назначения.

«И что, и где они придумали построить? — подумал про себя настоятель даже с интересом, забыв на время, в какую копейку ему и Лавре может встать эта история, — это же должно быть нечто сопоставимое с Храмом Христа Спасителя. Но ведь в Киеве соборов столько, что новодел там явно не прозвучит, а собор в провинции — не тот масштаб. Да и спешат они, а ХСС в общей сложности почти 70 лет строили, а Исакия — около 40. А этим-то надо все и сейчас!»

Бископ, как бы угадав его мысли, рассказал, что идея собора рассматривалась, но была отвергнута. Действительно, очевидной потребности в новом соборе в Киеве не ощущалась, в Москве он был, а в Питере и был, и было сложно. Исакий формально принадлежал городским властям с того

момента, когда после революции было ликвидировано старое МВД. Можно было бы, конечно, попытаться забрать его, но, во-первых, питерцы даром бы его не отдали, и, во-вторых, содержание собора легло бы тяжелейшим бременем на церковный бюджет. Никакие сборы от служб не могли компенсировать колоссальных расходов на сохранение этого выдающегося памятника архитектуры в кошмарном питерском климате.

Настоятель с пониманием поежился. В списке постоянных расходов Лавры присутствовала регулярная окраска крепостных стен и храмов. Влетало это в хорошую копейку.

— Так вот, продолжил бископ, — мы нашли и место лучше — кстати, с глубокой символикой, и объект интересный и необычный. Есть идея построить в Херсонесе, на месте крещения святого князя Владимира, его статую!

— И ради этого Вы сюда приехали? — не удержался настоятель, — и причем тут я?

— Вы не поняли, дорогой друг, — почти ласковым шепотом пояснил ему бископ, — это будет СТАТУЯ! Помните Нью-Йорк? Статую Свободы? Так наша должна быть еще выше! Метров 100! И символизм-то какой! Отсюда пошло крещение Киевской Руси — Земли Русской! Самая южная точка нашего государства! Дальше — только мусульманская Турция. Морские ворота страны! А имя, имя-то какое? Владимир! Двойной символ! Представьте себе, плывут пароходы, а их встречает Святой Владимир!

Настоятель восторга собеседника пока не понимал. Он, конечно, помнил, как зовут Верховного гетмана и какое имя носил до пострижения в монахи благодный. Но было в этом что-то... от идолопоклонства. Из информации о религиозных событиях в мире он знал, что в последние годы возведением гигантских «божественных» статуй увлеклись буддисты и последователи Конфуция. Католики, вроде, тоже где-то там отметились. Но как-то ни святости, ни благочестия в обществе статуи высотой в несколько десятков метров не прибавляли. Тезис о самой южной точке торжества православия его смущал — южнее находилась не толь-

ко Турция, но Болгария, Греция, Армения и Грузия, не говоря уже про Иерусалим.

Чепуха какая-то. Но уж если захотят обосновать сакральную необходимость такого строительства, то и статую возведут. Про себя он решил воздержаться и от критики, и от участия в этом начинании. Кто знает волю Божию, может она в том и состоит, чтобы они на этом деле сломали себе шею? Людям от этой затеи прямого вреда не будет, а деньги они все равно соберут и потратят.

— А от меня-то Вы чего хотите? — он решил прояснить все до конца.

— Как же, дорогой Владыка, — бископ весь сиял уже от того, что его не развернули сразу — такой вариант он тоже совсем не исключал, — к кому, как ни к Вам, прислушается и церковная, и светская общественность! Сами понимаете, кому-то из киевлян с такой инициативой выступать — не поймут, скажут: подхалимы! А если и не скажут, то точно подумают. А уж Вас-то с Вашей репутацией в подобном никто и никогда не заподозрит.

Дураком выглядеть не хотелось. Но и отказывать такому просителю надо было с умом, так, чтобы и не подкопался. Настоятель задумался.

Бископ понял его колебания несколько превратно.

— Вы не сомневайтесь, благостный такой шаг с Вашей стороны оценит. Думаю, устали Вы уже здесь за столько-то лет. Да и климат этот московский... Тут, кстати, скоро митрополичий округ на Дальнем Востоке образуется, нет ли интереса себя в новом качестве попробовать?

Сам бископ никогда бы на этот Дальний Восток не поехал. Но настоятеля он считал большим чудачком. Такому может и лучше будет подальше от Патриархии. Что он там будет делать на этом Дальнем Востоке в Киеве мало кому интересно.

Настоятель поморщился. За несколько лет, проведенных в Лавре, он как-то уже отвык от этого торгашеского духа и жизни по схеме «ты — мне, я — тебе», а тут его опять к ней вернули.

Приняв 20 лет назад монашеский постриг, он одновременно решил для себя, что ни церковной карьеры, ни почестей и славы искать не будет, и все последующие изменения в своей жизни считал промыслом Всевышнего. Так что ни сан митрополита, ни своя даже не епархия, а целый округ его не прельщали. Вернее, он просто не позволял заползти в ум и душу даже в общем-то разумной мысли о том, что расширение сферы его ответственности может пойти на пользу и Церкви, и людям. «Господь устроит» — всерьез думал он про себя. Потуги подкупить его с этой точки зрения выглядели просто жалкими. Не та личность, чтобы продаваться. Цена значения не имела.

Но надо было как-то выбираться из этой дурацкой ситуации. Ссориться с благостным — а это он прислал бископа, сомнений тут и быть не могло — явно не стоило. Как бы к Лавре и ее учебным заведениям каких-нибудь репрессий не применил. С этого станется. И тут настоятеля осенило.

— А давайте-ка, дорогой друг, на этом пока прервемся. Осмотритесь у нас, отдохните с дороги. А вечером помолимся вместе, глядишь, и вразумит нас Господь как лучше послужить Ему.

Возразить на это было нечего. Бископ вынужденно согласился, хотя бы вечером он предпочел бы уже занять место в традиционном желтом вагоне первого класса киевского экспресса. А тут пришлось ходить, смотреть, слушать. Правда, постепенно бископ даже как-то втянулся. Его острый ум замечал немало полезных новшеств, явно внесенных в учебный процесс с подачи настоятеля. Выпускники семинарии при Лавре явно были намного лучше готовы к служению, чем их коллеги в других церковных учебных заведениях. Их с самого начала учили тому, с чем приходскому священнику приходится сталкиваться в повседневной жизни, и, главное, тому, как воспринимать окружающих тебя людей во всем их разнообразии. Прагматик в душе, бископ уже подумывал, как представить этот полезный опыт благостному, не забыв, конечно, и о себе любимом.

Вновь встретились уже поздно вечером. Монастырь отходил ко сну. Да и город за монастырскими стенами постепенно затихал.

Настоятель не стал затягивать с ответом.

— Думается мне, — несколько даже торжественно произнес он, — что, во-первых, идея эта должна исходить не из церковных кругов. По масштабу предстоящий расходов этот проект далеко выходит за рамки финансовых возможностей церкви. И что? Опять получим обвинение, что осуществлять наши идеи придется за счет бюджета? Зачем нам это? Подумайте, надо найти подходящую общественную организацию, для которой такая инициатива была бы вполне логичной. Ну, как пример. Коллегия кавалеров ордена Св. Владимира. И люди там небедные. Могут сразу какую-то часть расходов, хотя бы первоначальных, на себя взять.

И второе. Неподходящее место Херсонес. В Севастополе у нас база военного флота, ни пассажирского, ни грузового судоходства там серьезного нет и быть не может. И кто ее увидит? Турецкий флот что ли будем пугать, если решатся турки как в 54-м году на штурм пойти? Так не решатся уже нынче, а если не дай Бог что и случится, это мы им что, ориентир для артиллерийской стрельбы дадим? Нет, не то место. Если уж хотите поставить так, чтобы гости видели, символом морских ворот на Русь сделать, то в другом месте надо ставить.

— И где? — бископ невольно увлекся ходом мысли настоятеля. Возразить на сказанное пока было нечего.

— А Вы сами подумайте, — настоятель хитро посмотрел на бископа, и, похоже, даже подмигнул ему. — Где у нас главный порт страны?

«Одесса!» — осенило бископа, семья которого, как может быть помнит читатель, происходила из этого славного южного города. На душе стало невероятно тепло, и сразу же родилась мыслишка о том, что одесситы сумеют отблагодарить славного уроженца своего города, который подарит им такую роскошную идею.

— Вы думаете? — он продолжал обкатывать мысль про себя. Получалось очень далеко от задуманного, но получалось неплохо. — Но как же крещение? Одесса-то тут при чем?

— Дорогой мой, — настоятель умел быть убедительным, — поверьте, я за эти годы прочитал тут столько рукописей, что сам теперь не берусь однозначно судить о нашей истории. Одни писали так, другие — этак. А уж сколько исправлений, подчисток. Немало, видно, и уничтожали позднее по указу великих князей. И это все после монгольского нашествия. А уж что до него было — там вообще правды не сыщешь. Херсонес, Одесса — кто знает, что, когда и где происходило на самом деле. Да и кому это важно сейчас. Вы о другом подумайте. В Одессе с православием, мягко скажем, дела обстоят не очень. А тут такой символический жест. Вы их главное правильно настройте, а то опять отчуждают что-то свое. Да и с финансами у них там все вполне благополучно.

Надо признать, что ход был мастерским. На фоне обновленной идеи вопрос об инициаторе как-то сам собой и отпал. И упрекнуть настоятеля не в чем. Не только возражать не стал, но принял самое творческое участие в развитии инициативы.

На следующее утро бископ тепло распрощался с хозяином и уехал. Тот и думать забыл про всю эту дурь, погрузившись в очередной омут своих дел.

Бископ же даже в теплом уюте мягкого вагона долго не мог заснуть. Ворочался, думал. С одной стороны, согласия настоятеля поучаствовать в проекте он не получил и дело как бы провалил. Но, с другой, он возвращался с модифицированным проектом, и все новые предложения были вполне разумны. И исходили они от настоятеля.

«Хитер, старец! — подумал он про себя, забывая, что «старец» этот был старше его всего на два года, — тут главное, как это подать благостному. А где там и какую статую поставят — до этого еще дожить надо».

Правильно подать идеи настоятеля благостного ему, в целом, удалось. В одесскую епархию полетело указание обсудить вопрос с председателем городского собрания. Бископ практически в последнюю минуту отказался от, казалось бы, лестного предложения отвезти эту идею в Одессу

в качестве посланника благостного. В чутье ему все же не откажешь.

Как ни странно, гласные городской думы проектом загорелись. Город на бедность уж совсем не жаловался, через него текли встречные реки отечественных и заморских товаров, в карманах и не только шуршало, а одесситам давно хотелось завернуть что-нибудь такое-этакое. Статуя на манер нью-йоркской звучала в этом контексте очень неплохо. Сами одесситы, правда, предпочитали сравнивать свой город с Марселем, но и Нью-Йорку нос утереть тоже дело достойное. Так что первый этап обсуждения прошел в целом успешно, и гласные собирались выносить вопрос на свое заседание и открыть солидное финансирование. И тут случилось страшное.

На первом этапе народ как-то не сосредоточился на личности того, кому предполагалось воздвигнуть монумент. Ну, статуя и статуя. Так она и называлась в газетных статьях и разговорах на улицах города, в кафе и на Привозе. Но были в городе люди, скажем далекие от православия. Они-то и обеспечили на определенном этапе вброс массы критических материалов в отношении личности князя Владимира. Не хочется даже повторять, какими его награждали эпитетами. И главное: где он, а где Одесса? Киевский князь? Ну и ставьте себе его статую в Киеве! Ах, уже стоит! Так нечего людям голову морочить, хватит с него одной киевской статуи, а мы здесь, у себя в Одессе поставим что-то свое. Аргумент был убийственным. Одессе — свое! Правда, дальше начались споры. Экстремисты предлагали даже кандидатуру Мишки Япончика. Историческая личность, сколько книг про него сочинили и даже фильм сняли. От Япончика удалось отбиться только благодаря тому, что был он мелковат, не фигурист, а тут всем хотелось мощи, размаха.

Объявленный конкурс собрал полсотни проектов. Экзотики хватало. Предложенный близким к Патриархии скульптором из Киева эскиз статуи князя Владимира оказался за рамками отобранного первого десятка и был снят с пробега окончательно. В городской думе и лучших домах города все

переругались между собой. В конце концов дума отказалась от обсуждения проектов на своей площадке и отдала право решения городскому референдуму. Вот вам, уважаемые граждане, пять проектов — выбирайте!

И граждане выбрали. С небольшим перевесом на референдуме победила фигура усередненного моряка-рыбака-докера-хулигана. Здоровый парень в широких штанах и тельняшке с хитрым прищуром и широкой улыбкой. Решающую роль, скорее всего, сыграл девиз статуи: Мишка-Одессит. На рисунке и в виде настольной модели выглядело симпатично, но представить, что такое будет возвышаться над городом... Но все успокоились. Демократия победила. Строительство статуи обещало быть делом долгим и доходным. Подрядчики потирали руки.

В недалеком Киеве про весь этот ужас постарались поскорее забыть, а бископ раз и навсегда зарекся связываться с настоятелем. Удивительным образом вину за случившееся он возлагал не на своих эксцентричных земляков, и уж, конечно, не на себя, а на настоятеля, который развернул не в ту сторону такой красивый и идеологически выдержанный проект. Была, правда, у завершения этой истории и светлая сторона. Запланированный «владимирский оброк» по епархиям отменился не начавшись.

Стоит ли говорить, что за всеми перипетиями этой истории с большим интересом наблюдали в далеком от Черного моря подмосковном Сергиеве. Мы все подвержены страстям. Даже монахи.

Рассказ шестой

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Приближались выборы Верховного гетмана. В отличие от некоторых западноевропейских демократий, где аналогичное мероприятие превращалось порой в широчайшую кампанию всеобщего очернения и борьбы всех против всех, в Новой Киевской Руси все было устроено, как говорится, в пропорцию. С одной стороны, да, выборы, есть несколько кандидатов, очень разных, каждый со своими взглядами и программами. Кто хочет и времени не жалко — может даже эти программы прочитать. Но, с другой, выбирала Верховного Государственная Дума, а правом выдвижения кандидатов обладали представленные в ней политические партии. Так что устраивать всеобщий гвалт и бороться за голоса избирателей особой нужды не было. Демократия, но без излишней разнузданности. А в Думе понятно: кандидатуру нынешнего Верховного гетмана поддерживают конституционные демократы, а у них 70% мест, хватает с избытком. Так что шансов у других кандидатов просто не было.

Проблема была в другом. Народ был недоволен. Как это часто бывает, причины для недовольства у каждого были свои: низкая зарплата и пенсия, высокие налоги, коррупция и произвол чиновников, нерадивость местных властей, состояние инфраструктуры, ограничения для бизнеса — список можно продолжать бесконечно. Но недовольны были если и не все, то очевидное большинство, и эта зараза расползалась. Волны этого недовольства докатывались до верховной власти в несколько смягченном виде — фильтры работали исправно, но хватало и этого. Верховный гетман все чаще задумывался над тем, что могло бы хотя бы на время выборов изменить умонастроения общества, справедливо полагая, что формальные выборы могут лишь сфокусиро-

вать весь негатив на его собственной фигуре. Это, конечно, было не смертельно, но хотелось славы, ореола победителя и отца нации. Были нужны идеи.

Как-то во время традиционной встречи с благостным за чашкой чая — чай на столе тоже присутствовал, но до него дело в этот раз так и не дошло, — Верховный поделился с собеседником своими печальми. Не столько даже в расчете на конкретную помощь, сколько пытаюсь избавиться от занудной, как зубная боль, мысли.

— Есть такая беда, — согласился с ним благостный, — ворчит народец, ко всему цепляется. И то не так, и это не этак. Мы это даже по церковным сборам видим. С доброй душой и жертвуют обычно лучше, а как недовольны чем, так и оскудевают сборы. А храмы поддерживать надо.

Верховного эта манера благостного сводить почти любой разговор к вопросу о материальной поддержке церкви раздражала, тем более, жаловаться у благостного не было никаких оснований. Несмотря на постоянные нападки вольнодумцев из оппозиции, да и мягкие намеки финансового гетмана он категорически отвергал возможность введения налогообложения доходов церкви и контроля за ее финансами.

— Да не о деньгах речь, — с досадой прервал он благостного, севшего на своего любимого конька. — Настроение у людей менять надо. Негатив в обществе поднакопился. Давай думать как менять. Переломим настроение — другой разговор пойдет. Тогда и вопрос с твоими ста метрами решим.

Здесь необходимо сделать маленькое отступление. Дело в том, что еще с петровских времен домовладельцы в городах несли ответственность за уборку тротуаров и мостовой перед своим домом. Во время кризиса в 20-е годы по предложению задыхавшихся от нехватки денег местных властей их обязанности были законодательно расширены и стали включать и ремонт улиц. Естественно, на практике ремонт делали под руководством городских служб подрядные фирмы, но оплачивали эти расходы домовладельцы в складчину. Для многих городских храмов уличный сбор был до-

вольно обременительным, поскольку в среднем на храм приходилось около 100 погонных метров улицы. Поскольку от уплаты сбора были освобождены такие муниципальные учреждения, как больницы и школы, благостный уже давно добивался аналогичной льготы и для церкви.

Слова Верховного заставили благостного задуматься. Отмена уличного сбора позволила бы существенно увеличить взносы городских храмов в общецерковный бюджет. Что-то придется, конечно, оставить им. Но меньшую часть. Мысленно он уже прикидывал разные пропорции: 20:80 или 40:60? В любом случае получалось изрядно, но и задача была нетривиальной, а немедленного решения у него не было. Сейчас главное принять участие в процессе поиска решения, а там может что и выйдет. А слово про уличный сбор уже произнесено.

— А что, если нам собрать совместную группу аналитиков, — предложил он, — пусть хорошенько посидят, подумают, предложения подготовят, а мы потом выберем.

На том и порешили.

Группу собрали быстро. От церкви в нее вошли епископ и пара профессоров богословия из Духовной академии. Гражданская часть была намного более многочисленной и пестрой. Пара социологов из числа надежных, один из отделов канцелярии Верховного почти в полном составе, трое вартовых из разных служб с полковничьими погонами, товарищ гетмана по вопросам информации. Для подобных мозговых штурмов обычно использовали одну из двух десятков гетманских дач на Днепре. Сам Верховный в них никогда не бывал, а вот его канцелярия активно их использовала для закрытых мероприятий.

Для начала, как это и было предписано, хорошо посидели. По традиции гетманских дач закуски и угощения были только русскими, напитки тоже... сначала. Потом уже доставали что у кого было, а с учетом разных вкусов результат получился сильным.

Епископ проснулся уже ближе к полудню. Возможно, и весь день был бы утерян для дела, но оказалось, что еще

вечером в самый разгар посиделок он проявил дар научного предвидения и велел послать с утра в расположенный буквально в паре верст монастырь гонца за квасом и квашеной капустой с рассолом. Многоопытные монахи добавили от себя в посылку пятилитровую банку с рассолом от бочечных огурцов монастырской закваски, и группа мудрецов была спасена для общественно-полезной деятельности. Бископ про себя решил при первой же оказии вставить имя настоятеля в список на церковные награды. Наш человек. Надо поощрить.

С похмельным синдромом мудрецы в целом справились, но работа не ладилась.

В принципе все понимали, что перебить негативный настрой надо бы чем-нибудь хорошим, каким-нибудь подарком от власти: льготами, дотациями, повышением, улучшением и др. В крайнем случае — наказанием нерадивых. То есть в целом надо было что-то давать. Но давать, как обычно, было нечего, да и не особенно хотелось. Не то настроение после вчерашнего. Тут уж если давать, то, извините, в морду, а это как-то совсем не в тему.

Необходимость думать о народе и его благе вызывали у участников мозгового штурма только стойкое чувство неприязни к этому самому народу.

И тут бископа осенило.

— А давайте от противного, — предложил он, — пусть нам всем кто-то со стороны сделает плохо и на этой основе люди забудут о своих претензиях и сплотятся вокруг власти!

— Ну, это только если поляки... — протянул один из вартовых и в глазах его появился хищный блеск.

Поляков в НКР не любили. Три войны: не очень удачная для России в 19-м году, с нейтральным результатом в 35-м году и победоносная 44 года, стоили в целом довольно дорого, а семейная память — штука сильная. Особенно много вопросов к полякам было у украинской части населения. Правда, и наоборот тоже.

— Если поляки, то сразу на нас и подумают, — усомнился бископ. — У них чуть что не так, сразу руку Киева искать начинают!

Все помолчали. Это была чистая правда, и в большинстве случаев что-то «не так» в Польше происходило ни само собой.

Но вартовый был совсем не прост.

— А надо сделать так, чтобы они сами на нас указали, но при этом дело должно быть нам абсолютно невыгодно, а еще лучше — объективно вредно. В итоге мы сможем возмутиться: совсем совесть потеряли, обвиняют в том, что мы по определению делать никогда бы и не стали.

Помолчали, пытаясь переварить сказанное.

— То есть мы будем делать то, что нам объективно вредно? — аккуратно переспросил бископ.

— Да, и тем самым мы сами подставимся под удар, но обвинение должно быть таким нелепым, чтобы народ в него не поверил и сплотился вокруг власти. А поляки при этом должны быть настолько оскорблены, чтобы сразу обвинить нас, не задумываясь о последствиях.

Бископ посмотрел в глаза вартовому и понял, что поддержать эту идею он в принципе готов, но при этом категорически не желает знать, каким будет ее практическое исполнение. Как говорится, меньше знаешь — дольше живешь. Именно тот самый случай.

По его предложению группа быстро сформулировала основные параметры идеи: акция в Польше, оскорбительная для поляков, внешне в интересах НКР, но по сути им противоречащая. Мы сами подставляем себя под ответные санкции поляков, а, быть может и не только их, при том, что вопиющая несправедливость этих санкций будет очевидна для всех граждан НКР. Предложения о практическом содержании акции внесет Варта.

Так неожиданно быстро группа завершила свою работу. Дело шло к вечеру и возвращаться в город смысла большого не было. Решили завершить трудовой день рабочим ужи-

ном, но сначала предусмотрительно послали гонца в монастырь и подписали по просьбе вартового обязательство о неразглашении.

По возвращении в Киев епископ уклонился от сомнительного удовольствия докладывать итоги мозгового штурма, справедливо полагая, что к дальнейшему церковью отношения иметь не должна. Благостному он при случае лишь коротко сказал, что общий сценарий придуман. Детали — удел профессионалов.

А тем временем предвыборная кампания развивалась по своим законам. Оппозиционные политики критиковали власть. Выборы с заранее предсказуемым результатом, по их мнению, ущемляли основополагающие демократические права и свободы граждан и практического значения не имели. Власть в ответ довольно невнятно рапортовала о своих достижениях — не слишком очевидных, рисовала планы будущих грандиозных свершений и обещала скорое наступление эры всеобщего благоденствия. Картинка выглядела настолько привлекательно, что оспаривать ее органически не хотелось. Непонятно было, правда, почему это благоденствие не наступило до сих пор, если путь к нему был настолько очевиден. Но способностями к трезвому и глубокому анализу, как водится, обладал мало кто из публики.

Бомба взорвалась за две недели до дня голосования. Собственно, это была не бомба, а выстрел в Варшаве. Выстрел из практически раритетной винтовки Мосина с чердака одного из домов на Старом Мясте, которым был убит входивший в кафе напротив сатирик-эмигрант Рихтер.

Пан Рихтер родился и вырос в Одессе в польско-еврейской семье. Даже в этом очень интернациональном городе национальность здорово осложнила его юные годы. Среднее мореходное училище и несколько лет работы на судах каботажного плавания обогатили его жизненный опыт и укрепили стойкое желание найти какую-нибудь более спокойную профессию. В результате родился первый сборник его юмористических рассказов «Город у моря». Позднее Рихтера часто сравнивали с его земляками 30-х годов,

которые принесли в эстетствующую литературу начала века здоровый народный юмор.

Вслед за первой книгой пришли вторая, третья... Рихтер приобретал все большую известность, много печатался в центральных киевских газетах. Его ироничный и немного грустный юмор ценили. Проблемы начались после появления «польского цикла» — сборника рассказов о трудной судьбе поляков в НКР. Эту тему трогать явно не стоило. Если в поволжских губерниях, Москве, Черноземье, восточно-украинских землях польский вопрос был мало кому интересен, то на западе страны тема была болезненной. Каждая из трех войн с Варшавой оставила рубцы в виде вырезанных сел. И украинских, и польских. Часто по соседству

Критику в свой адрес Рихтер воспринял болезненно, стиль и направленность его работ изменились. Теперь он с жестким сарказмом обличал власть, порядки и общество, мало стесняясь в выражениях. Ну а талант — он всегда талант. Даже его ярые оппоненты признавали, что жечь словом и подбирать объекты для своих нападок он умел.

Конец был закономерен. После пары эксцессов с наиболее обиженными лицами Рихтер эмигрировал в Польшу. Там он продолжил свои литературные экзерсисы. Много печатался, но, оторвавшись от реальной жизни страны, отчасти ушел в философию о причинах неустроенности жизни в России и маргинальную политическую деятельность.

В Киеве про него иногда вспоминали, изредка в оппозиционной прессе появлялись его новые статьи, но в современной политической жизни он совершенно не котировался. Такова, впрочем, судьба всех эмигрантов.

И вот теперь он убит в результате очевидного покушения.

Кто и за что? Эти два вопроса в разной форме в Польше склоняли все комментаторы убийства. Варианты ответов касались только деталей. Главное же было очевидно всем: Рихтера убили русские в качестве мести за его публикации. Откровенно говоря, мотивчик был так себе, дохленький. Но других просто не было: с криминалом дел не имел, чужих жен не уводил, в рассказах своих иной раз рисовал

узнаваемые образы, но не настолько оскорбительно, чтобы убивать за это. Ошибка исполнителя тоже исключалась, поскольку бакенбарды пана Рихтера в сочетании с обширной лысиной делали его фигурой очень запоминающейся.

Политически же это был тот самый случай, когда оставлять откровенный «висяк» властям было просто невозможно. И уж если не было кандидатов на скамью подсудимых, то указать на заказчиков было просто необходимо.

На версию ответственности НКР неплохо работало и оружие убийства — винтовка Мосина. Русская? Значит, русские из нее и стреляли. Эксперты от такой логики сотрясались в конвульсиях от смеха. Представить себе работающих на серьезную державу людей, вышедших на дело с винтовкой 80-ти лет от роду, им было крайне сложно. Пусть оружие «не убито», хорошо пристреляно, оставшиеся в магазине патроны относительно свежие, но это несерьезно. Шуткой дня в лаборатории была признана фраза эксперта-баллиста: «Что же они 96-го маузера с деревянной кобурой не нашли, могли бы одолжить в своем музее гражданской войны!».

Но для польской публики винтовка Мосина была не просто устаревшим оружием. Именно трехлинейку держал в руках НКРовский гвардеец, изображенный на медали «За взятие Варшавы», именно штыки этих винтовок вымели поляков из России в 19-м году, остановили под Минском в 35-м и принудили к капитуляции в 44-м. Нашлись люди, которые об этом вспомнили, сопоставили одно с другим и теперь представляли оружие киллера как символ и напоминание. Как говорится, в отсутствие информации работает фантазия. А уж в русском вопросе с фантазией у поляков все было в порядке.

Официальный Киев молчал. Собственно, ему и говорить что-то необходимости не было, поскольку формально к нему пока никто не обращался.

Варшава же была в затруднении. Ни о каком совместном расследовании, конечно, не могло быть и речи. Более того, польским полицейским властям было фактически не с чем обращаться к киевским коллегам в рамках международных

полицейских процедур. Ну, не номер же винтовки «пробивать». Этих винтовок изготовлено было несколько десятков миллионов, и они до сих пор лежали на складах в полудюжине государств. Как говорится, есть не просят, так пусть будет. Мало ли что. А уж сколько их ушло на сторону во время войн, было продано официально и не очень. Какой там номер.

Так что надо было или продолжать тупиковое расследование под огнем все более возбуждающейся прессы — правительство в Польше всегда найдется кому поругать, или переводить дело вообще в иную плоскость и выступать с политическими обвинениями, которые хороши тем, что особо не требуют доказательств. Так и поступили. А чтобы лишний вопросов не было грохнули сразу из тяжелой артиллерии: с обвинениями НКР в причастности к убийству Рихтера выступил сам польский премьер. Подпустил туману, рассказал о политических преследованиях на тоталитарной киевщине, ну и фото винтовки показал. Польская общественность в восторге, рейтинг премьера подскочил, дефензива готовит списки выявленных разведчиков из состава посольства НКР для выдворения.

Поскольку для Киева все это сюрпризом отнюдь не явилось, в канцелярии Верховного заранее подготовили нового пресс-секретаря. Воплощенная невинность, девушка с русой косой и радующей глаз фигурой отвечала перед журналистами на злобные польские нападки, делая ошибки в ударении в слове винтовка и забывая через раз фамилию Мосина. Это было смешно.

А вот общественность НКР, вовремя и достаточно полно проинформированная местными СМИ о вакханалии в Польше, прореагировала на эти обвинения даже жестче, чем ожидалось. Популярность Рихтера как писателя резко подскочила, газеты перепечатавали его старые юношеские рассказы и понять, чем и кому могли не угодить его юмористические зарисовки жизни в Одессе, было решительно невозможно. Конспирологические версии здесь тоже умели придумывать, а уж обвинить поляков в том, что они сами грохнули еврейского писателя из НКР, а теперь строят все обвинение на одной винтовке, было легче легкого.

А тут еще и Верховный гетман в одном из последних выступлений перед процедурой голосования в Государственной Думе пустился в свои детские воспоминания и показал народу с экрана медаль «За взятие Варшавы», которую получил в свое время его дед... Народ проникся.

Голосование за кандидатуру Верховного гетмана прошло в обстановке полного национального единения. Более того, сотрудникам его канцелярии составило немало трудов найти все же 8% гласных Государственной Думы, которые согласились проголосовать за контркандидата. А то уж совсем как-то получалось не по-европейски.

По итогам выборов участников интеллектуального штурма предполагалось поощрить. Бископ уже с удовольствием представлял себе, как промыслительно будет смотреться у него на облачении «Владимир» 4-й степени — в пару к уже имеющемуся одноименному церковному ордену. Но инаугурация преподнесла такой сюрприз, что об ордене пока пришлось забыть.

Полковник внешней варты, организовавший акцию, пережил несколько неприятных минут, когда узнал, каким оружием воспользовался нанятый им в подпольном международном синдикате специалист. Выбор же оружия объяснялся сугубо финансовыми соображениями. Сумма гонорара в силу незначительности объекта была настолько мала, что исполнитель пожалел расходувать на этот заказ современное дорогое оружие, выбрал из своего арсенала то, что не жалко, и пошел с трехлинейкой на дело. А попадать в цель он умел и из рогатки. Зато потом тот же полковник здорово смеялся, следя за новыми приключениями старой доброй русской винтовки.

Рассказ седьмой

СИМВОЛ

Баню благостный уважал. Любил мягкое обволакивающее тепло, чувство очищения от всего мирского, которого даже несмотря на его духовный сан в жизни все же было больше, чем духовного. В глубину подсознания он загонял крамольную мысль, что это чувство отчасти напоминает ему тот тихий духовный восторг, который появлялся у него в первые годы его церковной жизни после хорошо отслуженной литургии. Баня восстанавливала силы, а в этом была особая нужда после многочасовых служб и длинных проповедей, которые так любил произносить благостный. Господь щедро одарил его артистическим и ораторским талантом, он действительно умел подолгу держать аудиторию во внимании, и получал истинное удовольствие от каждой удачно произнесенной проповеди. А неудачных у него и не было. Во всяком случае, злобные критики — куда же без них на такой-то должности — выискивавшие «блох» в речах благостного, их, конечно, находили, но для большинства публики сугубо теологические проблемы были совсем неинтересны. А общее впечатление от его речей было просто великолепным.

Привязанность к бане возникла еще в те давние времена, когда благостный возглавлял одну из небольших епархий в Балтийской федерации, и был очень далек от патриаршего престола. Но именно в те годы он привык обсуждать самые важные и деликатные вопросы жизни своей епархии в полутьме парной и за рюмкой северной горькой во время следующей трапезы. Со временем и парная расширилась — в нынешней патриаршей резиденции был отстроен целый банный комплекс, и северную горькую заменил добрый французский коньяк, но привычка осталась.

Итак, вскоре после истории, описанной в нашем предыдущем рассказе о жизни в Новой Киевской Руси, в один весенний воскресный вечер благостный отправился в баню, пригласив в качестве компаньона уже известного нам епископа. Называть этого героя будем по-прежнему, хотя в церковном сане он с тех пор попрос, а главное — постепенно взял на себя работу на абсолютно не официальном, но важнейшем направлении деятельности Киевского Патриархата. Фактически речь шла о постепенном реформировании государственного устройства, которое имело своей целью официальное признание церкви государственной и утверждение Патриархии в качестве одной из ветвей государственной власти с самыми широкими полномочиями. Такой поворот, по сути, должен был затронуть работу и остальных ветвей власти, подразумевал реформу законодательства и вообще такие кардинальные изменения в жизни страны, что епископ даже не мог себе представить, где и чем, собственно, должна была закончиться эта реформа. Вслух о ней пока предпочитали не говорить.

Сложность состояла в том, что достаточно типовая для современной Европы Конституция НКР категорически не допускала такого поворота событий, а в обществе явно отсутствовал очевидный спрос на превращение страны в один большой монастырь. Вообще в том, что касается религиозных чувств, народ НКР в течение последовавших за событиями 1917 года почти ста лет продемонстрировал полнейшую непоследовательность. Самым правильным словом для определения его отношения к церкви в первые послереволюционные годы, пожалуй, является безразличие. В сочетании с прекращением государственного финансирования это привело к резкому проседанию церкви. Закрывались храмы и монастыри, убывала часть духовенства. Оставшиеся, однако, по праву заслужили славу подвижников. Постепенно, по кирпичику они стали восстанавливать церковное здание и, отчасти, в этом преуспели. Церковь постепенно заняла свою естественную нишу в жизни общества, и в целом ее сохраняла, хотя под влиянием различных обстоятельств (войны, научно-технический скачок в 60-е годы) в ее жизни случались довольно сильные приливы и отливы. Бывало, что и власть в кризисные пери-

оды пыталась использовать в своих интересах церковь именно как инструмент контроля над общественным сознанием. Именно такой период и переживала сейчас Новая Киевская Русь. После многих десятилетий сравнительно спокойно-го существования среди полутора десятков других, примерно равных с нею по потенциалу евроазиатских государств, НКР в ходе новой промышленной революции начала быстро уступать как франко-германскому экономическому союзу в составе 5 германских республик, Франции и Бельгии, так и УралСибу, который все больше претендовал на роль лидера и собирателя земель бывшей Российской империи.

Геополитика все больше будоражила массы, и особенно деловые круги НКР, которые прекрасно понимали, что проигрыш в этой экономической гонке будет чреват для них потерей не только рынков, но, возможно, и бизнеса.

Верховный гетман и его окружение, хотя и видели эти проблемы, но предпочитали рассуждать о балансе с соседями на основе численного состава армий, количества бронеходов и стволов артиллерии. События столетней давности, однако, никто не забыл, и поэтому ближний круг Верховного буквально метался в поисках идей и решений, которые могли бы успокоить общество. С этими-то людьми особенно сдружился бископ в последнее время.

Поэтому приглашение в баню к благостному, тем более, сразу же было указано, что встреча пройдет в режиме tête-à-tête, бископ воспринял как вызов на доклад о ходе реализации «проекта», от перспектив которого действительно захватывало дух. Бископ даже в мысленном разговоре с самим собой не решался придать этой формулировке более развернутый характер.

Но сначала была баня. Правильнее было бы даже написать это слово с большой буквы. Баня. О ней в узких кругах осведомленных лиц НКР ходили легенды. Резиденция благостного в красивейшем месте на высоком берегу Днепра и так-то была не слишком доступна для посетителей — один пятиметровый забор чего стоил, но баня, расположенная в стороне и от жилых покоев, и от пяти церквушек с разноцветными куполами, разместившихся на территории привольно рас-

кинувшейся резиденции, была действительно спецобъектом. И дело было даже не только в том, что в лучших традициях старых княжеских теремов фасад, стены, внутренние помещения этого собранного без единого гвоздя бревенчатого строения были щедро изукрашены резьбой на сугубо светские темы. Главное — доступ туда имели действительно лишь самые избранные и близкие к благодному лица. Реально в этот круг избранных входили Верховный гетман, городской голова Киева, два-три крупнейших магната и известный своими музыкальными талантами первый викарий благодного.

Сегодня в этот круг вошел и бископ. Пока он старался даже не думать о том, как это скажется на его положении в церковной иерархии, ему было страшно представить, сколько недругов и каких принесет ему это приглашение. Да и вообще, как повернется его церковная и личная судьба... Все это прояснится потом, а сейчас надо было понять, чего ждет от него благодный.

Разговор по существу начался после парилки и изысканного ужина. Благодный и бископ разместились на открытой террасе, с которой открывался фантастический вид на реку. Мастерство архитекторов проявилось, однако и в том, что с реки посетители террасы практически не просматривались.

— Как там Ваши друзья в канцелярии Верховного? — поинтересовался благодный, — довольны тем, как мы подыграли им накануне выборов? Не помню случая раньше, чтобы церковь столь однозначно высказывалась в поддержку кандидата. Хоть Верховного гетмана у нас, к счастью, избирает Государственная Дума, а не весь народ, как у безбожных поляков, но мы уж постарались — разве что помазанником Божьим его не провозгласили. Так что депутатам оставалось только «сделать правильный выбор». Ну а дальше-то что они там думают? Чем расплатятся?

— Помощь Вашу они, конечно, оценили по достоинству. Хотя кандидат от оппозиции был из разряда карманных, но выборов все же побаивались — уж больно недовольных много. Бурлит народишко-то. Вечно всем недовольны. — Бископ дипломатично постарался увести разговор в сторону, но в этом искусстве не ему было тягаться с благодным.

— И что с того? — он брал быка за рога, — когда этот народ был чем доволен? Или они думают увлечь кого-то своими разговорами про техническую революцию? Так еще понять надо, как та революция скажется на жизни простого человека. Блага цивилизации — вещь хорошая, когда на них денег хватает. А ну как проиграем европейцам и потеряем свои заводы, да и потребность в селянах поубавится. Как народ удержат? Забыли, что сто лет назад было?

Бископ мог бы ответить, что ни он, ни его партнеры из канцелярии Верховного, ни благостный, к счастью, не могли помнить события столетней давности, но не стал. Главное — ему так и не удалось «дожать» даже руководителей канцелярии Верховного на какие-либо серьезные шаги навстречу церкви. Собственно, всякие мелочи типа дополнительных ассигнований из бюджета, ужесточения уголовного преследования альтернативных религиозных групп, демонстративных жестов в адрес церкви благостного и не интересовали. Он хотел, как говорится, всего и сразу: признания государственного статуса церкви и реальных властных полномочий. Что касается последних, то он руководствовался старым церковным принципом: нам главное ногу заступить, а потом... Много и часто наблюдая в последние годы Верховного гетмана вблизи, он уже давно пришел к выводу, что успешно бы справился с этой ролью и сам, сохранив и свой нынешний сан.

— Ладно, — продолжил благостный, — не для того я тебя позвал, чтобы выслушивать отчеты о твоих играх с гетманскими. Да и не путь это. Ты мне лучше вот что скажи, нет ли у тебя какой-нибудь хитрой задумки на примете? Ты же у нас мастак на что-нибудь этакое. Придумаешь — ничего не пожалею. Докажешь, что не ошибся в тебе, — престол оставлю. — И глаза благостного вдруг блеснули помолодому, а поднятый бокал с коньяком вдруг заиграл на закатном солнце бриллиантовыми гранями.

* * * * *

По дороге домой в голове у бископа шумело. Если бы его спросили, он вряд ли бы смог объяснить природу этого шума: его могли вызвать и сухой пар бани, и добрый коньяк

благостного, но главное — сделанное ему фантастическое предложение. Бископ прекрасно понимал, что от него ожидают не просто предложения, но Идеи. Для того, чтобы она родилась надо было отстраниться от обыденности, приподняться над повседневной рутинной и измыслить что-то необыкновенное. Легко сказать, а как сделать?

Он вернулся домой в состоянии глубокой рассеянности, и то ли под влиянием всех этих мыслей, то ли выпитого коньяка, проходя мимо стола, случайно зацепил стопку книг и одна из них упала на пол. Бископ нагнулся и поднял Библию. И тут его осенило.

Следующим утром он запросился на прием к благостному.

— Мы заменим Конституцию на Библию на инаугурации Верховного, — сказал он, как только сопровождавший его помощник благостного покинул кабинет.

Благостный задумался. Кому другому эта идея показалась бы абсолютно бредовой, но он-то хорошо знал, насколько Верховный подвержен влиянию мистики.

— То есть он клянется на Конституции, а она оказывается Библией? — он растянул фразу, как бы оценивая весь потенциал этой идеи. — А как это станет понятно?

— Придумаем, — бископа понесло, — это технический вопрос. Как-нибудь сделаем так, чтобы он открыл книгу и прочитал из нее что-то.

— И что дальше?

— Накануне Вы направляете ему послание, обостряете вопрос о ситуации в стране, предлагаете использовать полностью наши возможности для обеспечения контроля над обществом на основе логики: чада церкви — рабы божьи — послушные граждане. Ну и постараемся, чтобы правительственные аналитики в ближайшее время были пессимистичны в своих оценках. Да и прессу надо зарядить на негатив. Кстати, это совсем нетрудно. После минувшего лета с его холодами и дождями селяне недополучили значительную часть урожая, особенно овощей. В провинции по-прежнему многие живут «с огорода», и зима для них по-

лучилась уж очень тяжелой. Каждый карбованец считают. А виновата, как всегда у нас, власть. И вот на этом фоне во время инаугурации, после того, как он увидит Библию, — Ваш выход. Вы же будете стоять рядом. Надо будет сказать и про промысел Божий, и про путь к спасению Родины, который указывает нам Господь. Символ нашего спасения. Хорошо звучит. Ну да кто лучше Вас это сможет сделать.

— Работаем, — подвел итог благостный. — За тобой — кампания в прессе и все техническое обеспечение. Отдельно продумай вопрос: как и почему он откроет книгу. Это должно быть естественно и промыслительно одновременно. Ну а за мной — Слово.

* * * * *

Следующие несколько дней бископ усиленно, но аккуратно искал подходы к конкретным исполнителям в гетманском протоколе и варте, ответственным за проведение церемонии инаугурации. Их практические наработки позднее, конечно, будут не раз рассматриваться на различных заседаниях, и в окончательном виде утверждаться главой канцелярии Верховного, но на практике первоначальные предложения обычно принимались без больших изменений. Слава Богу, церемония проводилась не в первый раз.

Раз пять просмотрев в записи предыдущую инаугурацию, бископ продолжал сомневаться. Случай с упавшей на пол Библией как бы подталкивал его к реализации именно этого сценария. Но, во-первых, ему не хотелось ронять Библию даже не из трепета перед этой книгой. Ронять символ — плохое начало, да и технически сложно. Если она как бы выскользнет из-под руки Верховного, он будет неловко выглядеть, а он этого не любит. Напротив, Верховный любил ненавязчиво предстать перед публикой в образе такого умело-ловкого старого вояки, который все превзошел и все умеет. А тут книгу не смог удержаться... Да и желающий поднять ее сразу столько найдется, что он и наклониться не успеет.

Нужно что-то другое.

Идею замены обложки тоже не годилась. Как-то несерьезно это бы выглядело, по-школярски. Серьезные люди

так не поступают. Да и мало кто поверит, что содержание книги изменилось чудесным образом. Начнут ломать голову кому это выгодно. Бископ про себя помянул недобрым словом авторов детективов, которые заполнили своим творчеством и телевидение, и книгопечатание страны. Оно, конечно, полезно, чтобы народ о чем не надо не думал, но уж больно подозрительные все стали, утратили присущие народу от природы простодушие и доверчивость.

Бископ думал об этом практически постоянно, в том числе и за рядовыми делами, текучкой. А по сложившейся традиции в его Административный департамент Патриархии попадали все казусы церковной жизни, от которых успешно избавлялись и секретариат благостного, и другие подразделения, где любили поговорить о духовности, но терпеть не могли заниматься досадной и, особенно, конфликтной мелочевкой.

Вот и сейчас бископ думал о главном и одновременно слушал спор двух благочинных соседних приходов, который, как ни странно, касался национального вопроса. Дело в том, что традиционно города даже на правом берегу Днепра, и в первую очередь Киев, были населены преимущественно русскими, а сельские районы вокруг них — украинцами. Поскольку единственным государственным языком в НКР был русский, то основные различия между этими двумя группами касались в основном бытового языка — на практике все прекрасно владели русским и использовали его в делах и официальных органах. Но быт — «домашний» язык, песенная культура, общение в неформальной обстановке — был именно той сферой, где украинский язык сохранял довольно сильные позиции. Кстати, и многие русские, особенно связанные семейными узами с украинцами, прекрасно владели этим языком и в повседневной жизни легко переходили на него. Количество взаимных заимствований между этими двумя языками зашкаливало, и даже лингвисты иногда не могли точно определить, какого языка, собственно, больше в речи того или иного субъекта, русского или украинского. И уж совсем забавным было то, что смена места жительства иногда имела и лингвистические последствия — переезд из села в город, например, мог при-

вести к тому, что русский язык в семье постепенно вытеснял украинский, и наоборот.

И вот в условиях этой языковой гармонии два соседних прихода — городской и сельский — умудрились поссориться из-за переманивания прихожан. Настоятель окраинного городского прихода Киева, обратив внимание на увеличение числа переехавших из сел в своем спальном районе, начал все больше использовать украинский язык в приходской работе, да и проповеди через одну на нем произносил. Как назло в соседнем сельском районе настоятельством священник, для которого украинский язык родным не был, он говорил все больше по-русски, ну и потянулись сельские прихожане в город к «риднему батюшке». Горожане в выходной по дачам разъезжаются, а им навстречу — ручеек жителей сел на службу в церковь, благо дороги вокруг Киева хорошие. Все это не замедлило сказаться на доходах сельского прихода, а такие вещи в церкви не прощают.

Вот и сидели сейчас два настоятеля перед бископом и морочили ему голову, отстаивая каждый свою правоту. Бископа, откровенно говоря, больше интересовали другие расклады. Оба прихода были если и не особо важные, но в целом «центровые», настоятели туда назначались не абы как, а по рекомендации... И так уж получилось, что оба настоятеля были из числа людей в церкви уважаемых и сильных. Вот и думай, с кем ссориться, а с кем — нет. Да и вообще национальная тема... Остро-то она, конечно, в НКР не стояла, но обижать украинцев лишний раз никто не хотел. Тем более, историю своей страны все хорошо знали, а в истории этой было как минимум два случая, когда на пост Верховного в силу неведомых причин попадал именно кандидат из «ширых». Нет, хозяевами они были сильными, как правило именно при них страна не столько воевала, сколько строила и торговала на благо всем, но внедрение вышиванок в жизнь страны и особенно ее элиты происходило болезненно. Все-таки имперские традиции забыты не были, а рушники у трона...

Бископ поймал себя на том, что слово рушник в речи «городского» настоятеля его чем-то зацепило.

— Извините, что там у вас с рушниками? — уточнил он.

— А это у нас такая традиция, мы после венчания дарим молодым рушник в виде национального флага для украшения дома. Очень способствует патриотическому воспитанию и национальные традиции поддерживаются, — пояснил тот.

«И расценки за венчание растут», — про себя подумал бископ, но вслух сказал совсем другое:

— Интересная картина получается, фактически этим опытом вы не только объединили селян и горожан, но и национальную границу преодолели. Это, друзья мои, уже высокая политика. А не попробовать ли нам на основе ваших двух приходо́в создать как бы пограничное благочиние?

От такого решения настоятели обалдели, и в глазах их застыл невысказанный вопрос, а главой-то нового благочиния кто из нас станет?

Бископ его прочитал, мысленно усмехнулся, и ответил по-своему:

— Дело новое, серьезное. Доложу благостному, на его решение.

Настоятелям осталось только согласиться.

Благословил на дорогу их бископ с самым теплым чувством. Свой кандидат у него, конечно, был. Идея пограничных благочиний сама по себе была крайне интересной. Ясно, что они войдут именно в городскую епархию, которой напрямую управлял благостный. А вот губернский митрополит иногда вел себя уж слишком независимо, и благостный точно не забудет, кто придумал подрезать ему крылья.

Но главное не это.

Рушник цветов флага! Надо сделать так, чтобы Конституция на инаугурации была накрыта именно таким рушником. Книги будет не видно, а в конце Верховный снимет рушник, откроет книгу и...

Теперь надо было «продать» эту идею гетманским протокольщикам с упором на символическое значение этого предмета: украинский рушник цветов триколора!

Последующие несколько дней бископ провел преимущественно в канцелярии Верховного гетмана. В результате он охрип, уже больше не мог смотреть на горилку и иные горячительные напитки, крепко потратился, раздал полдюжины обещаний о награждении церковными орденами, но добился своего. Трехцветный рушник стал частью инаугурационной церемонии. Он будет покрывать Конституцию, а во время выступления в конце церемонии Верховный, уже после принесения клятвы, откроет книгу и завершит свою речь эффектной цитатой из Конституции о благе народа как высшей цели деятельности власти в НКР. Все складывалось удачно.

Пока бископ мучался с рушником, благостный тоже не терял времени. В глубине души он был вовсе не уверен в правильности принятого плана, и оставлял себе возможность отменить его в самый последний момент, уже после того, как участникам церемонии торжественно явится Библия. Для себя он решил сначала увидеть выражение лица Верховного гетмана, заглянуть ему в глаза и душу, и тогда уже или ставить все на свое красноречие, или ограничиться констатацией явленного присутствующим чуда. Он твердо верил в свое умение глубоко прочувствовать сущность момента и общий настрой участников. Ранее, во всяком случае, интуиция его никогда не подводила.

Но благостный также хорошо помнил старое доброе правило: любой удачный экспромт должен быть хорошо подготовлен. Некоторые необходимые шаги были предприняты. В его личном сейфе давно лежали тексты поправок в Конституцию НКР, которые фактически делали православию государственной религией, а Патриархию — своего рода четвертой, духовной властью в стране. Поправки эти носили самый общий характер, за ними должна была последовать обширная реформа законодательства. К этой работе пока никто не приступал. Проект поправок был выполнен в качестве сугубо теоретической составляющей одной из работ на соискание ученой степени кандидата богословия в Киевской духовной академии. В свое время никто и внимания не обратил на эту диссертацию, а ее автор даже и не подозревал, в результате каких сложных интриг была сформулирована тема его работы. Впрочем, автор специ-

ально был выбран из числа усердных, но не особо быстрых умом. К работе над проектами поправок в отраслевое законодательство, которые потребовались бы после изменения Конституции, благостный после длительного размышления решил даже не приступать — вероятность утечки информации была слишком велика. Впрочем, он не сомневался, что в Государственной Думе выстроится очередь желающих участвовать в этой работе как только станет ясно, что Верховный гетман сделал в своей политике крен в сторону клерикализма.

Но оставалась еще проблема взаимоотношений с другими религиозными конфессиями, и особенно наиболее влиятельными — мусульманами и «одесситами». Собственно, их отрицательная реакция была вполне предсказуема, но благостный отнюдь не считал это препятствие непреодолимым. Исламское население НКР компактно проживало преимущественно на северо-востоке страны, на границе с УралСибом, и властям приходилось постоянно учитывать возможность как возникновения чисто сепаратистских тенденций, так и ухода этих районов к соседям. Чтобы не допустить этого власти НКР всячески поощряли переезд молодежи из мусульманских районов в традиционно славянские города страны на работу и учебу. А с мечетями там было не очень. Вот именно здесь-то благостный и видел возможность заручиться поддержкой мусульман: мол, придем во власть и вам поможем с городскими участками для строительства религиозных комплексов.

В целом задумка сработала. Встреча с верховным муфтием проходила остро. Пришлось даже несколько преувеличить, намекнув на прямую поддержку Верховным гетманом идеи православной государственности. Ну да ради такого дела небольшое лукавство Бог простит. Муфтий лояльность обещал, но торговался долго и упорно. В компенсационный список вошли и новые медресе, и реформа финансового законодательства, допускающая мусульманский банкинг, и многое другое. На заключительном этапе речь шла уже о конкретных финансовых суммах в рамках «благотворительного спонсорства» отдельных проектов муфтия. Но все же договорились.

Трезво оценивая свои способности, благостный понимал, что переговоры с муфтием для него — предел. Пытаться таким же образом договориться с «одесситами» было бесполезно. Эти его самого купят с потрохами или выставят такой список будущих предпочтений, который ему просто не поднять. К тому же он догадывался, что пытливая «одесская» мысль уйдет очень далеко от банальных земельных или финансовых вопросов, а вдаваться в дебри темы объявления Одессы «вольным городом» (свободной торговой зоной) он был явно не готов. Пугать этих ребят погромами было тоже неразумно. Испугаешь, а тут тебе самому и прилетит. Осталось надеяться, что в оставшиеся до церемонии дни информация до них дойти не успеет, а когда все случится, останется только развести руками, сославшись на неисповедимые пути Господа. Единственным преимуществом такого варианта было то, что обсуждение проблемы с «одесситами» будет проходить уже в ином формате — на своей стороне стола переговоров благостный видел при таком раскладе и Верховного гетмана.

Так и решил он пока пустить дело на самотек. В конце концов, в укреплении стабильности в стране «одесситы» были заинтересованы как никто другой. Поворчат, выторгуют себе что-нибудь и смирятся.

И это была первая ошибка благостного.

Исторически еврейское население НКР, которое он про себя называл «одесситами», можно было условно разделить на три большие группы. Первые две — местечковое и городское население западных губерний и жители больших городов — в общем-то, наверное, именно так бы и поступили. Планируемые государственные реформы всерьез не угрожали их интересам, а выдвинуть какую-либо собственную альтернативу этим диаспорам было просто нереально. Правильнее было бы обозначить свои интересы — национальные и религиозные, не допустить возникновения новой черты оседлости и, вообще, поменьше привлекать к себе внимания, если уж страну опять качнуло в православие.

Не совсем так, однако, думали в Одессе. Даже формально «идти под православный крест» там были в принципе не

готовы. С учетом абсолютного преобладания еврейского капитала во всех отраслях экономики «большой Одессы» (региона от Днестра до Николаева), национального состава населения, исторически присущих уроженцам Одессы внутреннего динамизма и творческой раскрепощенности это было совершенно неудивительно.

Не стоит даже говорить о том, что в определенных кругах жителей этого славного города уже давно с пристальным интересом наблюдали за происходящими в стране постепенными изменениями и особенно — в информационной сфере.

В конце концов, репортаж об открытии нового храма — это только репортаж от открытия храма, новость позитивная по определению. Но когда вся информация на госканалах, в той или иной степени касающаяся деятельности и жизни Церкви, приобретает исключительно позитивный характер — приходится задуматься. Аналогии с финансовыми пирамидами минувших десятилетий здесь совершенно неуместны, но принцип информационной работы тот же. Тем более, что с чувством меры у агитаторов традиционно было плоховато. Отсюда и рождались подлинные шедевры типа научно-популярного репортажа о нефизической природе благодатного огня. Кроме того, любили деятели церкви порассуждать с экрана о метафизике, таинственных полях, управляемых силой молитвы, а от их трактовки отдельных исторических событий профессиональным историкам становилось просто не по себе.

Но Одесса, как говорится, привыкла писать свою историю, поэтому исторические изыски со ссылками на регулярно переписывавшиеся монастырские летописи там пока оставляли без внимания, однако суета бископа вокруг предстоящей церемонии инаугурации не замеченной не осталась. Тут надо еще помнить, что у бископа в Одессе и родственники имелись. И немало. Нет, конечно, он никому ничего не рассказал, но явно возросшее ощущение собственной значимости, причастности к судьбоносным решениям сказались на его поведении, в том числе и в отношении родственников, и это не осталось незамеченным. Про домоправительницу тоже забывать не стоит.

«Шо-то будет», — сделали вывод в Одессе, и не остались к этому безучастны. Тщательно проанализировав все, что касалось Верховного гетмана, его слова, поступки, частоту встреч с различными лицами в последнее время, в Одессе все же решили, что он вновь обратится к излюбленной теме православного христианства как колыбели русской государственности, однако, проверив это предположение у спичрайтеров Верховного — неофициально, конечно! — подтверждений ему не обнаружили.

На всякий случай был проведен мониторинг в отношении частей внутренней охраны, территориальных органов варты, тех общественных организаций, которые могли бы инициировать беспорядки на национальной почве, но не всплыло ничего, что выходило бы за рамки обычной подготовки к такому крупному мероприятию, которым по определению является инаугурация.

Трезво оценивая личность благостного, в Одессе отнюдь не считали его способным на уж слишком серьезную интригу, переворот, попытку подчинить себе светскую власть. Не та фигура, чтобы возглавить революцию. Да и стар уже владыко. Что же, и одесситам свойственно ошибаться.

Одним словом, насторожились, но решили ждать развития событий.

Оно не заставило себя ждать.

Это была уже далеко не первая инаугурация Верховного гетмана. Каждая следующая была еще более торжественна, чем предыдущая. Задолго до предстоящей церемонии сотрудники протокола начинали тщательно изучать организацию аналогичных событий в других странах, причем все большее внимание в последнее время уделялось коронационным мероприятиям в сохранившихся монархиях.

И надо отдать этой службе должное — на этот раз они превзошли самих себя. Киевляне впоследствии уверяли, что кортеж Верховного проехал по всем центральным улицам города. Это было, конечно, преувеличение — Верховный проехал по круговому маршруту, притормозив на Крещати-

ке, но центр города был действительно полностью закрыт для автомобильного движения.

Еще в середине 20-го века на месте прежнего арсенала в Киеве был построен дворцовый комплекс в старопитерском стиле. К описываемому моменту он включал резиденцию Верховного, здания Государственной Думы и Государственного Совета (правительства). Именно в зале заседания Государственной Думы и должна была пройти церемония инаугурации.

Кортеж Верховного гетмана — бронированный мерседес в сопровождении конного эскадрона из его личного полка в исторических мундирах и кирасах кавалергардов времен Бородино въехал на Дворцовую площадь. Предстояла изюминка именно этой церемонии: по пути в зал Верховный возложил венок к новому монументу — Символу власти, которого некоторые остряки ехидно называли киевским столпом. Благостному очень хотелось бы встретить Верховного именно здесь и хотя бы слегка намекнуть на предстоящее, но протокол был неумолим: все участники церемонии должны были занять свои места за полчаса до ее начала и встречать Верховного на своих местах.

Фанфары возвестили о прибытии главного действующего лица, участники подобрались, «надели» по мере таланта максимально радостно-умиленные лица и обратили их ко входу.

Верховный не шел — он шествовал. В каждом его шаге звучала поступь Державы, он подошел к столу уральского мрамора, на котором лежала укрытая рушником Книга и церемония началась. Собственно, продолжалась она недолго. Спикер Государственной Думы огласил итоги голосования — победа была «чистой», но в рамках пристойного, патриарх благословил, Председатель Госсовета, которому слова не досталось, просто выразил всем своим видом максимальную лояльность.

Клятва на Конституции была совмещена с инаугурационной речью и должна была завершить церемонию. Последний пассаж речи как раз касался служения народу, благо ко-

того и было прописано в Конституции как высшая цель власти, и это Верховный уже должен был прочитать непосредственно из Конституции. Его убедили, что прочитанная с Конституцией в руках цитата будет выглядеть и звучать особенно красиво: мол, это — его настольная книга и он привык обращаться к ней чуть ли не ежедневно.

В тот момент, когда Верховный отложил в сторону рушник, взял в руки и открыл Книгу, благостный и бископ замерли. Они-то прекрасно знали, что Верховный в таких случаях обычно не задумываясь читал то, что ему было подготовлено, и не сомневались, что прозвучит сейчас: «От Господа дана вам держава и сила — от Вышнего, который исследует ваши дела и испытает намерения». Благостный как бы видел заранее, что, произнеся эту фразу и постепенно «въехав» в нее, Верховный повернется к нему за помощью и разъяснением и был готов, подхватив «падающее знамя», произнести несомненно лучшую и главную речь в своей жизни — о промысле Божьем и его роли в нашей жизни, о безграничной милости Господа к народу Новой Киевской Руси и его надежде и светочу — господину нашему Великому гетману. Ну, и про символ, конечно.

И он сразу даже не понял, что вместо строки из Библии Верховный прочитал следующее:

Пропала честь, уснула совесть
И ненависть сжимает грудь
В глазах друзей застыла зависть
На трон ведет Вас этот путь!
И Вам милей гордыня Ваша
И человечность не в чести
Ну, а душа — пустая чаша
Вас даже Богу не спасти!

— Что это?!! — рев разъяренного Верховного гетмана после нескольких мгновений тишины, в течение которых он осмысливал произнесенные им только что слова, участники

церемонии запомнили до конца жизни. А благостный еще раз возблагодарил Господа за данную ему прозорливость и всем своим видом изобразил такое недоумение, что никому даже и в голову не пришло заподозрить его в какой-либо причастности к этой истории. Дав страстям вокруг скандала на инаугурации несколько утихнуть, он сумел очень ловко развернуть комментарии случившегося — а утаить такое в условиях прямой телетрансляции было просто невозможно — в русло обличений «проклятых сектантов», которые сумели пробраться даже в святые-святых Киевской государственности. Что же касается авторства этих двух четверостиший, то его установили уже к вечеру того же дня. Это было нетрудно — брошюры со стихами Дьяконова еще попадались на книжных развалах.

Последовало несколько громких отставок, оппозиционная пресса по традиции выдвинула ряд не имеющих ничего общего с действительностью версий. А в общем, никто ничего и не понял. И не такие казусы в жизни случаются. Пошли обычные после выборов перестановки в Госсовете, цены почему-то опять выросли, а на подходе лето и отпуска. Жизнь продолжалась. И у некоторых очень неплохо.

Бископ в последующие дни старался не попадаться благостному на глаза. Случившееся поставило его в полный тупик. Он подозревал буквально всех — от соперников в Патриархии до тайных последователей Дьякова, которые сумели пробраться в канцелярию Верховного, и таким образом пытались отомстить ему за прошлое. Однако даже в его искушенный в самых хитрых интригах ум не могло прийти самое простое объяснение происшедшего. Дело в том, что вартовые, как и положено, своевременно узнали о всей этой затее. Банный комплекс, как и другие помещения благостного, были оборудованы соответствующими устройствами, и все, что там происходило, своевременно записывалось и прослушивалось. Разговорам благостного с бископом был придан гриф особой важности. Вопрос был глубоко проанализирован, рассмотрены различные варианты развития событий. Сложившийся к тому времени баланс сил во власти НКР вартовых вполне устраивал, и резкое усиление церкви им было совершенно ни

к чему. Кто знает, почему именно стихи Дьяконова были выбраны для того, чтобы разрушить хитрый план благостного и бископа. Может быть это случайность, а может бископу таким образом напомнили о старом долге. Время покажет.

А за бископа не беспокойтесь. Неудачи бывают у всех, но такие люди всегда нужны.

(В рассказе использованы стихи Н.А. Розановой, написанные ею после 20 месяцев пребывания в СИЗО.)

Рассказ восьмой

СИНИЦА В РУКАХ

Справившись с шоком после своей инаугурации, отпраздновав положенное и приняв все мыслимые поздравления, Верховный гетман вынужден был погрузиться в дела намного более скучные, в политическом плане пока невыигрышные, но от того не менее важные. Вслед за Европой на пространстве бывшей Российской империи развивались процессы экономической интеграции.

Собственно, в Европе дело зашло уже достаточно далеко. С целью устранения таможенных пошлин и свободного перемещения капитала там была сформирована «Новая Ганза» — торговый союз ряда северогерманских государств, Чехии, Дании и Швеции. Дальше за горизонт пока никто не заглядывал.

Внутреннее политическое устройство даже у тех же немцев от страны к стране различалось довольно существенно. Прусские монархические традиции говорили сами за себя. В более развитых экономически западных землях от прежних княжеств остались одни названия. Был еще и внешний сдерживающий фактор. Расчлененная Германия считалась важнейшим условием сохранения общеевропейского мира. Повторения Великой войны никто не хотел, хотя мелкие конфликты на юге и востоке Европы считались вполне допустимыми.

Что же касается перемещения людей, то с этим было просто. Не только германские государства, но и большая часть Европы в целом давно отказалась от визового режима. Вернее он был, но сохранялся только для жителей стран, не входящих в «зеленую зону» — именно так после последней внутриевропейской войны в 50-х годах XX века было назва-

но единое визовое пространство. Договор о нем готовили долго и тщательно. В результате паспортный контроль на границах остался, как говорится, по желанию, и единственно чем обычно интересовалась погранстража при пересечении путешественником границы, это наличием у него достаточных денежных средств для пребывания в стране в течении пары недель. Ну и не надо было выглядеть уж совсем шпионом или инсургентом. А так — добро пожаловать. Туризм — дело хорошее, а чем богаче турист — тем лучшее.

Собственно, с туризма и началась экономическая интеграция, обилие западноевропейских валют — одних марок было до десяти разновидностей — привело к тому, что европейские банкиры выступили с инициативой введения унифицированного средства платежа, своего рода единой европейской валюты, но с ограниченной сферой применения. По своим функциям новая валюта должна была заменить дорожные чеки — быть компактнее, удобнее в употреблении и даже иметь монеты небольшого достоинства. Труднее всего было с названием. Ни одно из национальных не подходило по определению. Новое потому и изобретали, чтобы не отдавать предпочтение ни одной из стран. И тогда кому-то пришло в голову нейтральное название — еуро. Так и порешили. Курс по отношению к национальным валютам посчитали именно исходя из интересов путешественников. Все же людям удобно платить в магазине, ресторане и билетной кассе в масштабе от 10 до 100. Все эти шутки с сотнями тысяч эскудо и миллионами лир для большинства европейцев вещь абсолютно непривычная. В пивной как-то удобнее расплачиваться парой монет, а не банкнотой с кучей нулей. По определенной квоте выпуск еуро был возложен на национальные банки. Общее условие: на монетах на аверсе — профиль европейского континента, а реверс — на усмотрение нацбанка. Так что и сувенир от посещения дальних и не очень стран получился. Купюры оформлялись примерно по тому же принципу, только картинок побольше помещалось.

Сначала новая валюта и особенно ее монеты были в диковинку, масса монет пропала из обращения превратившись в сувениры, которыми путешественники вернувшись домой

одаривали своих друзей и родственников, но постепенно дело наладилось. Напомним, в мире Новой Киевской Руси все вообще происходило намного медленнее и степенней, чем в нашем сумасшедшем мире.

Особенно понравились и пригодились еуро в германских государствах. Конечно, личные накопления по-прежнему делались в марках, большинство бюргеров только ими и пользовались. Но вот сезонные рабочие, приезжавшие, например, в Восточную Пруссию на уборку урожая, или квалифицированные промышленные рабочие, которые достаточно легко меняли заводы Рура на верфи Гамбурга или даже на чешские предприятия, все удобства еуро оценили сразу. Более того, со многими из них и трудовые контракты часто сразу заключались по схеме часть в еуро и часть в местной валюте.

Лет десять к еуро привыкали, а потом вдруг оказалось, что и торговля между странами все больше переходит на новую валюту. Но и в этих условиях никому пока даже и в голову не приходило, что со временем еуро придет на смену маркам всех видов, франкам, кронам и лирам.

Так что одну важную составляющую торговый союз имел изначально, ну а интерес в зоне свободной торговли был налицо. Собственно, она де-факто начала создаваться заранее. Интересы экономики требовали оптимизировать производство именно конечного продукта, поэтому в тех случаях, когда его компоненты или отдельные виды сырья производились в отдельных германских государствах, договоренности об обнулении таможенных пошлин достигались довольно быстро. Интересно, что обычно дотошные в мелочах немцы в таких случаях были готовы идти на односторонние уступки, прекрасно понимая, что завтра ситуация может измениться на зеркальную. Общий баланс был к взаимной выгоде, и это понимали все.

Так что вопросы регулирования торговых отношений с соседями отошли в компетенцию «Новой Ганзы». Соседи почувствовали разницу практически сразу.

Для основных постимперских государств (Балтийская

конфедерация, НКР, УралСиб) эта тема была особенно важна, хотя и в силу разных обстоятельств.

Балтийская конфедерация (около 20 млн населения, русских 1/3) была крупнейшим импортером германской промышленной продукции, поставщиком ряда сырьевых товаров и основным транзитером всего экспорта УралСива и значительной — НКР — в Западную Европу. Весьма существенным фактором была и весомая доля в составе населения балтийских немцев, их ключевые позиции в экономике и управлении юго-балтийских областей. Нынешним Канцлером (главой исполнительной власти) конфедерации был именно остзейский немец, пользовавшийся колоссальным авторитетом в своей стране и у соседей. Спокойный, основательный и настойчивый он умел добиться своего, а собственные интересы не отделял от нужд края, где его семья жила уже более пяти веков. Так что он довольно смело пошел на разговор о торговых отношениях с ганзейцами, понимая, что никому даже в голову не придет упрекнуть его в национальных предпочтениях. Не тот случай. А поговорить было о чем. Если Польша как возможный участник новых ганзейцев вообще не интересовала, то Балтийская конфедерация выглядела довольно привлекательно. При сравнительно небольшой численности населения кое-какие природные ресурсы все же присутствовали, а транзитное положение и выход в северные моря через Николаев-на-Мурмане дорогого стоили.

С УралСибом (60 млн населения) было и проще, и сложнее. Сырья в Европу сибиряки продавали ни в пример больше, и товаров из «Ганзейского союза» закупали достаточно, но к их услугам был не только западный, но и восточный рынок. Китай брал изрядно промышленной продукции, причем именно русской — она была и подешевле, и попроще в эксплуатации. Ну а то, что не так надежна, так народу крутить гайки там достаточно, починят. Япония к числу особо богатых стран не принадлежала, но сырье брала исправно.

Новая Киевская Русь (почти 100 млн человек) была в значительной степени самодостаточна, но «Ганза» относилась

к числу основных внешнеторговых партнеров. Дело усугублялось еще и тем, что в стране проживало до 5 млн немцев — потомки переселенцев в годы большой депрессии, и это работало как своеобразный экономический фактор.

Наблюдение за переговорами соседа с третьей стороной, переговорами, которые могут сказаться и на твоем благополучии — вещь увлекательная. Все три разведки НКР — политическая (внешняя вартовая), военная и личная Верховного гетмана — вступили в соревнование между собой, претендуя на обладание наиболее достоверными сведениями и лучший анализ ситуации. Свою лепту в этот процесс вносил и МИД. Там по традиции с оценками были поосторожнее, но уже начинали что-то предлагать, чтобы купировать возможные негативные последствия договоренностей соседей с новыми ганзейцами.

Хотя и не так, как УралСибу, но прибалтийский коридор был жизненно важен и для НКР.

Здесь надо сказать, что в результате переноса столицы в Киев роль Москвы как ключевого железнодорожного узла в Европейской части России дальнейшего развития в середине XX века не получила. Напротив, строительство и железных дорог, и автострад шло более равномерно, соединяя между собой крупные города, промышленные и добывающие центры и порты. Питер, Рига, Вильно и Минск в этом плане стали важными логистическими центрами, на них были завязаны основные перевозки. Конечно, железнодорожный коридор через Минск — дело хорошее, но с поляками у НКР в истории складывалось по-разному, и всецело зависеть от него не стоило. Так что козырная карта у Балтийской конфедерации была.

Очень скоро выяснилось, что с не меньшим интересом за ходом переговоров следят и в Омске. Причем уровень экспертных знаний там оказался намного глубже, чем в Киеве. Как оказалось, крупные добывающие компании предоставили в распоряжение государственных органов, призванных интересоваться делами за границей, свои экспертные оценки северогерманских интеграционных процессов. Такая работа велась уже давно именно потому, что страны «Новой

Ганзы» традиционно относились к числу их крупнейших торговых партнеров и можно было ожидать, что консолидация рынка существенно скажется и на условиях доступа сибириков на этот объединенный рынок, и на ценах. А это уже были деньги, так что оснований для озабоченностей было более чем достаточно.

Выводы корпоративных аналитиков были однозначны. Необходим симметричный ответ. Партнеры консолидируют условия спроса на своем рынке, в ответ мы должны сделать то же самое в отношении предложения.

Особо были выделены две отрасли: топливно-энергетическая и металлургия. В обоих случаях требовалась координация усилий с поставщиками из НКР.

Именно поэтому в один прекрасный день генерал из внешней варты — друг бископа — получил по глубоко засекреченному каналу из Омска просьбу от коллеги о срочной встрече, которая должна была происходить в абсолютно закрытом формате. Поскольку оба участника как ни прячься от публики были достаточно известными в обществе фигурами, в качестве места встречи предлагался один из курортов Кавказских минеральных вод. При такой профессии обоим было, что лечить.

— В шпионов решили поиграть! — с раздражением буркнул генерал. Звучало это забавно, поскольку шпионами он сам и командовал. Вартовый доложил начальству, запустил среди коллег легенду о необходимости срочно поправить здоровье и ночным поездом отбыл в Кисловодск.

Его столь срочный отъезд на лечение мало кого из коллег убедил, тем более, что они регулярно получали отчеты о бравых офицерских — извините, генеральских — посиделках с его участием с точной дозой выпитого, да и наличие помимо жены молодой любовницы и не такой молодой, но вполне соответствующей духу времени секретарши для них секретом не являлось.

Так что хвост к нему свои же и приставили, руководствуясь добрым старым принципом: всех шпионов все равно не выловишь, а вот что затевают коллеги знать надо всегда. На том и стояли.

Выпив как положено в здании вокзала пару стаканов противной и горькой воды с пузырьками и отдав должное красотам местной природы, вартовый генерал отправился на скромный ужин в на удивление пустынный в этот день ресторан на окраине города, где и состоялась его встреча с коллегой. Разговор оказался настолько интересным, что лечение пришлось срочно свернуть и с ближайшей оказией возвращаться в Киев.

Через пару дней после предварительного знакомства с докладом генерала его вызвал Верховный гетман.

Речь шла ни много ни мало о том, чтобы провести закрытую встречу с премьером УралСибя о совместных шагах в ответ на продвижение «Новой Ганзы» на восток.

Самый предварительный анализ ситуации показывал, что ни о каком государственном объединении речи идти не может — в УралСибя ценили свою независимость и несколько высокомерно поглядывают на «старую Русь» — но синхронизация позиций на предстоящих торговых переговорах с «НГ» необходима, тем более, что основные товары экспорта у обеих стран совпадают, и надо избежать конкуренции.

Принципиально важно было сохранить переговоры в тайне. Вартовый генерал предложил воспользоваться «церковной крышей» и организовать совместное паломничество двух государственных лидеров в один из признанных православных духовных центров.

— Звон колоколов заглушит все иные разговоры! — бодро доложил он, а про себя подумал, что и благостный, и его друг бископ, которого он тоже собирался привлечь к этому делу, уж точно сумеют все сохранить в тайне.

Верховный идею одобрил и вартовый вместе с бископом — уже в который раз! — взялись за реализацию совместного проекта.

Через пару недель стены древней соловецкой обители стали свидетелями исторической встречи. Поскольку поездка на богомолье явно относилась к категории личной жизни официальных сообщений о визите двух лидеров на

Соловки сделано не было. Паломников под благовидным предложением попросили удалиться, ну а монахи службу знали. Так что отстояв литургию в очень узком кругу своих помощников и охраны и выслушав напутствие благостного, Верховный гетман и премьер-министр Уралсиба смогли, наконец, поговорить о деле. И чем дальше шел этот разговор, тем больше оба понимали, что встретились они очень вовремя. На каком-то этапе оказалось, что списки потенциальных проблем, подготовленных деловыми кругами в каждой из стран, фактически совпадают. Различия были лишь в мелких деталях.

— А почему бы нам в таком случае самим не создать нечто подобное? — первым задал вопрос сибиряк. В условиях парламентской республики ему было проще. Последнее слово в случае чего оставалось за парламентом, а у самого премьера и близко не было той единоличной власти, которой располагал Верховный. УралСиб «во глубине сибирских руд» жил, все же, намного спокойнее и вольнее, чем Новая Киевская Русь. Там были налицо парламентская республика, лучший предпринимательский климат, больше политических свобод. С соседями у сибиряков всегда все было ровно, фактор внешней угрозы отсутствовал, а соотношение численности населения к природным ресурсам было намного более выгодное, чем в НКР.

— Нечто подобное... Торговый союз? Русский торговый союз? И как далеко мы готовы зайти? А как остальные? Дальневосточники, балтийцы, Закавказье? — Верховный задавал очевидные вопросы, а в голове крутилось совсем другое. У любого союза должен быть лидер, а других кандидатов, кроме него, в округе не наблюдалось. Перед глазами вдруг возникло видение шапки Мономаха, которую он однажды в шутку примерил при посещении Оружейной палаты.

Премьер УралСиба, неплохо знавший историю, усмехнулся:

— Ленина помнишь? Так вот, он говорил: ввяжемся в драку, а потом разберемся. Давай выпустим джина из бутылки. Не хочу я больше на эти Соловки ездить, да и благостный ваш надоел. Не деловой какой-то, все просит чего-то. Под-

ключай союзы промышленников, пусть соберут и у вас, и у нас серию конференций по экономической интеграции, прессу настроят. А потом — в ответ на пожелания деловых кругов — правительственные переговоры начнем. Как полагается, с министрами, экспертами, рабочими группами. Пусть все обсчитают и доложат. Запустим процесс, одним словом. А что касается остальных... Главные — мы. Получится у нас — и другие подтянутся.

Авторитет Ленина Верховного не вдохновил, но все остальное звучало вполне логично, и он дал отмашку своей канцелярии.

Вечером за совместным ужином «на троих» он вновь убедился в правильности предложенного сибиряком. Мало того, что ужин оказался постным и не слишком обильным, так еще и благодатный, пользуясь случаем, решил развести обоих лидеров. И ладно бы еще на ремонт монастыря денег просил — историческая реликвия все же, так ему, понимаешь, еще нужны средства на развитие производств при монастыре и налоговые каникулы для них на 10 лет! И ведь не откажешь в ответ на гостеприимство! Переглянувшись, гости пообещали: премьер УралСибя найти инвестора на строительство гостиницы — аж пять звезд хотят! — для паломников, а Верховный — дать команду финансовому гетману в отношении каникул.

— Ну, а в отношении других проектов, покажете нам в следующий раз, отчет! — подытожил премьер, твердо надеясь, что следующего раза не будет.

Дискуссия о возможном торговом союзе с сибиряками началась и проходила живо. Не так уж часто в общественной жизни НКР обсуждались настолько серьезные вопросы. И, как это обычно бывает, мнения звучали самые разные. Крайние правые «государственники-монархисты» настаивали на полном подчинении «сибиряков», фактически на возврате дореволюционной формы устройства государства. Идея монархии витала в воздухе.

Старые добрые византийские традиции были достаточно живы в НКР, чтобы за начавшейся дискуссией увидеть

невывказанные желания и чаяния высшего руководства страны. Ну, так значит их надо высказать самым преданным гражданам, а руководство позднее это оценит по достоинству. И высказывали. И так активно, что Верховный гетман даже испугался, что эти ретивые идиоты сорвут ему не только невысказанные, но лелеемые где-то глубоко тайные желания, но даже и начавшийся диалог с Омском. Пришлось приструнить. Получилось, правда, еще хуже, потому что «государственники» обиделись и развернули пропаганду против союза с Сибирью, преподнося его чуть ли не как измену родине.

Всерьез эту болтовню мало кто воспринимал. Для широкой публики было очевидно, что основные промышленные группы, включая и владельцев крупных аграрных производств, выступают за создание «Русского торгового союза» — сначала на базе НКР и УралСиб, а там — кто знает... И здесь уже вступали в игру экономические аргументы. Сохранение производств, рабочих мест, доступа на рынки — все это были вещи понятные, причем не как-то абстрактно, а через карман каждого.

С этой стороны на власть тоже шло давление, но направлено оно было на скорейшее создание Союза и постепенное внедрение в НКР более либеральных условий ведения предпринимательства по аналогии с УралСибом. И здесь власти тоже надо было думать и думать.

А пока действительно были начаты переговоры, попеременно в Киеве и Омске заседали министерские группы, эксперты. Активно подключились к работе союзы промышленников. Тема экономической интеграции стала крайне популярной среди политологов и различных экспертов, в научных кругах она стала уверенно доминировать среди тем диссертационных работ.

Было бы наивно полагать, что все это пройдет незамеченным для Балтийской конфедерации. Канцлеру пришлось глубоко задуматься. «Новая Ганза» — штука хорошая, чистая Европа, одним словом, но вот какая роль уготована там его стране? По любому получалось, что решать будут другие. Большинство жителей конфедерации это вполне устраива-

ло, и они были готовы удовлетвориться такими проявлениями суверенитета как свой флаг и формально независимое правительство, но предки Канцлера служили Державе, причем не на малых должностях. В своей официальной резиденции их портретов он не держал, но со стен его личного особняка смотрели люди в мундирах тайных советников и армейских генералов Российской Империи.

Наблюдая за играми Киева и Омска — а информацию он оттуда имел полную и самую свежую — Канцлер невольно задумывался о треугольнике как намного более устойчивой конструкции. Суммарный потенциал «тройки» был таков, что от мыслей о возможных перспективах просто зашкаливало. И, главное, трезво оценивая свои возможности, Канцлер не видел себе достойных конкурентов среди лидеров постимперских стран. И Верховный гетман, и премьер УралСибя что говорится сидели в своих креслах, но задать вектор развития и повести за собой страну — это было уже не про них.

И Канцлер сделал свой ход. Вся эта мишура со спецслужбами, архиереями и экспертами-политологами ему не нравилась. Он всю жизнь исходил из того, что каждый должен заниматься своим делом: спецслужбы — ловить шпионов или шпионить сами, архиереи — служить в храмах, если это кому-то нужно, а ученый люд — подводить убедительную базу под принятые хозяевами жизни решения. Так что его зондаж шел по линии союзов промышленников.

Этим ребятам не понадобилось уезжать на Соловки. Интенсивные консультации между Питером, Киевом и Омском продолжались всего лишь несколько недель. Общий вывод был единодушен: дело стоящее, выгодное! И речь шла не только о том, чтобы защитить свои интересы в условиях германской экспансии. Формальное сложение экономических потенциалов позволяло выйти на новый виток промышленного роста. Вопрос о лидере нового союза обсуждался в самом узком кругу. Достоинства кандидатуры Канцлера признавали все, но они же и пугали — уж слишком силен был мужик, как бы под себя ломать всех не стал со временем. Так что в этом отношении окончательного решения пока принято не было.

Но, как известно, жизнь не стоит на месте. И вот, пока в самых закрытых кабинетах государственной и промышленно-финансовой власти обсуждались все эти интересные проекты, у Верховного гетмана образовалась совсем иная головная боль.

Речь шла об Астраханской губернии. Дело было в следующем. Граница между НКР и УралСибом проходила, в целом, достаточно логично. В свое время к УралСибу отошли такие региональные центры как Тобольск, Пермь, Уфа, Оренбург и Уральск со своими губерниями. Соответственно приграничными губерниями НКР были Архангельская, Вологодская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская и Войско Донское. Нелогичной оказалась только судьба Астраханской губернии, которая отошла к УралСибу. Причиной тому стали события гражданской войны. В 1918 году Царицын, находившийся практически на границе этой губернии, стал одним из немногих городов России, где достаточно долго держались большевики. Выбивали их оттуда преимущественно донские казаки, которых после этого и в Царицыне, и в соседних уездах, мягко скажем, не слишком жаловали. Отметились казаки и в Астрахани. Во избежание излишних конфликтов при разделе сфер влияния Киев и Омск договорились о том, что губерния отойдет к УралСибу, тем более, что в продолжительность этого государственного размежевания тогда никто не верил. Так и получилась, что практически вся Волга, кроме устья, оказалась в НКР, а самый низ реки — в УралСибе.

Не так, чтобы это создавало излишние неудобства, но они присутствовали. Астрахань, где происходила перевалка с речных на морские суда, снимала в значительной степени сливки с восточной торговли НКР через Каспий.

В плане человеческих отношений граница между двумя государствами на большом своем протяжении мало что значила. Граждане обеих стран могли свободно посещать друг друга и даже работать и учиться у соседей.

Но если где-то и возникали проблемы, то это происходило именно в Астраханской губернии. К описываемому периоду процессы самоидентификации русских губерний

давно закончились за одним исключением — и это касалось Астрахани. Жители ее все же ощущали себя волгарями, а не сибиряками. Многочисленные речники предпочитали учиться профессии в Нижнем и Казани, а не Красноярске. Другая река, другой климат, другие обычаи. Да и торговля шла в основном вверх по Волге. В принципе, это все никому не мешало, но на общем состоянии умов сказывалось. В последнее десятилетие к этому добавилось и недовольство астраханцев т.н. казачьим фактором.

Сам феномен казачества в этот период был скорее уже историческим парадоксом. Хотя на некоторых традиционно «казачьих» окраинах национальные конфликты иногда еще и искрили, но пограничная стража справлялась с ситуацией самостоятельно. Исключение составляло только, пожалуй, Уральское казачье войско, фактически самостоятельно державшее границу УралСибя с туркменами. Астрахань, таким образом, становилась ближним тылом южно-уральских казаков. Население губернии — крестьяне, рыбаки, речники и аграрии — было от этого совсем не в восторге и предпочло бы отгородиться и от воинственных и не всегда покладистых казаков, и от их противников — кочевых туркмен и казахов. Собственно, пограничные стычки астраханцам не угрожали, но вот то, что казаки выбрали их город в качестве места проведения отпуска несколько напрягало. Процесс сброса напряжения не всегда удавалось сохранить в цивилизованных рамках. Военный синдром сказывался. Так что не один астраханец уже подумал про себя: «Да шли бы вы в... степь со своими казаками и кочевниками! Отгородиться бы от вас!». И совершенно не возникало похожих настроений в отношении соседей-волгарей из Саратова и Самары.

Но все это было на уровне мыслей про себя и кухонных разговоров с соседом до тех пор, пока в Астрахани не был назначен новый губернатор. В отступление от обычной практики призвания «варягов» он был из своих и происходил из семьи крупных рыбопромышленников. А рыбная отрасль в наше время — это не только вылов рыбы и переработка улова, но и рыборазведение. И в этом плане на Волге уже давно действовали как общие для всей реки законы и правила, так и единый союз рыбопроизводителей. В этом

добром деле государственных границ вообще не существовало. Да и сбывалась астраханская рыбка преимущественно через торговые сети НКР.

Выйдя в губернаторы, вчерашний купец-рыбопромышленник продолжил мыслить категориями конкретными и очень скоро оценил подавляющую привязку своей губернии к НКР. Может бы этим дело и кончилось, если бы не его жена — кузина хорошо известного нам бископа. И особенно губернатора в астраханском кремле, и загородная резиденция в одном из красивейших мест в дельте Волги просто требовали демонстрации их близким родственникам из Одессы и Киева, которые до сих пор свысока поглядывали на жительницу провинциальной Астрахани, да еще и перешедшую в рыбное сословие.

Повод нашелся быстро. То ли юбилей свадьбы, то ли поминки общей двоюродной бабушки, но приглашения родственникам были направлены уже в конвертах губернской канцелярии. Совсем другой вид.

Праздник удался на славу. Сентябрь в Астрахани — чудесное время. Уже не жарко, но солнца достаточно, а в дельте небо закрывают стаи лебедей и розовых фламинго. Да и черная икра с рыбкой под водочку не последнее дело.

К вечеру, когда гости уже разошлись — кто отдохнуть, а кто — продолжить начатое в более узкой компании, на балконе загородной резиденции в покойных креслах продолжали любопытный разговор губер и бископ.

— Что-то здесь неправильно, — губер немного размяк. Высокомерие родственников жены его всегда немного напрягало, и сегодня он впервые почувствовал в их словах и взглядах оттенок если и не уважения, то зависти. А это всегда приятно. — Где ты здесь видишь Сибирь? Да и до Уральских гор от нас...

— А что делать? — в частных разговорах бископ предпочитал тон вполне светский, — до сих пор не решаюсь произнести слово «Россия». Вон как нас стукнуло 100 лет назад. Хотя знаешь, у нас сейчас с вашими такие разговоры пошли, что еще неясно, как повернется.

— Да называйте вы себя там как хотите, — в сердцах и совсем недипломатично брякнул бывший рыбопромышленник. — Волга — она и есть Волга, великая русская река, а мы на ней стоим и стоять будем вместе с вашими волгарами. А лучше бы — уж совсем вместе!

В другой ситуации бископ может быть и молвил бы что-нибудь промыслительное насчет Божьей воли, но уж хорошо балычок лег под коньячок. Мысли витали где-то высоко, парили можно сказать, в отрыве от реальности и повседневной действительности.

— И как ты себе это представляешь?

— Сделать все можно, было бы желание, — рыбопромышленник, напротив, мыслил конкретно, — глаза боятся, руки делают. — К тому же он неплохо знал, что его родственник-собеседник в Киеве вхож в самые высокие кабинеты. То, что он говорил сейчас, попахивало государственной изменой, но главным в его натуре все же была хватка делового и расчетливого бизнесмена, а то, что он видел вокруг себя, было уже давно неправильно.

«Это мы вообще о чем?» — подумал про себя бископ, но разговор был слишком серьезным, чтобы просто свести его к шутке.

— И ты готов сделать? — вместо этого спросил он, страстно желая и боясь услышать положительный ответ.

— Не был бы готов — не начал бы этого разговора. И не я один так думаю. Только первого слова не хватает, а будет оно — вся губерния встанет, — совершенно трезво глядя в глаза бископу ответил губернатор.

— Спаси нас грешных, Господи, — невольно вырвалось у бископа. Он только сейчас понял, что вновь влетел в историю.

Отгуляв свое в Астрахани, по возвращении в Киев он совсем собрался идти с этим делом к благодному, но не успел. Знакомый генерал из внутренней варты (в отличие от варты внешней она пеклась о спокойствии внутри государства, вылезая при этом иногда за его границы, но так,

неподалеку) попросил его о встрече и продемонстрировал прекрасное знание астраханской проблемы. Более того, выяснилось, что изоляционистские настроения в Астрахани не просто давно известны в Киеве, но и слегка подогреваются, так, на всякий случай.

Дело не слишком затратное: бросить журналисту копеечку, пригласить кого из активистов на слет любителей отечественной истории, литературку подбросить или исследование с правильными выводами кому заказать. А в нужный момент и верховному доложить можно: не сидим без дела, отстаиваем свои интересы и в ближнем зарубежье. В дальнейшем все же не совались — коллеги из внешней варты могли обидеться, подсидеть и подставить.

В отношении Астрахани «внутрики» считали ситуацию вполне созревшей, плод был готов упасть в широкие объятия Киева. Но риск все же оставался, и поэтому было бы предпочтительнее, чтобы инициатором этого доброго начинания выступил кто-то другой, достаточно авторитетный. Ну а внутренняя варта потом героически выполнит волю правителя. Благостный как глава церковь как никто другой подходил на роль такого инициатора.

У бископа от этого разговора создалось впечатление, что его не просто угощают, но сразу же и танцуют, однако выхода не было. Собеседник припомнил ему — конечно без всякого нажима — столько разных шалостей и тщательно спрятанных провалов, что оставалось только согласиться.

Обсуждение астраханской темы с благостным бископом хитро-мудро предварил небольшим «сувениром из поездки». Корзина с черной икрой, рыбкой и балыками была заранее доставлена от его имени в резиденцию благостного, и, как стало известно вскоре бископу, принята вполне благосклонно. Хотя до Рождественского поста было еще далеко, рыбка пришла к столу.

Выслушав бископа, благостный задумался. С чисто церковной точки зрения вся эта история с астраханским заговором была ему абсолютно безразлична. УралСиб и так считался канонической территорией Киевского патриарха-

та, а Астраханская епархия в религиозном плане мало чем отличалась от соседних на западе. Но в этом и была особая привлекательность идеи. Выступив за расширение державы без всякого личного интереса для себя лично и возглавляемой им церкви, он тем самым демонстрировал чисто государственный подход, заботу об интересах верховной власти. А почему бы и нет? Идею можно вбросить, а уж заниматься ее реализацией, а значит и отвечать за нее, будут совсем другие люди. С них потом и спросят, если что не так выйдет. Игра представлялась беспроеигрышной. С другой стороны, этот бископ уже столько раз втравливал его в такое... А сыграем-ка его втемную.

— Сомневаюсь. Уж совсем не наше дело. Больно мирское. — недовольно ответил он бископу после долгого и промыслительного раздумья, решив про себя, что при первом удачном случае преподнесет эту мыслишку Верховному гетману, но так, чтобы об этом никто не узнал.

Случай представился скоро. Благостный был крайне осторожен, ссылался на сведения из местной епархии об умонастроениях верующих, и это сработало. Верховный увидел во всем этом возможность слегка поддавить на восточного соседа, как бы получить дополнительную карту на переговорах об экономическом союзе. «Внутряки» получили свою команду, а с ней и кое-какие дополнительные средства, и дело завертелось.

В результате в канцелярии Верховного как бы параллельно существовали и развивались два проекта: интеграционный, который в основном продвигали промышленники, и экспансионный, рожденный к жизни внутренней вартой. Верховный пока выбирал, а его ближайшие сподвижники — из тех кто поумнее — были просто в ужасе, понимая, что добром это не кончится. Все, однако, пока полагали, что у них есть какое-то время для принятия решения. И ошибались.

Торговое сословие — народ серьезный. Астраханский губернатор не слишком верил, что на посланный с его церковным родственничком сигнал Киеву последует какой-нибудь ответ. Тем серьезнее он отнесся к делу такой ответ получив. Да и люди пришли солидные, не балаболы. Уж в их-то

полномочиях сомневаться не приходилось. Договорились о начале практических действий. Время было подходящее. Вторая половина осени, урожай убран, народ посвободнее стал, почему бы не сходить на митинги. Все развлечение в череде серых будней и тяжелого повседневного труда. Тем более, нашлись средства слегка подогреть публику, как материально, так и духовно. Артисты там, политики скоморошистого профиля. Желаящих развлекать публику за копейку немалую нашлось с избытком, даже конкуренция возникла. Парадоксальным образом наибольшей популярностью пользовались два непохожих коллектива: хор бабушек с репертуаром жалостливо-тягучим и молодежный женский ансамбль с упором на быстрые танцы и задорные песни. Народ так и обсуждал: вы куда сегодня, на бабушек или внучек? Предпочтения мужской части населения были очевидны.

Идеологи «астраханской осени» с самого начала решили, что переворот должен быть легким, веселым, без крови и жертв. Исполвдоль в оборот был вброшен тезис: «Волга — русская река!». Под сомнение это раньше никто и не ставил, поскольку УралСиб от русскости никогда не отрекался, но сейчас как-то так получалось, что русская — значит НКРовская.

Законы жанра внутренякам были хорошо известны. Они прекрасно понимали, что после пары карнавальных недель должны последовать практические действия, иначе все впустую.

К Верховному решили больше не обращаться. Общая команда работать есть, надо обеспечить результат. Останется только наградить тех, кто его достиг. Сказалась и традиционная ревность к внешникам, которые занимались каким-то там торговым союзом.

И понеслось.

Мирные митинги с концертами в Астрахани вдруг превратились в массовую демонстрацию с политическим лозунгом про русскую Волгу и требованием срочно присоединить губернию к НКР. На беду оказавшиеся в городе на отдыхе уральские казаки попробовали высказать свое мнение, слово за слово... ну, и как обычно. Казаков из города, конечно,

вынесли на кулаках, они свистнули своих, но на окраинах их ждали уже вооруженные дружины речников. Полиция была насквозь местная и не вмешивалась, а гарнизон — что там было того гарнизона, да и тоже местные.

Омск растерялся, поскольку за почти столетие параллельной мирной жизни УралСиб и НКР ничего подобного не было никогда. В условиях парламентской демократии посылать в мятежный город войска никому и в голову не пришло. Вся надежда там была на здравый смысл Киева и абсолютную случайность наблюдаемых событий.

Губер произнес массу красивых слов про свободу и право на самоопределение и попросился — от имени всех астраханцев — в состав НКР.

Это был, пожалуй, самый трудный день за все годы правления Верховного гетмана. Выслушав радостный доклад вартового генерала, он долго потом сидел с верхушкой правительства и слушал министров, успевших до этого пообщаться с бизнесом. Тем было откровенно трудно. Промышленники в выражениях не стеснялись и слово «идиотизм» было, пожалуй, из самых мягких. Считать эти ребята умели хорошо, и баланс выходил тяжелый: сыпалась идея торгового союза, да и вообще отношения с УралСибом переходили совсем в иную плоскость, а к числу приобретений можно было отнести облегчение транзита через Каспий, но это направление давало лишь 5% НКРовской внешней торговли.

Донести эту правду до Верховного в чистом виде было, однако, сложно. У него уже давно сложилось свое видение мира и представление о его движущих силах, к числу основных среди которых он относил свою волю.

Торговый союз как дорога к единой России был ему малопонятен и не очень убедителен, что это за Россия получится? Фундаментом прежней России он считал твердую верховную власть, дворянство и штыки армии. Постепенный переход губерний под крыло Киева, своего рода собирание земель, в этом плане был логичен и ясен. Верховный стоял перед сложным выбором. Ему казалось, что любой вариант ведет к успеху, но что предпочтительнее? Что в этой ситу-

ации синица, а что — журавль? Все уверяют, что в случае создания Союза он станет его лидером, сначала неформальным, а потом глядишь и... В обществе уже давно блуждали суждения о возможности восстановления монархии. Но все это как-то очень зыбко, а Астрахань — она вот, сама в руки идет. Первое серьезное приращение государства после событий 1917 года! И Верховный попался в ловушку собственных амбиций.

Он уже чувствовал, что от Астрахани отказаться не сможет, и продолжая обсуждение с правительством, фактически думал только о том, как успокоить бизнес.

— А давайте попробуем пойти на некоторые уступки УралСибу на переговорах о торговом союзе, — прервал он доклад торгового гетмана, — сибиряки — народ деловой. Увидят свою выгоду — согласятся.

Остановленный на полуслове доктор экономических наук и реально лучший в стране знаток экономики всего Евроазиатского пространства понял, дальше убеждать в чем-то Верховного бессмысленно, он уперся. Теперь надо думать о том, как свести к минимуму потери заведомо провального решения. Как воспримут такой поворот в Омске он мог рассказать сразу и в деталях, но, похоже, эта реальность уже никого не интересовала.

«К черту! — решил про себя торговый гетман, — пусть разбираются сами! Подаю в отставку. Поеду в Сорбонну лекции читать, они давно зовут». Так и поступил вскоре. Ну, и что? Кого напугал?

Торжества по случаю присоединения Астрахани к НКР описывать не будем. Поэты и романтики на Руси, к счастью, не перевелись. «Главная бусина на волжском ожерелье — наша! Волга вновь стала великой внутренней русской рекой!» — это было из числа самого примитивного. Но народу нравилось. А тут еще и воблы подвезли... А самым заслуженным — икорки с белорыбницей.

Правда, почему-то оказалось, что в Астрахани надо массу всего ремонтировать и строить, но в этой ситуации жадничать не приходилось. Размахнулись даже на новый

мост через Волгу. Народ должен был почувствовать — жить стало лучше!

С лучшей жизнью, правда, получилось не очень.

Надежды на прагматизм сибиряков не оправдались. Все контакты на тему экономического союза Омск прервал сразу. Совместный мозговой штурм капитанов бизнеса на тему «что делать?» свелся к обсуждению вопроса «кто виноват?» и кончился банальной пьянкой. Услышь кто из посторонних, кто и что там говорил, донос в варту о страшном заговоре против лично Верховного был бы обеспечен. К счастью, посторонних там не было и быть не могло. Но в результате сибирские капитаны начали рассматривать альтернативные решения, пожелав своим киевским коллегам «разобраться, кто в доме хозяин, а уже потом беспокоить серьезных людей».

И тут на сцену выступил балтийский Канцлер. Он не стал мелочиться и предложил сибирякам «полный пакет»: экономический союз и льготные транзитные тарифы. Фактически сибиряки могли не только сохранить, но и усилить свои позиции на европейских товарных рынках. Причем усилить за счет НКР — киевлянам такие преференции и не снились. Собственно, Канцлер был готов пойти и дальше — на полное государственное объединение. В данном случае Омск, в принципе, ничего против не имел. Оба государства имели схожее политическое устройство, а, главное, — уровень их политического развития был примерно одинаков. Останавливал только фактор отсутствия общей границы. Между их территориями своеобразным языком врезалась Архангельская губерния НКР, но в свете последних событий это обстоятельство непреодолимым препятствием уже не считалось. Тем более, что Архангельский порт был транзитным как раз преимущественно для сибирских товаров... Так что тут еще по разному могло повернуться. Ящик Пандоры был уже открыт.

Для киевской экономики это был первый, но далеко не последний удар. Мелкие европейские войны XX века не слишком сильно меняли политическую карту Европы. Но последние лет 20 таких изменений не было вообще. И вот

именно на этой основе ряд ведущих европейских стран предложил подвергнуть НКР бойкоту в ряде отраслей за «ненадлежащее поведение в отношении соседа». Штрафные меры были выбраны искусно. Конечно, совсем избежать собственных потерь инициаторам бойкота не удалось, но ущерб для экономики НКР с ними был несопоставим. Отказ от закупок киевских товаров и сворачивание кооперационного сотрудничества, ограничение научно-технических связей и обменов — счет сразу пошел на миллиарды.

Авторы штрафных мер неплохо изучили характер Верховного гетмана. Расчет был не столько даже на немедленные экономические потери НКР, сколько на долгосрочную перспективу. Ответить на такое киевская власть могла только встречными мерами, а они означали вынужденную самоизоляцию с опорой на внутренние ресурсы. Тем самым, страна теряла преимущества от участия в международном разделении труда, которое наиболее серьезные экономисты с мировым именем считали в этот момент главным двигателем экономического прогресса. Промышленное производство НКР в будущем вынуждено будет довольствоваться только внутренним рынком. Прогнозировалось, что в ближайшие 10 лет все показатели экономического роста НКР уйдут в постоянный и устойчивый минус.

Любой политический процесс имеет свою внутреннюю логику. Неожиданная внешняя конфронтация потребовала от киевской власти быстрой и эффективной мобилизации. Вартовые смотрелись орлами. Именно они определяли основной градус общественной жизни, определяли задачи борьбы с внешним и внутренним врагом. Борьба предстояла долгая, трудная и очень затратная.

— Мы за ценой не постоим! — патетически восклицали публицисты, штатные ораторы и политологи, прикидывая про себя, что если все это продлится еще хотя бы пару лет, то на жирные гонорары от власти удастся и машину поменять, и дачку на Днепре или Волге приобрести, да и на старость отложить кое-что. Верховный был человеком опытным, и знал, что на формирование общественного мнения денег жалеть не стоит.

И опять наступил один прекрасный день, когда тот же генерал из внешней варты получил по тому же глубоко засекреченному каналу просьбу от коллеги из Омска о срочной секретной встрече. Здесь уже играть надо было всерьез и генерал, воспользовавшись запланированной командировкой и, никому не докладывая о своих планах, назначил коллеге встречу в Вене. То, что ему предложат поучаствовать в заговоре, а может и возглавить его, было очевидно. В своем ответе генерал тоже не сомневался. Буквально накануне ему на стол легла информация о тайной встрече пяти ведущих промышленников НКР. Генерал прекрасно понимал, что она никогда бы не попала в его руки, если бы они сами этого не хотели. Это был четкий и однозначный сигнал: пришла пора спасти НКР от всех этих клоунов с своими их дурацкими играми и ставка была сделана на него. Блестящий аналитик, главную проблему он видел даже не в реализации переворота, а том, чтобы минимизировать потери НКР, когда она уже на совсем других условиях присоединится к начавшемуся процессу возрождения единой России. Эстафета собирания земель перешла к другим.

Рассказ девятый

МИЛЫЕ БРАНЯТСЯ

Шли месяцы. «Астраханский сюжет» не только не потерял своей актуальности, но, напротив, становился все более значимым фактором в жизни НКР. Коротко говоря, народу резко и существенно поплохело. Работы, а с ней и доходов, было все меньше, а расходов, напротив, становилось все больше. Объемы внешних заказов резко упали. Импортное сырье и материалы дорожали. Биржи лихорадило, объем инвестиций резко сократился.

Вчерашние друзья стали врагами. За все время существования разрозненного русского мира не случилось ничего даже близко похожего на нынешний кризис. Во время двух последних польских войн и УралСиб, и Балтийская федерация формально сохраняли в отношении НКР дружественный нейтралитет, а на практике с удовольствием продавали — в том числе и в кредит, и не слишком задирая цены — стратегическое сырье, военные материалы и технику без каких-либо ограничений, не препятствовали своим добровольцам воевать на стороне Киева. Из их числа даже формировались особые русские бригады. А уж в 1919 году против поляков воевали вообще всем миром, не задумываясь о том, кто из какой губернии.

Соответственно все минувшие десятилетия никому в НКР и в голову не приходило укреплять и готовить к обороне восточную границу. Она и существовала — то исключительно как таможенная. Вся военная инфраструктура в волжских городах состояла из долговременных складов, военных училищ, баз для развертывания новых формирований в военное время. Глубокий тыл, боевых частей там просто не было. По традиции, они концентрировались на

западной и южной границах, а также в центре страны, откуда их было легко перебросить на угрожаемое направление.

Операционисты киевского Генштаба, получив задание на отработку возможных угроз в новой политической ситуации, выдали в качестве наиболее вероятного страшный сценарий: в случае военного конфликта УралСиб и Балтийская федерация с двух направлений наносят удар в район Москвы, разрезая НКР на две части. «Заклятым друзьям» на Западе и Юге при таком развитии событий даже не нужно было вмешиваться в конфликт. Им достаточно было просто нарастить приграничные группировки войск на своей территории, исключив тем самым переброску на московское направление наиболее дееспособных частей НКР. А затем просто подождать краха киевского режима и присоединиться к победителям на этапе дележа пирога.

В новых условиях военная угроза возникала практически со всех направлений. НКР оказывалась в кольце врагов.

Написать-то это операционисты написали, да кто же такое покажет командованию. Разве только самоубийца. Среди генералитета НКР самоубийства конечно случались, но были они, как правило, связаны с делами бытовыми — уж больно скандальная недостача, болезнь или что-то уж совсем личное. На приступы генералы случалось ходили, а на принцип — как-то не очень. Так что сдвинули на лоб фуражки, мрачно почесали в затылках, переглянулись и решили, что анализ Генштаба носит уж слишком узкий профессиональный характер, не учитывает массы политических факторов, и вообще излишне теоретический.

— Какие встречные удары? Чем? У них ведь тоже на этом направлении никаких серьезных сил нет. Тут им с каждой стороны по мехкорпусу надо привлекать только чтобы соединиться, а еще и внешний рубеж к югу от Москвы создавать надо, чтобы встретить наш возможный контрудар! — возмущался один из генералов. В целом он был прав. Но только отчасти. Казалось бы, парадокс, но такое случается.

Сложность ситуации состояла в том, что надо было одновременно и серьезно напугать политические власти, что бы

не скупясь мощну развязали, и не перегнуть палку с масштабом угрозы

Поэтому анализ несколько смягчили, стрелки возможных наступлений нарисовали пунктиром — это всегда не так страшно выглядит, оговорились, что такое возможно лишь в отдаленной перспективе, и в таком виде направили Верховному. Враг, мол, опасен, но и мы не дремлем. Надо наращивать военные приготовления. Ход был более, чем удачен.

В Киеве уж как-то слишком увлеклись военной стороной дела. Там это дело вообще любили. Верховный хотя никогда и не служил в армии, но в форме в подходящих обстоятельствах щегольнуть любил, и вообще считал себя большим знатоком военного дела. На своих коллег из Омска и Питера он даже поглядывал свысока: штафирки, мол, и армии у них в загоне, и к внешней стороне дела равнодушны. То ли мы! У нас и у гетмана-медикуса в шкафу военная форма висит.

Формально сопоставление военных потенциалов действительно грело душу. Вооруженные силы Балтийской федерации были вообще очень ограничены, там развивались в основном флот и авиация. Сибирякам приходилось содержать серьезные сухопутные силы на беспокойных южных границах, но это преимущественно были высококомобильные бронекавалерийские части, не имевшие в своем составе дальнобойной артиллерии и тяжелых бронеходов для прорыва укрепленных районов. Кавалерии как таковой там, конечно, и близко не было, но название, пришедшее в 20-е годы прошлого века из-за океана, понравилось и прижилось. На степных и пустынных просторах боевые броневые автомобили, транспортеры пехоты, четырехколесные мотоциклы — самое то, но против тяжелых и средних бронеходов харьковской выделки эта современная бронекавалерия явно не тянула. Так что Верховный полагал, что особенно пугаться не следует. По его приказу предпринимались срочные меры по формированию нескольких новых боеспособных частей в Поволжье. Считалось, что сибиряки испугаются и воздержатся от открытых враждебных действий.

Впрочем, ни канцлер, ни омский премьер устраивать в самом сердце русской равнины большую войну и не думали. Не говоря уже о том, что внутреннее устройство возглавляемых ими стран практически не позволило бы им самостоятельно вступить на путь сомнительных военных авантур, у обоих присутствовала историческая память и понимание, что авторы новой гражданской войны в России навечно войдут в ее историю в раздел главных злодеев. Но и спускать киевлянам они тоже не собирались. Наиболее подходящими в Омске и Питере рассматривали именно невоенные методы ответа Киеву: экономические санкции, пропаганду, поддержку оппозиции режиму. Таким образом, обе стороны готовились к столкновению, но собирались использовать при этом совершенно различные методы борьбы.

Люди в военных мундирах теперь прочно обосновались в канцелярии Верховного гетмана. Совещания следовали одно за другим и касались вопросов боевого применения войск, их передислокации и снабжения, призыва новых контингентов запасных и формирования частей второй очереди, заказа вооружений и боеприпасов. Как обычно и бывает, не хватало всего. Резервы изыскивали, по традиции, в мирных секторах экономики.

Генералы и полковники с крайне озабоченными лицами не могли скрыть распиравшего изнутри счастья — настал их миг! Конструкторы вооружений и заводчики, казалось, были готовы достать механического черта с неба и обеспечить его массовое воспроизводство на нужды армии. При условии своевременной оплаты, конечно. А уж о таких мелочах как оружие, боеприпасы, вещевка и провиант даже и говорить не стоило. Сделаем сколько угодно! Только плати.

С этим было похуже. Денег, как и любому государству, НКР не хватало всегда. А если незапланированные доходы вдруг и появлялись, то удивительным образом таяли мгновенно и бесследно. Но нынешние военные мероприятия были, как говорится, из ряда вон. И, главное, обстановка пока явно не позволяла прибегнуть к традиционным экстраординарным методам получения средств на военные цели: займам на нужды обороны, введению чрезвычайных

налогов, экспроприации. На НКР в общем-то никто пока не нападал и даже признаков скорого военного нападения со стороны соседей не было. Хотя информационная война велась уже вовсю. Но из-за информационной войны открыто залезать в карман согражданам — это уже слишком.

Как и принято в подобных ситуациях ответственным за оплату военных расходов был назначен финансовый гетман. Ему так и было сказано: делай что хочешь, но средства достань!

Финансовый гетман занимал свой пост уже не один год и дело знал туго. В запасе у него постоянно было десятка два способов обеспечения незапланированных расходов по приказу Верховного. Кому-то задержали бюджетные ассигнования и выплаты, оплату каких-то обязательств отложили вопреки прежним договоренностям, где-то прямо залезли в карман частным промышленникам и банкирам, наконец, подъяли резервы, но все это проблемы не решало. Приближался тот момент, когда предстояло всерьез урезать социальные выплаты, пенсии, ассигнования на народную медицину и образование.

— Скорее бы уж война! — невольно все чаще думал про себя финансовый гетман, каждый рабочий день которого теперь начинался с латания этого тришкина кафтана. В воздухе войной пахло, но пока на НКР никто не нападал, и финансовому гетману все более отчетливо казалось, что никто и не собирается этого делать. По-человечески мысль эта приносила ему чувство облегчения, а вот как финансист он совершенно не представлял, из каких средств через полгода он будет платить за все эти военные экзерсисы.

Свою лепту в его головные боли внесли и вартовые.

Выкладки Генштаба о возможном совместном походе УралСИБА и БФ на Москву вартовым очень понравились. Они еще не до конца переварили все, что свалилось на них после присоединения Астрахани, а тут еще такой подарок! Если есть угроза нападения, то надо срочно усилить контрразведку, выявить неблагонадежных, подготовить кадры для внедрения на случай вражеского вторжения. Лагеря хо-

рошо бы обновить. Да и неплохо развернуть широкую пропагандистскую кампанию патриотической направленности. И все это средства, кадры, ресурсы... Бочка фактически бездонна — сколько ни лей, все мало.

Ситуацию усугубляло и то, что Москва и губернии вокруг нее традиционно были в состоянии некоторой фронды по отношению к киевским властям. Иначе и быть не могло. Во времена империи Москва имела хотя бы неофициальный статус тоже столицы, да и Петроград все же был основан царем московским. Смириться с тем, что столичный статус просвистел мимо них в тот момент, когда, казалось бы, и претендентов других на него быть не могло, москвичи отказывались. Да тут еще и эта глупая украинизация в названиях.

— Какой-такой гетман? — любили ворчать в Москве. — вот пусть в свою Сечь и убирается! С чего это нам под хохлами ходить?

По сути они были скорее неправы, поскольку Киев в большей степени оставался русским городом и хохлов среди власть имущих и преобладающих было откровенное меньшинство. Другое дело, что Россия — большая, и даже в пределах НКР обычаи, уклад жизни, говор и характеры россиян отличались весьма существенно. Что уж тут говорить про УралСиб, Балтийскую федерацию с сильным влиянием немцев, финнов и прибалтов и ДВР. А так все, вроде, русские и на одном языке говорят.

Но фронда была налицо, и если в мирное время она проявлялась преимущественно в анекдотах, то в угрожающий период это был уже политический фактор, который надо было учитывать и брать под контроль.

А где политика — там первую скрипку играла канцелярия Верховного.

Положению дел в московском регионе было посвящено специальное совещание. Пригласили и церковь — стоит ли удивляться, что ее представлял хорошо известный нам бископ.

В качестве напутствия он получил от благостного целый список всевозможных пожеланий самого широкого спек-

тра — от капитального ремонта вокзала в Сергиевом Посаде для массового приема паломников до введения вечных налоговых каникул для свечных и прочих прицерковных производств и, главное, церковной торговли. Дело было перспективное, поскольку в лавках при храмах торговали многим, включая одежду и обувь православных фасонов, кожгалантерею, бакалею, хлебобулочные изделия, легкое «церковное» вино. Традиционные товары церковной атрибутики, конечно, тоже были широко представлены, но оборот церковные торговые заведения делали именно на товарах повседневногo спроса.

Как подобные налоговые каникулы помогли бы НКР в возможной войне, то тайна великая есть, но бископ был человеком вельми опытным и творческим. Обосновать увязку успехов церковной торговли с грядущими победами ему труда не представляло. Как, впрочем, возникни такая нужда, и обратное.

Но в данном случае и его красноречие не помогло. Разговор пошел такой, что как бы опять колокола не сняли. Вместо обсуждения налоговых каникул бископу пообещали ввести налог на доходы церкви. С архиереями, правда, предпочитали не ссориться и 10% налогом предполагалось обложить чистую прибыль приходов, но услышав о такой новации, бископ сразу помчался к благостному.

Как выяснилось вскоре, сделал он это зря.

Благостный пребывал в расстроенных чувствах. Накануне во время очередной встречи с Верховным он попытался аккуратно высказать мысль о необходимости скорейшего урегулирования отношений с братьями-славянами. Военные приготовления Киева мог не видеть только слепой, а военная пропаганда зашкаливала. Столь резкий поворот привел благостного в состояние полной растерянности. Власти ждали и просили от церкви прямой и недвусмысленной поддержки своих действий, как это бывало ранее в войнах с Польшей и Турцией. Но сейчас ситуация была принципиально иной. Большую часть населения УралСибя и значительную — Балтийской федерации благостный относил к числу своей паствы. Прими он сторону Киева,

православная Сибирь отвернется от него. Благодный реально оценивал степень своего влияния на этих людей и понимал, что призови он их к неповиновению властям, скорее всего все сибирские епархии, а с ним и вместе Питерская и Новгородская, просто уйдут из Киевского патриархата. Как дальше сложится их судьба — другой вопрос, но Киев их потеряет.

Его попытка объяснить все это Верховному гетману успеха не имела. Тот, похоже, рассматривал патриархию в качестве одного из департаментов варты, который должен обеспечить лояльность контролируемых им групп населения. Разговор кончился упреками.

— За что мы вам платим? — возмущенно кричал Верховный, — я уже даже не знаю, чего мы вам не дали, а как до дела дошло — в кусты? Пора долги отдавать! Идите и подумайте.

Отдавать благодный, естественно, никому ничего не собирался, не тот характер. И молчать в ответ не стал, напомнив Верховному, кто поддержал его на недавних выборах. Но оказанная услуга, как известно, уже не услуга.

Так что расстались плохо, не по-доброму, крайне недозвольные друг другом.

На этом фоне неудача бископа с его списком пожеланий была сущей мелочью. Странно было бы, если бы ему удалось что-то из этого списка выторговать.

Дело надо было переводить в какую-то совершенно иную плоскость и вид бископа навел благодного на кое-какие мысли.

— Ты вот что, — благодный как бы ловил еще не сформулированную, ускользающую мысль, — собирайся-ка ты в Москву. Приедешь, с архиереями поговоришь, на людей посмотришь. А через пару недель я тебе туда пришлю именной указ о проведении межепархиального Синода. Посмотрим, какие еще епархии подтянем кроме Москвы, но выглядеть это должно представительно. Как бы весь наш северо-восток охватим. Причем в широком составе: архиереи, духовенство,

миряне. Монашествующих из Лавры обязательно. День подходящий выбери. Хорошо бы в память святого, да не просто, а из воителей. И решение Синода должно быть хитрое. С одной стороны, в поддержку властей и воинства, а, с другой, о братской любви православных напомнить надо. Ну, ты сумеешь. Остановить нам всех этих вояк надо. Нельзя до греха между своими дело доводить. Пусть вроде как Москва свое слово скажет. И не так, чтобы совсем поперек Киеву, но все же свое. Заигрались они тут. Да, а чтобы в излишнем примиренчестве не обвинили, ты дай-ка там акцентом тему борьбы со всякими ересями, сектами и язычниками. Развелось у нас их действительно немеряно.

Бископу стало не по себе. Задача его не испугала. Он знал, что когда наступит час, то придут и идеи, и правильные слова. В свои способности он верил. Да и архиереям московским вся эта затея очень понравится. Уж там-то войны явно никто не хочет, а статус их такой Синод явно укрепит. Но вот как прореагируют те, кого предполагал остановить благостный. Что-то в последнее время ему разонравилось играть в политические игры с неясным исходом. А благостный хитер. По чину ему бы самому такой Синод проводить, а он решил в стороне пока остаться. Удастся затея — он придумал, нет — он ни при чем. Хоть и разругались с константинопольским патриархом, а живем в лучших традициях Византии. Но отказываться нельзя. Надо ехать. Где-то в глубине души он верил, что чья-то добрая рука отводит от него беду, в какие бы неприятности он не попадал.

«Так и в Бога поверить недолго!» — шутил он иногда исключительно про себя.

Значит, теперь в Москву. Да еще с таким поручением. Тут сначала замучаешься всем объяснять, что это за новация такая — межепархиальный Синод. Конечно, в тысячелетней истории церкви можно найти всякое, если и не в прямую, то по аналогии, но реально в последние десятилетия никто ничего подобного не проводил. И не надо сразу с заявки на что-то чрезвычайное начинать. Мол, приехал с текущей проверкой по линии своего отдела, а там высокая политика вдруг так повернулась, что в патриархии спешно реши-

ли дать отдельное поручение. Начнем потихоньку, а там как кривая вывезет.

Общую линию поведения бископ для себя определил, но оставался еще один важный практический вопрос. И касался он его лучших друзей из варты. Их, конечно, чем-то удивить трудно, но сюрпризов они не любят и явно не поймут бископа, если он все это дело провернет, не посоветовавшись с ними заранее. Ну, или доложив — это кому как больше нравится. Слова могут звучать разные, а суть дела от этого не меняется.

Доложить-то надо — бископ на этот счет даже и не сомневался — но вот кому? В друзьях у него были генералы и из внешней, и из внутренней варты. С одной стороны, вроде бы речь идет о внутренних делах страны, укреплении единства народа. Но и внешний фактор тоже налицо...

Монету бископ кидать не стал. Это было бы уже совсем глупо. Вместо этого он прикинул, с кем из двух его друзей-генералов ему будет проще обсуждать хитрую задумку благостного.

В глубине души он давно подозревал, что оба они, исправно посещающие праздничные церковные службы, к месту крестившиеся при различных жизненных обстоятельствах и в шутку спрашивающие его благословения перед первой рюмкой за дружеским столом, на самом деле от веры довольно далеки. Так что и подход к затее благостного у них будет сугубо прагматический, еще и посмеются над предстоявшей ему ролью проповедника.

Генерал из внутренней варты был как-то попроще, более прагматичнее, чаще и лучше поворачивал дело в материальную плоскость, но перед ним был еще должок из-за этого проклятого Дьяконова (см. рассказ «Платочки от слеза»).

Генерал-внешняк — интеллектuala, аналитик, знаток истории. Он скорее поймет суть задумки благостного, и, кто знает, может даже найдет в ней что-то интересное и подскажет какой-нибудь хитрый ход. Да и понадежнее он, может и прикроет, если в канцелярии Верховного вся эта затея кому-нибудь не понравится.

Кто же знал, что эти колебания бископа и его в общем-то случайный выбор приведет к тектоническим сдвигам в политическом устройстве на русском пространстве.

В лучших традициях детективных романов бископ позвонил генералу и в разговоре о текущих политических сплетнях между делом пригласил его в свой храм на завтрашнюю службу — мол, уж больно хороший хор подобрался, душой отдыхаешь, слушая его. Генерал был более чем понятлив. Поскольку бископу было прекрасно известно, что ему после контузии, полученной в годы бурной офицерской юности на службе родине где-то там, за ее пределами, как говорится, медведь на ухо наступил, то такое приглашение звучало либо как откровенное издевательство, либо как приглашение к срочному и серьезному разговору. Но предполагать, что агент под псевдонимом «пастор» над ним издевается, у генерала не было никаких оснований, и, сдвинув пару менее срочных встреч, он подошел к концу службы, приложился к кресту и вскоре сидел в кабинете бископа за чашкой чая.

Выслушав бископа, он сначала даже испугался. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Последние две недели генерал практически круглосуточно думал над идеей, изложенной ему в «клубе пяти» — так про себя он называл группу промышленных олигархов, взявших на себя роль спасителей отечества.

«Так не бывает! Провокация! Меня просчитали и теперь пытаются взять на живца! — кричал весь его профессиональный опыт, — Но он же и подсказывал: возможность — уникальна, другой такой не будет никогда.»

Поверить в такой подарок судьбы было сложно, но ни мотивация поступков благостного, ни его задумка сомнений не вызывали. Все выглядело логично. Это была чистая авантюра, но именно в его стиле.

— Ну и что будешь делать? — спросил генерал бископа, — Дело, конечно, сложное, но, если получится, считай, что в церкви ты точно уже второй номер. Это еще как повернется, а то и первым станешь.

Знал бы генерал, насколько пророческими окажутся его слова, правда, совсем не в том смысле, который он имел в виду!

— А вы как? Прикроете, если что? Да и помощь бы нужна с вашими на месте, чтобы не решили, что я там какой-то разговор затеял.

— Все будет, не волнуйся. Да, вот еще что. Поскольку у вас вроде как мирная конференция намечается, ты бы еще монахов позвал из Балтии и УралСиб. С Валаама, например, и других. Причем именно монахов — уж их-то никто не заподозрит ни в какой политике или милитаризме.

Так и договорились. Генерал даже пообещал, что включит заседание Синода в закрытый список мероприятий по линии варты. Тогда уже никто не придерется, а московскому управлению варты будет дана команда не вмешиваться.

Здесь, наверное, пора сказать несколько слов о Москве. По численности населения среди городов НКР она уступала только Киеву и Харькову. Сохранив в тяжелые годы гражданской войны и послевоенный кризис большую часть своей промышленности и высших учебных заведений, Москва позднее развивалась и строилась ровно и неспешно. В 30-е годы там даже появилось метро мелкого залегания, которое постепенно было увязано в единую сеть с городскими железными дорогами. В этом мире Москва строилась практически только на деньги города или частных инвесторов, без привлечения общенациональных ресурсов, и это обстоятельство очень серьезно сказалось не только на архитектурном облике города, но и на формировании характера москвичей.

Они гордились своим городом, были крайне независимы в своих суждениях, но у них не развилось столичного высокомерия. Столичный Киев не любили, считали его излишне суетливым, по южному шумным, жадным и неумным. Да и кому же нравится, когда заработанное твоим трудом уходит в столицу с ее политическими проектами как в бездонную бочку.

«Москва — это Россия, а в Киеве — хохлы!» — эту сентенцию любили повторять москвичи, подразумевая под хохла-

ми отнюдь не этнических украинцев, а всю эту компанию, которая, по их мнению, без всяких оснований сидела на шее трудящегося русского человека.

Состав жителей города постепенно понемногу обновлялся. Уходя на пенсию, многие предпочитали переехать в небольшие провинциальные города или города-спутники — поближе к природе, подальше от шумных улиц промышленной Москвы. Буржуа-рантье тоже не видели ничего привлекательного в суровом климате средней полосы и предпочитали более комфортный юг. Подавляющее большинство взрослого населения, таким образом, составлял трудящийся или учащийся люд. Ну и те, кто обеспечивал бесперебойное вращение всех шестеренок, составляющих сложное городское хозяйство.

Ситуацию усугубляло еще и то, что половина московской торговли и треть городской промышленности и транспорта контролировалась старовеерами. Так что даже деловой климат в городе был несколько особый. Статистики с удивлением отмечали, что там намного реже, чем в среднем по стране, случались банкротства и мошенничества.

Московские студенты — это вообще разговор особый. В городе преобладали вузы технической направленности и туда обычно ехали именно те, кого привлекала профессия инженера и естественные науки. Гуманитарии были в откровенном меньшинстве. Карьеру же во власти делали чаще выпускники киевского университета. А московские выпускники разъезжались на работу в промышленные центры страны и быстро входили в состав местных элит.

Именно такая Москва — без архитектурных излишеств и дурных легких денег, город институтов и заводов, жители которого хорошо знали цену трудовой копейке, — вновь стала своего рода центром притяжения для окружающих губерний и всех северо-восточных районов страны.

В Киеве все эти особенности Москвы были прекрасно известны. ВУЗы, московские СМИ, отделения политических партий и органы городского самоуправления традиционно находились под неусыпной опекой вартых, а подбор

кандидатов на пост московского генерал-губернатора осуществлялся особенно тщательно.

В обычных условиях этого было достаточно. Московская фронда была по большей части эмоциональной и не затрагивала базисные общественные устои. Но на этот раз ситуация изменилась.

Негативные последствия европейских санкций и разлада в отношениях с Балтийской федерацией и УралСибом уже сказывались, но пока еще не были фатальными. Питер и Омск создали экономический союз и в результате постепенно их товары могли потеснить НКРовские на европейских рынках. Однако, ни они, ни европейцы в принципе не были готовы ради наказания киевлян делать что-то в ущерб собственным интересам. Но тенденция уже обозначилась и была очевидна, а слухи иногда бывают страшнее реальности. В большинстве отраслей экономики так или иначе взвешивали возможные негативные последствия от возможных действий партнеров, и слишком часто при этом промышленники, финансисты, инженеры, управленцы и просто рабочие задавались вопросом: а чего ради? Что собственно говоря мы получили такого, что в результате завтра я потеряю бизнес или работу?

Официальная пропаганда по кругу прокручивала свои аргументы, но было очевидно, что хрупкий консенсус в обществе продержится только до тех пор, пока народ не получит серьезный удар рублем. Предлагаемая властью идея не стоила тяжелых материальных потерь. Не тот случай.

В Москве на этот раз политика властей была встречена особенно критически. Исторически сложилось, что певцы панрусской идеи преобладали среди людей свободных и творческих профессий, в городе мастеров и купцов их нашлось немного. Прибыли на горизонте видно не было, а вот если прервутся поставки комплектующих и сырья с уральских и сибирских заводов, то и московские встанут. Да и балтийские порты для московской торговли имели критическое значение. Не говоря уже о том, что в случае конфликта с УралСибом Москва вполне могла попасть в зону

боевых действий¹. Ну и какие военные заказы смогут все это компенсировать?

И вот в такую Москву и приехал bishop с заданием от благостного.

Разместившись в архиерейских покоях Новоспасского монастыря, он с первого же дня развил бурную деятельность. Поездка в Лавру, Новый Иерусалим и Богородицк, посещения монастырей, службы в Соборе и крупных храмах и последующие встречи с духовенством — дни bishopа были расписаны поминутно. Вся эта активность вскоре попала в поле зрения журналистов, колоритная фигура и хорошо подвешенный язык сделали bishopа популярной фигурой на телевидении. К нему все чаще обращались с вопросами, очень далекими от церковной жизни и богословской тематики.

Поскольку цель его приезда была обозначена достаточно смутно, ему пришлось компенсировать недостаток конкретной информации общими рассуждениями об особом характере его миссии в сложных политических условиях.

Слухи в церковной среде распространяются очень быстро, и в Москву потянулись архиереи и благочинные из соседних епархий. Повод для такой поездки придумать можно всегда. А когда через несколько недель появился указ благостного о проведении в Москве межепархиального Синода, то и повода искать не надо стало. Поскольку никто не мог сразу понять, что это за зверь такой, ясное дело надо было ехать в Москву, чтобы разобраться.

Подготовка заседания Синода шла в целом успешно. Bishopа, правда, несколько удивил широкий состав задействованных епархий — фактически это была вся центральная и северо-восточная часть европейской России — Великое княжество Владимирское, как пошутил один из клириков, окончивших кроме духовной академии еще и исторический факультет московского университета. Но здесь явно про-

1. Здесь надо пояснить: отсутствие в Мире Киевской Руси двух мировых войн развитие вооружений затормозило, но не остановило, и военная авиация в указанный период в мире НКР отставала от нашей реальности примерно лет на 50-60, как, впрочем, и многие другие вооружения

сматривалась рука канцелярии Верховного гетмана, там это мероприятие явно рассматривали как возможность мобилизовать на помощь власти силы духовные. В качестве гостей пригласили монахов с Валаама и пары менее известных монастырей с Северного Урала. Все практические вопросы взяла на себя московская епархия. Ее по традиции возглавлял один из старейших архиереев церкви. Задумка была в том, чтобы в силу преклонного возраста ему бы и в голову не пришло составить оппозицию церковной власти в Киеве. Работа над докладом подвигалась, список участников был почти готов, бископ с удовольствием отмечал, что поставленная задача ему явно по плечу. Немного напрягало странное ощущение, что кто-то постоянно как будто заглядывает в дело подготовки Синода из-за его плеча.

Беда пришла откуда не ждали.

За несколько дней до начала Синода обстановка в городе неожиданно резко обострилась. В ответ на принятие Государственной Думой закона о призыве на воинскую службу в технические войска в качестве младших офицеров студентов выпускного курса вузов соответствующего профиля в Москве как бы спонтанно начались студенческие волнения. Позднее выяснилось, что студенты вышли на улицы не совсем сами по себе. Нашлись промышленники, которые помогли и с листовками, и с организацией выступлений, с транспортом, оповещением, питанием и т.д. Логистика была обеспечена полно и всесторонне. Что уж там случилось на митинге у Технологического университета, сказать трудно. Улицы и площади студенты перекрыли для движения транспорта не только там, фактически движение остановилось в половине центра города, но наиболее радикальная попытка очистить от митингующих проезжую часть была предпринята полицией именно на Вознесенской. Среди студентов нашлись химики, а лабораторный корпус был как раз за углом. После того, как от бутылок с уж очень горячей жидкостью загорелась третья полицейская машина, прозвучали первые выстрелы. Формально оружие было только у полиции, но действительно ли первыми стреляли полицейские следствие так и не установило. Или не захотело установить. Следствие-то было тоже полицейским. Зава-

руха, одним словом, вышла хорошая, сгоревшие и перевернутые машины, несколько десятков раненых с обеих сторон и, главное, три убитых студента.

Город замер. Реакция была странной и, казалось бы, должна была насторожить власти. Генерал-губернатор ждал шквала эмоций, но ни вечером в день беспорядков, ни на следующий день их не было. Радио, телевидение газеты лишь сообщали о случившемся и предстоящих в воскресенье похоронах. Минимум комментариев, сдержанность в оценках. Политики и общественные деятели из числа оппозиционных как будто воды в рот набрали.

— Обошлось! — решил про себя генерал-губернатор и отбил срочное сообщение в Киев, скромно отметив, что благодаря его усилиям ситуация находится под контролем. Он очень напрасно так поспешил.

На всякий случай мобильные части полиции по охране порядка были приведены в состояние повышенной готовности и могли покинуть свои казармы через 15 минут по получении приказа. Заранее на улицы их решили не выводить, поскольку ничто не указывало на возможность беспорядков. Сил было достаточно — целая дивизия, которая по традиции комплектовалась выходцами из южных районов страны. Со снаряжением, спецсредствами и транспортом тоже все было в порядке. Общий порядок во время похорон на ближайшем к Технологическому университету Преображенском кладбище предполагалось поддерживать силами полицейских из местных участков.

С утра генерал-губернатора кое-что начало смущать. При проведении подобных мероприятий, как правило, доклады от подчиненных сыпятся как из рога изобилия, особенно если все в порядке или ничего серьезного не происходит. Все стремятся показать, что они бдят, контролируют ситуацию и вообще находятся на месте во всех смыслах слова. Сейчас же в его кабинете в Большом Кремлевском дворце — почти полная тишина, идет лишь необходимый минимум информации. Телефоны молчат. Где все? И он включил канал местного телевидения.

Примерно через полчаса картина происходящего в городе начала складываться. Похоронная процессия от техноложки двинулась в противоположную кладбищу сторону, вышла на Садовое кольцо и двинулась по нему. Процессию ждали. Почти вся магистраль была заполнена толпами людей с антивоенными плакатами и красными флагами Москвы с изображением Георгия Победоносца. Пропустив мимо себя процессию, многие из собравшихся шли за ней. Весь наземный транспорт в центре города стоял. Полиции в форме на улицах не было, но порядок был образцовый. Малейшие эксцессы немедленно пресекались крепкими дружинниками с красными повязками, в которых легко узнавались охранники с московских предприятий — по такому случаю они все были в своей полувоенной форме. Кстати, посыпались доклады из казарм мобильных частей: не только выезды наружу, но и все окрестные улицы забиты строительной и уборочной техникой, а дальше — те же толпы с антивоенными плакатами и флагами. Прорваться пешком, конечно, можно, но крови это будет стоить изрядной. На подобное нужен особый приказ.

Генерал-губернатор в своей жизни повидал немало, но ни с чем подобным он никогда ранее не сталкивался и приказа такого отдавать сейчас не собирался. У него возникло тяжелое чувство, что город на самом деле управляется кем-то другим, а он сам — лишь декоративная фигура, которую терпят, пока она никому не мешает. В этой ситуации напрашивалось классическое бюрократическое решение — подождать. Рано или поздно что-то прояснится.

Ясность появилась к вечеру. Антивоенные манифестации продолжались до темноты, затем народ постепенно разошелся. Признаки того, что за событиями в Москве стояла очень серьезная и организация с солидными ресурсами, были видны на каждом шагу. Да и телеведущие это стали прямо подчеркивать.

Так что генерал-губернатор даже особо не удивился, когда адъютант доложил, что в его приемной появился председатель московской Торгово-промышленной палаты Зубов.

«Промышленник и предприниматель из первой городской десятки, причем уже в третьем поколении, из староверов, основные деловые интересы в Москве, Твери и Владимире, крупный благотворитель, от власти держится демонстративно в стороне, если с чем и обращается, то только в интересах членов палаты», — память услужливо подсказала эти сведения. Личность эта уже давно интересовала генерал-губернатора, но как-то все был недосуг поближе познакомиться.

— Ну что, Ваше превосходительство, как дальше жить будем? — Зубов перешел к делу сразу после формального обмена приветствиями.

— А есть варианты?

— А как же. Всегда есть. Хотите, проводим Вас из Москвы. Тоже по-разному может случиться. А хотите — и дальше живите. Не в Кремле, конечно, но и в иных местах неплохо можно себе гнездо обустроить.

— А в Кремле кто же?

— Так ведь традиции блюсти надо. Кремль — сердце Москвы, а Москва — не только город. Предков наших иностранцы случалось так и называли: москва пришла! Особое место Кремль — для власти построен.

— И кому же Вы ее планирует передать?

— А это уж как народ решит. Московский народ.

Семья нынешнего генерал-губернатора происходила из рязанского служилого дворянства и уходила корнями в петровские времена. Многие ему еще было непонятно в происходящем, но возвращаться в Киев после завершения карьеры, а она только что кончилась, чего уж там говорить, он и раньше не собирался. Договориться о мирной передаче власти этим двоим столь разным русским людям было несложно. Они и договорились.

Московская дума объявила о проведении выборов делегатов Учредительного собрания уже на следующий день. Дата выборов была определена с таким расчетом, чтобы Уч-

редительное собрание смогло начать свою работу 4 ноября. День хороший, подходящий. Москву от поляков освободить — дело по любому доброе. Как оно там на самом деле было 400 лет назад, когда, что и от кого освободили — кто знает, но 4 ноября имело все шансы стать национальным праздником нового государства.

Выборы носили открытый характер, т.е. своих представителей в собрание могла послать любая из соседних губерний на условии присоединения к Москве. Они и послали. В результате 4 ноября, на Казанскую, на карте России появилось новое государственное образование — Московия. Помимо Москвы в него вошли еще 15 губерний.

А в промежутке между вышеописанными событиями и выборами в Храме Христа Спасителя состоялось заседание межепархиального Синода. Вот только разговор там пошел совсем не так, как планировали в Киеве.

Отслужив панихиду по погибшим, участники Синода провозгласили автокефалию московской церкви с включением в ее состав всех епархий будущей Московии и выбрали ее временным местоблюстителем... бископа. Он вовсе не относился к числу самых сильных претендентов. По возрасту, влиянию в регионе и заслугам он явно уступал другим очевидным претендентам: и московскому викарию, и архиепископам из Владимира и Твери. Сработал старый принцип: каждый из претендентов предпочел «варяга», чем давнего, хорошо известного и близкого соперника. Кроме того, бископ подозревал, что москвичи его назначением решили поставить Киев в двусмысленную ситуацию: вы нам его прислали, так мы его и поставили над собой! Насколько это «над собой» долго продлится и каковы пределы его реальной власти в «московском патриархате», как в шутку уже начали называть это новое церковное образование, было совсем не понятно. Но будущее обещало быть веселым. Чего стоил только уже прозвучавший намек на то, что в связи с восстановлением «московского патриархата» хорошо бы решить все вопросы до конца миром и со старообрядцами.

Хорошо еще, что бископу на заседании Синода удалось преодолеть внутреннее смятение при произнесении

его имени. В сторону настоятеля Лавры он вообще боялся смотреть — казалось глаза этого монаха проникали в самую душу, выворачивали ее и взвешивали на тех самых весах, где подбиваются самые последние итоги. Уже выйдя с заседания Синода, бископ опустил руку в карман облачения за носовым платком, чтобы вытереть мокрый лоб. И вытащил какую-то странную тряпицу с бахромой и какой-то вышивкой. Расправил и прочитал: «Сердца бы лучше золотые, чем золотые купола!»

«Что это? Откуда? Где-то я это уже видел?» — мысли мелькали разноцветные призмы в детской игрушке — калейдоскопе, но на общем фоне происходящего безумия такая мелочь как платочек от глаза, случайно оказавшийся в кармане облачения, даже не вызвал удивления. А может он и был тем талисманом, который провел бископа в последние дни через немислимые хитросплетения церковной и государственной политики? Тут и не в такое поверись.

Так что от церкви на заседании Учредительного собрания присутствовал уже бископ. С абсолютно серьезным видом он благословил участников, а затем и вознес хвалебную молитву после принятия ими решения об учреждении демократической республики Московия, повторяя про себя вечное: Вся власть от Бога! И хотя среди участников Учредительного собрания его пока мало кто знал, но первое впечатление было неплохим: молодой, энергичный, видно, что и интеллектом не обделен, взгляд светлый. Бископ прекрасно корреспондировался с новой московской администрацией.

Ну а через неделю новый министр экономики Московии уже обсуждал с коллегами из Питера и Омска условия присоединения его страны к их экономическому союзу. Кстати, что-то интересное началось и в Минске, но там действовали осторожнее, с оглядкой на западных соседей, от которых следовало ожидать чего угодно. Похоже, что будущее государство Белой Руси скорее стало бы склоняться ко вступлению в Балтийскую федерацию. Уж с ней поляки точно не будут связываться.

А что же Киев?

Там все было нехорошо. Потеря доброй половины страны, а по населению — так и всех 60% — переводила Новую Киевскую Русь совсем в иную весовую категорию европейских государств. К такому еще надо было привыкнуть.

Некоторые так и не смогли.

Первой реакцией Верховного на сообщения из Москвы была попытка поднять по тревоге войска военных округов, на территории которых произошел «бунт», и бросить их на восстановление «конституционного порядка». А уже затем подтянуть и войска с Юга. Это легко просчитывалось заранее людьми, хорошо знавшими его характер. Именно они и решили не вступать с ним в прямое противостояние, а пойти по пути «итальянской забастовки». И с приказами Верховного стало происходить что-то странное. Они то ли не доходили до исполнителей, то ли доходили в искаженном виде, то ли неправильно понимались. В результате войска на территории Московии благополучно остались в казармах и в свой срок принесли присягу новой республике. Кто не захотел — покинул ряды армии и благополучно уехал на юг. Никто никого не неволил. Кстати, именно этот постулат — абсолютная добровольность выбора своего будущего — обеспечил спокойный и безболезненный переход власти. В истории такое бывало не раз, а люди, которые все это затеяли, знали и ее тоже.

Ну, а если нет подготовленных плацдармов, аэродромов, военных складов, то некуда перебрасывать по воздуху и мобильные части из южных районов.

Так что каждый новый день все яснее рисовал Верховному безрадостную картину: эффективных военных средств воздействия на Московию у него не было. Как-то вечером он уже совсем был готов отдать приказ начальнику Генерального штаба двинуть на север армию, забыв про врагов на юге и западе, но кто-то в его окружении явно хорошо просчитывал ход мысли Верховного. Следующим утром как раз тот же начальник Генштаба доложил ему о брожении в армейских частях, где большая половина военнослужащих была как раз выходцами с территории Московии. Ну, и как, и зачем их туда посылать? Чтобы они перешли на сторону

московских властей со всем своим оружием? А кто потом встретит поляков и турок на границах?

Переполюнявившая его ярость отнюдь не мешала Верховному мыслить здраво. Да и вокруг он умел оглядываться, как бы его не упрекали в звездности и высокомерии.

И самое главное — не было никаких сигналов от тех, кто в свое время выбрал именно его из нескольких потенциальных кандидатов на его нынешний пост, поддержал на выборах, обозначил «красные линии», за которые ему не следовало заходить в своей политике. Это были очень осторожные и умные люди, им ни в коем случае не нужно было, чтобы общественность хотя бы заподозрила марионеточный характер верховной власти в государстве. За все 20 лет его правления они лишь пару раз немного подправляли политическую линию Верховного, и он как-то даже привык считать себя настоящим сувереном.

В последние дни Верховный все чаще вспоминал об этих людях. Ему даже хотелось, чтобы они опять появились на горизонте и подсказали правильный выход.

И тем не менее, он сразу не понял, о чем вдруг завел разговор во время очередного доклада генерал из внешней варты.

— Вам просили передать, Ваша светлость, что главное в нынешней ситуации — сохранить существующие экономические связи с территорией Московии. Военную риторику желательно постепенно сократить. Более того, нам надо надеть на себя образ цивилизованной европейской державы, которая признает право отдельных национальных территорий демократическим путем определять путь своего развития. Надо их признать, обменяться послами. Церковный раскол тоже ни к чему. Надо предупредить благостного, чтобы не вздумал предавать их анафеме. Мы все — русские люди, хотя диалекты могут быть и разными.

По сути, слова генерала тянули на измену и расстрел, но оба понимали, что правила их игры определяет не военный кодекс.

— А что они потом потребуют? Вступить в их союз? Идти под Канцлера? Не бывать этому, пока я сижу в этом кресле!

— Никто и не думает Вас к такому принуждать. Но если возникнет нужда идти в союз — а она возникнет и скоро, это я уже от себя добавляю — то, конечно, лучше заранее уйти с почетом и славой. Момент и повод выберете сами.

— Главное — вовремя смыться. Хорошая жизненная установка. А если упусь? Силенка-то есть еще, ты знаешь. И должен бы знать, по твоей должности, как наши заклятые европейские друзья смотрят на этот союз. Тут вам впору бы думать, как от них отбиться. Да еще и украинская карта у меня в колоде остается. Сейчас только брось клич: моска-ли опять обижают неньку-Украину!

— Ну и останешься со своими хохлами на правом берегу! Еще половину от страны отколешь! Да и вообще, не надо бы так разговаривать, Ваше светлость. Друзья Ваши — люди серьезные. Ни перед чем не остановятся. Помните, наверное, чем Пятый кончил?

От последних слов генерала Верховного обдало холодом. Он вообще до этого момента считал, что настоящую историю одного из его предшественников — пятого по счету Верховного гетмана — в стране знает два-три человека, и уж генерал явно не входил в это число. А история была страшноватая. Почти полвека тому назад НКР была на грани вооруженного конфликта с Турцией из-за поддержки одного из кавказских православных анклавов. Для установления физической связи с ним срочно была построена новая дорога в горах, частью которой стал невероятно длинный туннель. Стройку гнали из политических соображений и выбрали для туннеля кратчайший, но не самый безопасный по сейсмике маршрут. Деньги при этом никто не считал. И просчитались. Уже через два года очередное обследование готового туннеля показало, что пользоваться им, мягко говоря, не стоит. Туннель надо было закрывать. Но открывали его торжественно, со всей возможной pompой, представляли своей и мировой общественности как достижение инженерной мысли НКР. Для полноты счастья строила тоннель компания, тесно связанная с близкими

родственниками тогдашнего Верховного гетмана. Скандал обещал быть знатным.

И тогда глава канцелярии Верховного — бесконечно преданный ему человек — на пару с одним из гетманов варты разработали план «элиминирования» (так они это называли) туннеля. Был инсценирован террористический акт, взрыв в туннеле, причем постановка недвусмысленно давала и четкий турецкий след. Жертв при этом реально старались избежать, но кто же знал, что автобус с группой французских школьников задержится на горном перевале, опоздает и попадет под взрыв.

Верховный, от которого всю эту жуткую затею держали в секрете, обрушился на «проклятых турецких террористов», поднял по тревоге флот и войска Кавказского округа и уж конечно не раздумывая ответил согласием на просьбу французского посла допустить парижских следователей к проведению расследования. Французам участие в расследовании нужно было в основном по внутривосточным причинам, объяснение Киева они вполне приняли на веру, но результат получился неожиданным. Спецы из Сюртэ сумели докопаться до истины — двоим из них это, правда, стоило жизни, и скандал вышел знатным.

По официальной версии, потрясенный коварством своих ближайших помощников, Верховный гетман умер от сердечного приступа. По полуофициальной — застрелился. Ну, а по совсем неофициальной — ему помогли те, кто справедливо полагал, что за свои поступки, равно как и поступки своих подчиненных, руководитель государства должен отвечать.

Так что историю Пятого предпочитали не вспоминать.

И сейчас Верховный гетман понял, что ему ее напомнили далеко не случайно. Но он предпочел оставить эту прямую угрозу без внимания и продолжал этот странный, невысказанный при других обстоятельствах разговор только потому, что этот генерал, открывшийся сейчас перед ним с совершенно новой стороны, был единственным человеком, с которым обо всем этом можно было говорить прямо.

И вообще, Верховный ведь не зря в свое время занял этот пост. Развитая интуиция не раз выручала его в прошлом. Сейчас она подсказывала ему, что, возможно, он говорит со своим преемником. Пусть тот даже еще сам об этом не знает.

Тут, собственно, стороны и перешли к главной теме разговора. Сроки отставки Верховного, гарантии, его будущее. Все надо было обставить изящно и красиво. Виллу для его будущего проживания в Швейцарии еще только предстояло подобрать, но недостаток в виллах в этой стране для отставных правителей пока не ощущался.

* * * * *

Обговорив пусть даже и в предварительном плане и эти детали, Верховный тяжело поднялся из-за стола, достал из бара бутылку коньяка, пару бокалов и жестом пригласил генерала к окну, у которого стояли несколько кресел и мраморный журнальный стол — вот ведь парадокс, подарок премьера УралСибя.

— Давай напоследок выпьем, может больше и не придется. И скажи мне, как сам видишь, где я ошибся? Ведь худо-бедно, но развивались, шли спокойно, без кризисов. В Европе с нами считаются. Что же произошло?

Генерал задумался. Ответ-то у него был уже давно, но он не знал, стоит ли добивать собеседника, которому сегодня и так досталось выше всякой меры. А, с другой стороны, почему бы и нет?

— Политический системный сбой, — формулировать он умел, — мы — он не стал говорить «Вы», чтобы лишний раз не травмировать Верховного — действовали, исходя из геополитических установок и политической практики первой половины XX-го века. После Мировой войны к территориальным изменениям было совершенно иное отношение. И сохранялось оно примерно до середины века. Вспомните, европейцы в принципе спокойно восприняли наши территориальные приращения после войн с поляками. Но прошло еще 50 с лишним лет. Конечно, изменение сфер влияния никто не отменял, но делается это теперь совершенно иными методами. Во всяком случае, на европейском кон-

тиненте. За пределами Европы — пожалуйста, но не здесь. Германцы между собой или с французами и поляками больше махаться не будут. Войны идут, но в сфере экономики и финансов. А мы отошли от этого принципа и создали тем самым очень опасный прецедент. Вот и получили в ответ.

— Так что, оно того не стоило? Да и не для себя я это делал — для страны! И народ поддержал.

— Народ поддержит и не такое, это — вообще не аргумент. А по делу — по-другому надо было. Сейчас если что и берешь, то совсем не обязательно это сразу в карман класть, тоньше надо.

— Ну, делай тоньше, если сможешь. А мы посмотрим.

Допили коньяк молча. Каждый думал о своем, и у кого думы были тяжелее — сказать трудно. За скобками оставалось еще немало вопросов, но все главное уже было сказано.

Выйдя из гетманского дворца, генерал вздохнул с облегчением. Как это часто бывает в его профессии, поручение и состоявшийся разговор имели не один подтекст. Гетман, как носитель идеи имперской государственности, еще мог смириться с тем, что его время прошло и пора уступить место новому единоличному лидеру из числа имперцев. Но совсем не известно, как бы он прореагировал на это предложение, узнай он все решения, принятые в узком круга вершителей судеб родины. Как рассказали генералу после их встречи один из участников, старейший и авторитетнейший из вершителей, подводя итог долгим спорам и обсуждению различных вариантов, хлопнул ладонью по столу и сказал:

— Хватит с нас Александров Македонских! Пора бухгалтера во главе страны ставить! Пусть дебет с кредитом сведет и дальше учит всех деньги считать и жить по средствам!

В результате было решено сделать пост Верховного — да, кстати, давно пора переименовать его в президента или еще что более современное — сугубо декоративным, а реальную власть передать правительству во главе с премьером. Ну, а на пост премьера не было более сильных кандидатов, чем тот самый бывший торговый гетман, доктор экономических

наук и реально лучший в стране знаток экономики всего Евроазиатского пространства, который, не сумев в свое время убедить Верховного в провальности решения по Астрахани, уехал преподавать в Сорбонну. Его уже вызвали обратно в Киев.

И практически сразу после этого разговора что-то неумовимое изменилось в атмосфере дворца и канцелярии Верховного гетмана. А оттуда это новое состояние политического эфира распространилось и дальше — в гетманства, Государственную Думу, военные штабы. Те, кто почувствовал предстоящее изменение главного политического вектора, благополучно прошел через наступившую вскоре трансформацию власти, ну, а кто не почувствовал, — того и не жалко.

В киевской Лавре царил траур. Благодный практически не появлялся на людях, вопросы не решались, все затихли. Отдел бископа обезлюдел — у всех сотрудников нашлись срочные дела в провинции, возникли проблемы со здоровьем или в семье, а его наиболее приближенные сотрудники вообще бесследно исчезли. Говорят, правда, кое-кого из них уже видели в Москве. Церковные остряки шепотом обменивались остротами на тему «безмосковского киевского патриархата», но было даже и не смешно. Все с ужасом ждали церковных новостей из Москвы и Константинополя. Церковные историки и теологи срочно искали прецеденты и решения церковных соборов, которые могли бы подкрепить юридически самые разные, часто противоположные, выходы из сложившейся ситуации. Церковь ждали перемены. Никто, правда, не знал, какие.

Что же касается народа, то он был искренне счастлив. На страницах газет появились портреты новых руководителей, а, значит, и повод посудачить о них и новом устройстве государственного руководства страны за кружкой пива. Новая власть прекратила все военные приготовления и пообещала не только жить в мире с соседями, но и при первой возможности вступить в Русский экономический союз. Вместо военных расходов часть ресурсов влили в социалку, прибавили прав местному самоуправлению, публично наказали

кое-кого из зарвавшихся чиновников, и немного отпустили вожжи в плане идеологии. Бизнес вообще поднял голову, а в Государственной Думе вместо экспертов-геополитиков массово появились специалисты в сфере экономики. Один за другим выходили законы в поддержку предпринимательства. Денежные ручейки в стране побежали быстрее и веселее. Полегче зажил и простой люд, а много ли людям надо?

Если кто-то решил, что это — заверение истории про Новую Киевскую Русь, он глубоко ошибается. Пути ее истории неисповедимы, а населяющие ее люди очень мало зависимы от атмосферы на властных олимпах. Несвободные внешне они могут очень долго терпеть, верить в разные благоглупости, поддаваться на немислимые авантюры, но если их терпению приходит конец, то узнать вчерашних терпил и обновить их уже невозможно. Они всегда идут своим путем. Беда тому, кто забудет об этом.

* * * * *

А что же Дьяконов и его сестрички? Что происходило с ними, пока История России — с большой буквы — описывала очередную спираль в своем развитии?

А ничего. Как сидели, так и продолжают сидеть. Теперь уже, правда, по приговору суда. Сначала никто просто не знал, что с ними делать. Государственный обвинитель дважды возвращал их дело вартовым для доследования. Понять его было можно. Кто же хочет выглядеть в суде абсолютным идиотом, рассуждая о наличии или отсутствии у платочков целительных качеств против глаза. Да и в суде не торопились. Им это счастье тоже особенно было не нужно. Ну, а всяких лазеек в законах, которые бы позволяли продлять следствие, бесконечно долго знакомить с его результатами обвиняемых и прочее, прочее, прочее, при желании всегда найти можно.

Но все рано или поздно кончается. Откладывать дело было больше нельзя. Сговорчивый судья с перспективой кадрового роста нашелся, вартовые и Патриархия даванули на прессу, прокурорские принесли в суд кучу томов с показаниями, протоколами, фотографиями. Вся эта макула-

тура ничего толком не доказывала, но анатураж судебного заседания создавала. А в конце судья и грохнула приговор: по пять лет каждому! За что, никто толком и не понял. Ну, да не они первые. Так и сидят.

Бископ же в Москве устроился очень даже неплохо. Уж что-что, а строить отношения с людьми он умел прекрасно. Не делая никаких резких движений и не навязывая свое мнение никому, он снискал себе уважение у людей самых разных взглядов и, как это очень нечасто бывает, всех устраивал. Постепенно наладился и быт. Конечно, не хватало киевского садика, дискретности личной жизни, но и здесь ему удалось организовать свой маленький частный мирок, которым уверенно и властно руководила его прежняя домоправительница. А про ту старую историю с Дьяконовым он старался больше не вспоминать. Что там в другом государстве было — давно все быльем поросло и забыто. А зря. Бог — он все видит и ничего не забывает.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мир Новой Киевской Руси	3
Платочки от сглаза	17
Садик.....	33
Карантин	45
Взлет Сизаренка	55
Статуя.....	64
Целесообразность	77
Символ	87
Синица в руках.....	106
Милые бранятся	129

Вадим Розанов

ПЛАТОЧКИ ОТ СГЛАЗА

Повесть о приключениях бископа
в Новой Киевской Руси

Подписано в печать

???.?.2018

Формат 84x108/32. Усл. печ. л.5. Тираж ?? экз.

Заказ №???

??????

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ?????????